

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГЕНИЕВ

«ОН УМЕР ОТ СЕБЯ»

САМОУБИЙСТВО
ВЛАДИМИРА
ВЫСОЦКОГО

Борис Соколов

Борис Соколов

САМОУБИЙСТВО
ВЛАДИМИРА
ВЫСОЦКОГО

«ОН УМЕР ОТ СЕБЯ»

ЭКСМО
МОСКВА
2011

УДК 82-94
ББК 63.3(2)
С 59

Оформление серии *С. Курбатова*

Соколов Б.

С 59 Самоубийство Владимира Высоцкого. «Он умер от себя» / Борис Соколов. – М. : Яуза : Эксмо, 2011. – 288 с. – (Тайная жизнь гениев).

ISBN 978-5-699-52890-5

Новая версия трагедии Владимира Высоцкого. Сенсационное расследование гибели великого актера и поэта. Шокирующий ответ на самые «неудобные» и «скандальные» вопросы: что сгубило «Шансонье всея Руси» – отсутствие официального признания, чрезмерное народное обожание, водка, героин? Из какого житейского сора росли его последние стихи и песни, кем была его последняя любовь, как рождались последние кинороли, в том числе и незабываемый образ Глеба Жеглова? Что заставляло Высоцкого жить «на разрыв аорты» и годами «стоять на краю», заглядывая в бездну, играя со смертью? Почему его поведение так похоже на самоуничтожение, самосожжение, суицид? И правда ли, что поэт сам себя свел в могилу, а его трагический уход – не что иное, как **САМОУБИЙСТВО**? Недаром же В. Смехов сказал: *«Он умер от себя»...*

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

© Соколов Б., 2011
© ООО «Издательство «Эксмо», 2011
© ООО «Издательство «Яуза», 2011

ISBN 978-5-699-52890-5

Владимир Высоцкий – запрограммированное самоубийство

Высоцкий сегодня, несомненно, – самый популярный из поэтов-бардов советских времен. Причины этого несколько. Во-первых, из плеяды исполнителей авторских песен Владимир Семенович оказался самым талантливым поэтом. Кроме того, он не только исполнял свои песни под гитару, но и сам писал к ним музыку. А главное, Высоцкий был профессиональный артист театра и кино. Среди остальных советских бардов профессиональным артистом фактически был только Юрий Визбор, но он в театре не играл, а лишь снимался в кино. Все это давало ему преимущество над другими советскими бардами.

Уникальность Высоцкого – в сочетании написанных им текстов песен с его же музыкой и аккомпанементом на гитаре и с самой манерой авторского исполнения (переживания) песни, с тем, как он играл свою песню. Наверное, ни один бард-шансонье в мире не имел такого уникального таланта. Может быть, поэтому Высоцкий добился определенного признания во Франции, хотя пел только на русском языке и, казалось бы, на чисто русские (советские) темы. Он не был выдающимся гитаристом. Его колле-

га по театру на Таганке Виталий Шаповалов, профессиональный музыкант, играл на гитаре значительно лучше и в начале карьеры Высоцкого помогал ему осваивать некоторые аккорды. Высоцкий, несомненно, был заметным поэтом, но все-таки не уровня Пастернака, Мандельштама или Бродского. Его поэтический талант проявился в довольно узкой области создания текстов, предназначенных для исполнения под гитару в форме, доступной для самых широких масс слушателей. То, что при жизни на родине Высоцкого официально не признавали поэтом, стихов его не печатали и в Союз писателей так и не приняли, безусловно, ограничило развитие его поэтического таланта, заставив сосредоточиться, так сказать, на прикладном жанре. И его стихи оказались наилучшим образом приспособлены для исполнения под гитару. В песнях созданный им звукоряд оптимально сочетался с гитарными аккордами.

А поэт Высоцкий был настоящий. Никто другой в такой мере не освоил поэтический потенциал русского разговорного языка, просторечия. Оттого-то герои песен Высоцкого воспринимались аудиторией как живые. Высоцкий, конечно, был оригинальным певцом с выразительным голосом (помните, в песне Окуджавы о Высоцком: «Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон»), но, конечно, по силе голоса до оперных, да и до эстрадных знаменитостей ему было далеко. В одной радиопередаче во Франции Высоцкий, кстати сказать, на французском языке, говорил о том, что он известен «не как певец, а как поэт и композитор, который поет свои песни на свою музыку. Я не профессиональный певец, который поет с большим оркестром...». Хотя пару раз ему пришлось записываться с оркестром. На той же передаче французским ведущим было сказано, что «Владимир Высоцкий очень известен в СССР и в странах Восточ-

ной Европы, как я уже говорил вчера вечером, и для советской молодежи он – как Боб Дилан». И актером Высоцкий был выдающимся, но, наверное, все-таки не самым выдающимся актером своего времени, даже в пределах СССР. Еще раз повторю: жаль, что почти не сохранилось видеозаписей спектаклей с его участием, но если взять хотя бы Глеба Жеглова в «народном» фильме «Место встречи изменить нельзя», то понимаешь, каких вершин актерского мастерства он достигал. А вот то, в чем ему не было равных, по крайней мере, в Советском Союзе, так это в амплуа певца-актера. Он не просто пел свои песни под гитару, он играл их героев, он как бы ставил моноспектакли. Не случайно Высоцкий во время концертов часто говорил: «Я сейчас покажу вам песню...» Так, как он, показывать песни больше никто не умел. Виталий Шаповалов вспоминает:

«У Володи-то сила особая. Это изнутри, это духовное, это тайна. А искусства – я не громкую фразу говорю – искусства без тайны нет.

Однажды он спросил:

– Почему ты в концертах не поешь мои песни? Просто любопытно – тебе что, они не нравятся?

– Что ты, Володя, – говорю, – очень нравятся.

– А почему не поешь?

– Да потому что спеть их на свой лад – это будешь не ты, а петъ «под тебя» – получится пошлятина. Что же мне, тоже хрипеть, что ли?

– Нет, ты по-своему пой.

– Ты, – говорю, – Володя, настолько уникален, что – дай Бог тебе здоровья – пой сам свои песни, ты это прекрасно делаешь. А петъ их другому нельзя, я убежден.

Этот разговор я вспомнил, когда после Володиной смерти мы работали спектакль «Владимир Высоцкий», где многим из нас довелось исполнять его пес-

ни. Любимов сказал: «Пойте по-своему». Я отвечаю: «Нет, я так не могу – ну какой же это Высоцкий, где он?..»

Хожу возле собственного дома и думаю: что мне делать? Как мне его петь? Подражать, хрипеть нельзя – хотя я мог бы запросто симитировать. Значит, нужно категорически придерживаться его ритмического рисунка, все эти сонорные согласные «м», «н» выпевать очень длинно, выпевать все фразы – он любил очень четко произносить текст. Например:

Пляшут ноты врозь и с тол-л-лком,
Ждут до, ре, ми, фа, соль-л-ля и си, пока-а-а
Разбросает их по пол-л-ллкам
Чья-то дер-рзкая р-рука-а-а.

Следить за произношением носовых согласных, его рычащих «р-р-р», четких «к», «х» – «делах-х-х!». Четко выпевать-выговаривать все звуки, даже глухие, следовать его манере, его наполнению.

И еще врубать тот самый его нерв. Свои силы врубать ровно настолько, насколько их хватит. Не экономить. У меня столько, сколько было у него, не будет – там все связано с голосом, с его звучанием, с тембральной окраской. У меня этого нет – значит, врубай все свое, что можешь.

Я попробовал это соединить – оказалось ужасно трудно. Трудно даже четко петь, как он, – невозможно выговорить. Попробуйте сами буквально, чисто спеть в его ритме:

Здесь вам не равнина, здесь климат иной!
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад...

Конечно, есть у него песни и попроще, но вот такие, ритмические, оказывается, петь очень трудно.

Постепенно где-то уже появился Володя. Уже узнаешь – это Высоцкий, это песня Высоцкого:

Я пол-мира почти через-зл-лые бои
Прошагал-л и пропол-лз-с батал-льоном-м...

Любимову говорили, что манера исполнения Шапена больше всех похожа на Володину. А шеф: «Да ничуть!» – разговорился, разбурчался. Мы с Золотухиным идем за декорацию, начинаем песню: «Я пол-мира...»

– Стоп! – кричит Любимов. – Не надо, чтобы эту песню пел Владимир! Пусть Шапен поет вживую!

– Юрий Петрович, так это Шапен и поет, – Золотухин в микрофон. Шеф промолчал – и поехали дальше.

Я вначале долго отказывался, пока не почувствовал, как ее надо петь. А когда почувал, эта песня мне стала жутко нравиться. Она и на слушателей очень сильно действует. Песня, вообще, малоизвестная, я сам не слышал ее в Володином исполнении, только в рукописи читал.

Двоюродный брат Владимира Высоцкого Павел Леонидов (Рабинович) вспоминал, как в Нью-Йорке узнал о смерти Василия Шукшина: «...Посмотрел на Бродвее в занюханном закутке «Калину красную». И плакал навзрыд... У меня тогда случился самый настоящий приступ ностальгии. Хуже, чем когда узнал про смерть Высоцкого, хотя они оба – самоубийцы. Оба. И обоих их толкали в спину. Поторапливали. Мне Вася на каких-то похоронах сказал: «Каждой сволочи хочется сказать речь на свежей могиле хорошего человека».

В нашей книге мы попробуем проследить, что же привело Владимира Семеновича Высоцкого к смерти в сорок два с половиной года. Разумеется, самоубийством в строгом смысле слова эта смерть не

была, хотя суицидальные попытки у барда случались неоднократно. Впрочем, они всегда происходили на публике и носили явно демонстрационный характер, чтобы окружающие еще раз доказали, как они любят Высоцкого или чтобы удовлетворили очередной каприз барда. В последние годы с помощью таких попыток мнимого самоубийства Высоцкий добивался от друзей, чтобы ему доставали наркотики.

Что же касается обстоятельств смерти барда, то, несмотря на некоторую неясность деталей и отсутствие посмертного вскрытия, оно ни в коем случае не было самоубийством. В том состоянии, в котором Владимир Семенович находился к моменту своей гибели, он просто физически не мог себя убить.

Но, образно говоря, всей своей жизнью Высоцкий совершал медленное самоубийство, приближая преждевременную кончину алкоголизмом, неумеренными сексуальными похождениями и, главное, наркоманией. Все эти недуги и пороки частью были природными свойствами Высоцкого, а частью стали следствием его огромного таланта, не получавшего столь желаемого им официального признания. В то же время осознание собственной гениальности сыграло с поэтом и актером злую шутку, спровоцировало желание «заглянуть за грань». У Высоцкого вплоть до самого конца была вера, что такому выдающемуся человеку, как он, ничто не может повредить и что алкоголь, секс и наркотики необходимы ему для творчества... В результате процесса саморазрушения Высоцкий очень быстро подорвал свой изначально крепкий организм, запрограммированный на долгую жизнь.

Но как раз те факторы, которые преждевременно погубили Высоцкого, сегодня во многом способствуют его популярности, которая остается на уровне популярности живых звезд шоу-бизнеса. Подробнос-

ти его бесчисленных любовных связей, пьяных загулов, наркотических ломок, постоянно публикуемые в прессе и в многочисленных книгах о Высоцком, помогают поддерживать интерес и к его личности, и к его песням. И еще этот интерес подпитывается ностальгией по советской эпохе. Хотя песни Высоцкого полны иронией по отношению к советской жизни и порой вскрывают не самые приглядные ее стороны. Но сегодня они вспоминаются уже как неотъемлемая составная часть того времени.

Мы постарались показать роль трех факторов: любовных походов, алкоголизма и наркомании – как в творчестве Высоцкого, так и в его жизни и найти ответ на вопрос, что же погубило великого артиста: тоталитарная власть или его собственные пороки, разрывавшие душу Высоцкого и ослаблявшие его тело.

Любовь Высоцкого

Каким был Высоцкий в любви? На этот счет существуют разные суждения, но подавляющее большинство имеющихся свидетельств касаются лишь телесного, а не духовного начала. А в любви у Высоцкого преобладало именно плотское, животное. Вот замечательное свидетельство, приведенное журналистом «Экспресс-газеты» Борисом Кудрявовым. Скорее всего, оно принадлежит другу Высоцкого, актеру и режиссеру Игорю Пушкареву, вместе с Высоцким снимавшемуся в фильмах 60-х годов, в том числе в «Штрафном ударе» и «Живых и мертвых»: «...Силушку мужскую нужно было куда-то девать. Полез он как-то с друзьями в горы. Добрались до базового лагеря. Остановились на ночевку. И тут Володька говорит: «Все, ребята, больше не могу. Ебаться хочу. Ждите меня через пару дней. И, резко так развернувшись, пошел один вниз. Вернулся через пару дней опустошенный, но такой счастливый. Глаз чистый-чистый. Так что «койка» для него была в первую очередь...

Во время съемок фильма «Штрафной удар», которые происходили в Алма-Ате летом 1962 года, Высоцкий отрывался с друзьями на славу. Собирались обычно на квартире дочери одного высокопоставленного чиновника. Девочки приходили как на подбор. У нас был такой девиз: «Пока не переедем пол-

Алма-Аты, исключительно казашек, чтоб до русских девок не касаться». Все происходило на самом деле очень красиво. Игриво, смешно. Без пошлянки. Но порой, такое случалось... Однажды, вдоволь навеселившись, крепко поддав, разбрелись по комнатам на ночлег. Каждый со своей избранной. И вдруг среди ночи из Володиной комнаты девичьи вопли-сопли. Да какие! Мы перепугались, соскочили со своих бабцов и туда. Молодые мужики с торчащими хуями, девки с висящими сисями. Смотрим, перед нами прям картина... Живописная. На краю постели сидит Высоцкий и задумчиво так покуривает. Рядом возлегла девица, а из нее, пардон, из ее причинного места торчит сарделька. Не знаем, что делать, что говорить. Смех душит. А баба визжит, стонет, надрывается прямо. Истерика с ней приключилась. Еле-еле успокоили. Видно, до бабы этой не сразу дошло, что с ней сотворил наш проказник. То есть она, видимо, была в полной уверенности, что блаженство-то продолжается. Вот такая шуточка от Высоцкого. С одной стороны – страшный удар по женскому самолюбию. С другой – хохма страшная. И больше мы в тот дом ни ногой».

История умалчивает, была ли злосчастная сарделька свиной или говяжьей. Если свиной, то тут вообще можно говорить о глумлении над религиозными чувствами верующих, поскольку подавляющее большинство казахов и казашек – мусульмане.

Заметим, что рассказ о вставленной в партнершу сардельке относится к распространенным мужским сексуальным фантазиям, богато представленным в интернетовском фольклоре. Вот образец такого фольклора, найденный мной на одном из интернет-форумов:

«Давняя история... Очередное бухалово на квартире у друга. Пили, пока было что пить, потом пошли

блядки, трахи и проч. Друган уединился со своей пассивной в отдельную комнату. В общем, началась прелюдия: выпили, поцелуи, обжиманцы, короче, во время этой предварилочки друга начинает разносить от принятого количества спиртного, и своим мутным синим разумом он понимает, что довести до логического конца дело он физически не сможет, а девушка меж тем разошлась не на шутку. Другу неохота ее обламывать, чего придумал этот придурок. Лежали они на диване, а рядом на столе выпивка, еда. Оба уже раздетые, в комнате темно, ну он и придумал. Взял со стола еще теплую сардельку, засунул ее девушке между ног, и стал совершать возвратно-поступательные движения. Девушка ничего не заметила, лежит балдеет, стонет. Друг тоже балдеет, типа, клево придумал... А теперь роковой поворот событий.

Девушке вдруг захотелось при свете увидеть своего трахалю-ебара. Она и попросила его (друга) включить свет. Друг на автопилоте встал, пошел и включил свет. У девушки был нервный срыв, потом истерика, потом и другу досталось. Дело в том, что, когда он пошел включать свет, он забыл вытащить сардельку. Представляете, что подумала девушка, когда включился свет, а внутри у нее (как она думала) торчит его член.

P.S. Сейчас они женаты, у них двое детей!»

Столь счастливого (или несчастливое?) финала в случае с Высоцким, разумеется, не было.

Однако само по себе совпадение рассказа об алматинских похождениях Высоцкого с фольклорным мотивом говорит вовсе не о том, что этот рассказ – чистой воды фантазия. Вполне можно допустить, что Высоцкий решил претворить в жизнь одну из собственных сексуальных фантазий. А столь истеричная реакция партнерши могла также объясняться тем, что она сначала подумала, что Высоцкий отрезал

себе член, и лишь потом поняла, что у нее во влагалище – безобидная сарделька.

А вот еще одно мнение анонимного свидетеля, приведенное Борисом Кудрявовым: «Высоцкий, между прочим, несмотря на малый рост, был великим ебарем. Кто считал его баб? Он что, Пушкин, что ли? Да, у того баб было немерено. Творчество – это же блядское занятие. Энергию нужно куда-то девать, правда? Если рядом сучки нет, пиши стихи или дрочи...»

«...В молодые годы Володя был «ходоком», причем крутым. Как мужик очень даже «ценился». Бабы от него кипятком писали. Веселые компании крутились вокруг почти каждый вечер. Поддатие, подпитие, разгул, одним словом. В 1961 году, снимаясь в Ленинграде в картине «713-й просит посадки», Володя жил в гостинице.

Немногие помнят, что, приехав на съемки, через какое-то время Высоцкий вдруг резко бросил пить. Почему? Вроде молодой, здоровый парень. Оказывается, он подцепил трепак (триппер, в шутку иногда называемый «гусарским насморком». – Б. С.). Произошло все банально просто. Чей-то «очередной» день рождения справляли в одном из гостиничных номеров. Ну и переспал Вовка с какой-то местной «метелкой». И подхватил это самое... Заболевание ведь обнаруживается, как правило, только на третий день. Элементарно – с конца капать начинается. Это сейчас такие «подхваты» лечатся легче насморка, а в те времена врачи мучили и мучились долго. Нужно было давать подписку о воздержании в половых контактах. Да еще раскрыть партнера, от которого заразился. И целый месяц выдерживать, терпеть амбулаторный режим. Да при этом еще колоться регулярно пенициллином, не злоупотреблять спиртным, совсем его не употреблять. Потом, по прошествии месяца, после первой выпивки – боль дикая».

Вполне можно допустить, что, по крайней мере, в некоторых случаях, когда в запоях Высоцкого происходили перерывы, они вызывались последствиями венерических заболеваний, а не только вшитыми «торпедами» и стремлением завязать с пьянством.

Женщин у Высоцкого было чрезвычайно много. Как вспоминал кинорежиссер Александр Митга, друг и сосед Высоцкого по дому на Малой Грузинской, Володя в шутку советовал ему купить себе автомобиль. «Зачем?» – «За один день можно сразу нескольких женщин объехать!»

Валерий Павлович Янклович, бывший администратор Театра на Таганке и бывший концертный администратор Высоцкого, на великого барда всегда смотрел снизу вверх, как на гения, – признавался в интервью с Борисом Кудрявовым: «Мы сблизились с Высоцким, когда он уже был состоявшимся гением. И сам знал об этом. Может, он меня и приблизил к себе, поскольку я это прекрасно понимал. Во всяком случае, Высоцкий никогда не был для меня Володькой».

Рядом с Владимиром Семеновичем я пробыл последние семь лет его жизни. Он объединил вокруг себя самых разных людей. После его смерти все разбежались по углам, стали, по сути, врагами. Потому что ничего духовного в нас по сравнению с ним не было и вряд ли уже будет».

Не оспаривая несомненное духовное превосходство Высоцкого, главный администратор Театра на Таганке, однако, указал, что «баб у Высоцкого действительно было много. Вот говорят, главная, мол, Людмила Владимировна Абрамова. Потому что она родила ему сыновей».

Да, родила! И что? Люся – лишь маленькая часть его огромной жизни. Самое большое место в сердце Высоцкого занимала все-таки Марина Влади».

И, как утверждал Янклович, без нее Высоцкий был бы «куций продукт системы, в которой все тогда жили. Смею утверждать, именно Марина Влади сумела привить Володе правильное отношение к деньгам, настоящему труду. Именно она открыла ему мир и открыла его миру. В Марине есть все – и величие, и бабская русская натура, замешанная на кухонной скандальности. Но самое главное в ней – огромное, просто вселенское море любви. Посмотрите на ее полуулыбку. Никакой Джоконде такое даже присниться не могло...

Конечно, в отношениях Высоцкого и Марины была не только любовь. С сексом там, кстати, было не все в порядке. Особенно в последние годы. Когда после Володиной кончины Влади узнала о Ксюхе (Оксане Афанасьевой, последней любви Высоцкого, позднее вышедшей замуж за актера Театра на Таганке Леонида Ярмольника. – Б. С.), это был для нее страшнейший удар...

В молодые свои годы он ведь не был для баб Высоцким. Просто мужчиной, мужиком. Это уж потом многие вообразили себя его музами и ангелами-хранителями. Вот та же Татьяна Иваненко заявляет, что без нее, мол, Володя бы спился. Что говорить об Иваненко? Она одна из его сотен девочек. Ей очень хотелось им поуправлять.

Все, не больше. Какого-то серьезного духовного влияния на Высоцкого как на художника она не оказала. Просто Татьяна одно время очень устраивала его в сексуальном плане...

В последние годы его жизни Ксюха Афанасьева имела, конечно, на него влияние. Володя принимал активное участие в обсуждении ее художественных работ, эскизов. Но при этом рядом с Володей теплились еще как минимум пяток баб. Афанасьева ведь совсем девочкой была. Ему секс с ней очень нравился.

А Марина к тому времени становилась слишком доверяющей. А он не терпел давления, особенно от женщин, ни в каком виде!»

Вот еще одно свидетельство об отношениях Высоцкого с женщинами, формально анонимное, но, скорее всего, принадлежащее тому же Янкловичу: «Просто Татьяна (Иваненко, актриса Таганки, родившая от Высоцкого дочь Анастасию, которую, однако, Владимир Семенович до конца жизни не признавал своей. – Б. С.) в одно время очень устраивала Высоцкого в сексуальном плане. Он аж весь заходился при одном упоминании Таниного имени. Трахаться с ней очень любил... А потом как-то поостыл, подзабыл... Реже стал к ней возвращаться».

По словам неназванных знакомых Высоцкого, у него с последней женой далеко не все было в порядке в сексуальном плане: «В последние годы жизни Высоцкий сильно тяготился Мариной. «Она так руководит в постели, что у меня уже вставать не хочет», – признавался он друзьям...» Заметим, что тут могла играть свою роль и наркомания Высоцкого.

Как полагал один из друзей барда, «душа Высоцкого рвалась между Мариной и Татьяной. Танька у него была палочкой-выручалочкой. Она, как нянька, вытаскивала его из пагубного омуты страстей. Она была его спасением, клинкой. Ей надо поклониться в ножки».

На похоронах Высоцкого Алла Демидова призналась Валерию Золотухину, как с Высоцким «удобно было играть «половые» сцены, когда они оба были в хорошей форме. Партнер – настоящий мужчина».

Также существует мнение, будто «с сексом у Высоцкого с Влади... было не все в порядке. Особенно в последние годы... Поднадоели они друг другу в последние годы порядком...». В то же время «все активные «наезды» Абрамовой на Таньку были еще при жизни

Нины Максимовны. Та считала Иваненко последней-распоследней блядью. Семью же разбила. А Люське было, конечно же, очень обидно. Поэтому везде и заявляла – не разбивала, мол, Иваненко их семью. Да кто она такая? Абрамова даже почему-то отдавала это право – разбивание семьи Марине. Вроде та выше какими-то человеческими качествами...»

А по утверждению актера Игоря Пушкарева, «Высоцкий ведь на спор сошелся с Мариной. В 60-х годах она снималась в Советском Союзе в каком-то фильме у Юткевича. Мы тогда очень гордились – как же, Марина Влади-Полякова, она из наших. Для советского кинематографа подобные съемки были чуть ли не первыми. Но когда газеты раструбили, что французенка приехала со своим любовником – каким-то румыном, да еще с детьми и прислугой, это стало шоком. Они жили в разных гостиницах в люксовых номерах. Потому что западной звезде так полагалось по рангу. Володька, когда обо всем узнал, сразу сказал: «Я Марину выебу!» «Ты что, сдурел?» – заорали мы, друзья. И ведь поспорили! Тогда и появилась знаменитая песня про Влади в зоосаде. Смех смехом, но, когда они сошлись, многие из нас в это не поверили: думали, что так разрешается спор. Ну, и выиграл мужик! Накрыл поляну в ресторане. Оказалось, все гораздо серьезнее, чем кому-то казалось. После случившегося все мы стали потихоньку отдаляться друг от друга».

Вот эта песня о Марине Влади в зоосаде, появившаяся в 1964 году, в первый приезд Марины в СССР:

Сегодня в нашей комплексной бригаде
Прошел слушок о бале-маскараде.
Раздали маски кроликов,
Слонов и алкоголиков,
Назначили все это в зоосаде.

– Зачем идти при полном при параде?
Скажи мне, моя радость, Христа ради! –
Она мне: – Одевайся!
Мол, я тебя стесняюсь,
Не то, мол, как всегда, пойдешь ты сзади.

– Я платье, говорит, взяла у Нади,
Я буду нынче как Марина Влади!
И проведу, хоть тресну я,
Часы свои воскресные
Хоть с пьяной твоей мордой – но в наряде.

Зачем же я себя утюжил, гладил?
Меня поймали тут же, в зоосаде.
Ведь массовик наш Колька
Дал мне маску алкоголика,
И «на троих» звали меня дяди.

Я снова очутился в зоосаде.
Глядь – две жены, ну две Марины Влади!
Одетые животными,
С двумя же бегемотами.
Я тоже озверел и встал в засаде...

Наутро дали премию в бригаде,
Сказав мне, что на бале-маскараде
Я будто бы не только
Сыграл им алкоголика,
А был у бегемотов я в ограде!

Этой песней Высоцкий напророчил свою судьбу,
ибо действительно смог покорить Марину.

Сюжет о том, как Высоцкий на спор соблазнил знаменитую французскую актрису, очень напоминает сюжет популярной советской комедии «Девчата» режиссера Юрия Чулюкина, вышедшей на экраны в 1961 году. Там герой Николая Рыбникова спорит с друзьями на ящик пива, что добьется любви молодой

поварихи Тоси, которую играет Надежда Румянцева. Однако затем озорство перерастает в серьезную любовь. Так же получилось и у Высоцкого с Влади.

После того как они поженились, Высоцкий разошелся со многими прежними друзьями. Теперь он стал мужем французской кинозвезды, вращался с ней в высшем свете, открыл для себя мир, посетил не один десяток стран за пределами «железного занавеса». Модные шмотки и дорогие иномарки уже не были для него проблемой. По образу жизни Высоцкий теперь сильно отличался от своих друзей, небогатых актеров, мечтавших об иностранных гастролях как о единственной возможности побывать за границей и молящихся на каждую импортную вещь. Но завидовали Высоцкому не только они, но и настоящие мэтры. Вот как, по словам Золотухина, Юрий Любимов объяснял свое желание заменить Высоцкого в «Гамлете»: «С этим господином я работать больше не могу. Он хамит походя и не замечает... Уезжает в марте во Францию. Ездит на дорогих машинах, зарабатывает бешеные деньги – я не против... на здоровье... но не надо гадить в то гнездо, которое тебя сделало».

Золотухин робко возражал: «Мы потеряем его, когда будет найден другой исполнитель. Заменить его, может быть, и следует, но, думаю, не по-хозяйски было бы терять его совсем». Любимов: «Да он уже потерян для театра давно. Ведь в «Гамлете» я выстроил ему каждую фразу, сколько мне это мук и крови стоило, ведь артисты забывают... Нет, я тебя не тороплю. Ты подумай».

Золотухин вообще-то мечтал о «Гамлете», но пытался сохранить и свои отношения с Высоцким: «А чего мне думать? Отказываться? Для меня, для любого актера попробовать Гамлета – великая честь и счастье. Но для того, чтобы я приступил к работе, мне нужен приказ, официальное назначение. Официаль-

ное, производственное назначение, а там уж видно будет...»

Соответствующий приказ был издан 25 декабря 1975 года и надолго развел Золотухина и Высоцкого, не простившего другу измены, поскольку понимал, что без согласия Золотухина приказа бы не последовало. Он не без оснований заподозрил друга в желании и невинность соблюсти, и капитал приобрести.

Как уже упоминалось здесь, друг Высоцкого Валерий Янклович утверждал: «В молодые свои годы он ведь не был для баб Высоцким. Просто мужчиной, мужиком. Это уж потом многие вообразили себя его музами и ангелами-хранителями. Вот та же Татьяна Иваненко заявляет, что без нее, мол, Володя бы спился. Что говорить об Иваненко? Она одна из сотен его девочек. Ей очень хотелось им поуправлять.

Все, не больше. Какого-то серьезного духовного влияния на Высоцкого, как на художника, она не оказала. Просто Татьяна одно время очень устраивала его в сексуальном плане...

В последние годы его жизни Ксюха Афанасьева имела, конечно, на него влияние. Володя принимал активное участие в обсуждении ее художественных работ, эскизов. Но при этом рядом с Володей теплились еще как минимум пяток баб. Афанасьева ведь совсем девочкой была. Ему секс с ней очень нравился. А Марина к тому времени становилась слишком довлеющей. «Она так руководит в постели, что у меня уже вставить не хочет!» – признавался Володя. А он не терпел давления, особенно от женщин, ни в каком виде!»

Замечу, что сама Оксана Афанасьева (Ярмольник) подозревала Владимира только в двух изменах, но Янклович в этом отношении явно является лицом более осведомленным.

По утверждению Валерия Нисанова, вся история с дочерью Высоцкого от Татьяны Иваненко Настей

«раскрылась для Марины на похоронах. Услышав новость чуть ли не от самой Иваненко, она была очень возмущена: «Ужас! Что это за бляди! Сейчас все сразу станут Володиными женами!» Матом она ругалась всегда вовсю. Марина возмутилась и по поводу Ксении. Хотя Володя к Ксюше очень хорошо относился, по-отечески».

После смерти Высоцкого Валерий Золотухин – актер Театра на Таганке и одно время близкий друг Высоцкого – записал в своем дневнике об Оксане Афанасьевой: «К. Что это за девица? Любил он ее, оканчивается, и два года жизни ей отдал...»

Свидетели их близких отношений, включая тогдашнюю супругу Владимира Высоцкого, мать его двух сыновей, Людмилу Абрамову, в один голос твердят, что Татьяна Иваненко благотворно влияла на Володю: постоянно вытаскивала любимого из запоев, принимала его в своем доме в любом, самом «разобранном» состоянии. Короче, была настоящей палочкой-выручалочкой. Но лишь до момента близкого знакомства поэта с Мариной Влади.

15 октября 1968 года на квартире московского корреспондента французской газеты «Юманите» Макса Леона произошла знаменательная встреча Высоцкого с Мариной. Там же была и Иваненко. В непримиримой борьбе за любимого мужчину, высказав друг другу пару «ласковых» слов, женщины расстались врагами. Победа, как известно, осталась за Влади. Хлопнув дверью, Татьяна покинула «поле битвы», пообещав Владимиру, «что уйдет из театра и с сегодняшнего дня начнет отдаваться направо и налево».

Брак между Высоцким и Влади был официально заключен 1 декабря 1970 года. Но это не помешало Владимиру сохранить близкие отношения с Татьяной Иваненко. Они часто бывали в одних компаниях

на гастролях театра в разных городах. От Высоцкого Таня родила дочь Анастасию.

«Поступила она чисто по-женски – захотела и родила от любимого мужчины, – полагал режиссер Павел Любимов. – Может, надеялась на то, что брак с Мариной Влади распадется. Но этого так и не произошло».

Валерий Янкович сомневался, что Анастасия Иваненко – дочь Высоцкого. Сам бард никогда своего отцовства в данном случае не признавал и денег на ее содержание Татьяне не давал. Однако практически никто из театральных друзей Высоцкого не сомневался в его отцовстве. А в начале 90-х годов, во время одного из своих приездов в Москву, Марина Влади встретила не только с Татьяной Иваненко, но и с Настей, фактически признав отцовство Владимира. Она понимала, что из-за нее Высоцкий официально так и не признал дочь. Ведь сам факт ее существования и появления на свет 26 сентября 1972 года разрушал созданную им же легенду о том, что Влади – это его единственная любовь. А тут получается, что через три года после брака с ней у него рождается дочь, что, очевидно, подразумевает серьезные отношения с ее матерью. Впрочем, Высоцкий никогда не был однолюбом. По свидетельству одного анонимного источника из Театра на Таганке, «нам казалось, Владимир Семенович корил себя за малодушие. Ему было стыдно, что не хватило духу официально признать дочку. В те годы не принято было афишировать незаконно рожденных детей. Высоцкого и так власти не любили. Иногда Владимир жаловался, что запутался в любви и живет не так, как хотелось. Иваненко не упрекала, не рассказывала о своей любви. Больше не вышла замуж, вырастила дочь, дала ей хорошее образование. Сегодня Таня формально числится в труппе Театра на Таганке. Получает небольшой оклад ежемесячно. Так

решило руководство, понимая, что она – часть истории театра, связанной с Высоцким».

Как вспоминал друг Высоцкого режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич, «Высоцкий нравился многим женщинам. Они от его бешеной энергетики сходили с ума, клали в почтовые ящики обручальные кольца с записками: «Я тебя хочу». Но главной женщиной его жизни была актриса Театра на Таганке Таня Иваненко. Отношения с Владимиром у нее начались задолго до появления в его жизни Марины Влади и продолжались при ней. Володя понимал, что мучает Татьяну. Но не мог ее бросить, она страдала. Только Марина уедет, Володя тут же притаскивает Таню к нам в Одессу. Ее я снимал по просьбе Володи в своей картине «Внимание! Цунами!»... Таня ему ни в чем не отказывала. Я такую преданность патологическую в женщинах не видел. Он был алкоголиком, как и я. В Одессе запил. Она прилетала, ухаживала, убирала за ним, приводила в человеческое состояние и – ни одного бранного слова. Влади, когда Володя запивал, уходила на тусовку, оставляла его с приятелями. Ей было неприятно видеть мужа в ужасном состоянии. А Таня жила только Володей. Единственное, чего она не выполнила, не отказалась от их ребенка. Для нее это было все равно что убить Володю. Потом она просто исчезла из жизни всех его друзей, дозвониться ей стало невозможно. Она выполняла в каком-то плане его желание. Он не хотел, чтобы кто-то знал об этом ребенке, и она исчезла вместе с ним. Мне казалось, они прекратили связь. Девочку я не видел. Это было страшной тайной и считалось для его друзей неприличным – домогаться вопросами».

Можно сказать, что для Высоцкого секс был родом наркотика, позволявшим на какое-то время забываться, уходить от грустных мыслей. В отношениях с

женщинами, а их у него были сотни, если не тысячи, для Высоцкого главным был секс, а никакая не духовность. С несколькими из влюбленных в него женщин, включая Людмилу Абрамову, Татьяну Иваненко, Марину Влади и Оксану Афанасьеву, у него были длительные романы, продолжавшиеся по нескольку лет и предполагавшие определенную духовную близость партнеров. Однако ни в какой момент эти женщины у него не были единственными. Духовное в женщине для него явно стояло на втором месте, хотя все те женщины, с которыми у него были серьезные отношения, представляли творческие профессии, будучи актрисами или художниками.

Характерно, что у Высоцкого в песнях практически нет любовной лирики. А если вдруг лирический мотив появляется, он тут же сводится на нет иронией. Как, например, в песне «Городской романс»:

Я однажды гулял по столице и
Двух прохожих случайно зашиб.
И попавши за это в милицию,
Я увидел ее – и погиб.

Я не знаю, что там она делала –
Видно, паспорт пришла получать.
Молодая, красивая, белая...
И решил я ее разыскать.

Шел за ней – и запомнил парадное.
Что сказать ей? – ведь я ж хулиган...
Выпил я – и позвал ненаглядную
В привокзальный один ресторан.

Ну а ей улыбались прохожие –
Мне хоть просто кричи «Караул!» –
Одному человеку по роже я
Дал за то, что он ей подморгнул.

Я икрою ей булки намазывал,
Деньги просто рекою текли.
Я ж такие ей песни заказывал!..
А в конце заказал «Журавли».

Обещанья я ей до утра давал,
Повторял что-то вновь ей и вновь.
Я ж пять дней никого не обкрадывал,
Моя с первого взгляда любовь!

Говорил я, что жизнь потеряна,
Я сморкался и плакал в кашне.
А она мне сказала: «Я верю вам –
И отдамся по сходной цене».

Я ударил ее, птицу белую, –
Закипела горячая кровь:
Понял я, что в милиции делала
Моя с первого взгляда любовь...

Судя по сохранившимся свидетельствам, сам вполне мог ударить женщину, как делают многие из его лирических героев. Даже на Марину Влади он в состоянии подпития поднимал руку. 16 марта 1970 года Валерий Золотухин записал в дневнике шокирующее признание Высоцкого: «Валерка! Ну почему мы с тобой не можем встречаться?! Я говорю Марине: поедем к Валерке, спросим у него, как нам жить... Но у тебя свои дела, тебе самому..»

– Я скоро повешусь от одиночества, Володя!

– У меня такая трагедия... Я ее вчера чуть не задушил. У меня в доме побиты окна, сорвана дверь... Что она мне устроила... Как живая осталась...»

Заметим, что герой Высоцкого в песне тоже «Выбил окна и дверь. И балкон уронил». Только эти прощальные строчки появились еще в 67-м году, когда они с Влади только-только познакомились. Впрочем,

Высоцкий в состоянии «пике», наверное, не раз крушил чьи-то окна и двери и бивал подвернувшихся под горячую руку мужчин и женщин, а заодно крушил мебель и посуду. По счастливой случайности, обходилось без трагических последствий.

Конечно, слава развращала Высоцкого. Влади случайно подметила в своей книге, что в любой компании всегда находились молодые девушки, готовые исполнить любые капризы Высоцкого. Мне представляется, что по-настоящему, в духовном смысле, Высоцкий никого не любил. В нем только отражалась любовь тех женщин, которые его любили. Из тех женщин, у которых с Высоцким были длительные романы, самой значительной творческой личностью была, как представляется, Марина Влади (да простят меня другие жены и возлюбленные моего героя). И в духовном смысле она любила его сильнее других, а потому и отражение любви было сильнее. Оттого большинству окружающих казалось, что Высоцкий ее любил сильнее других. На самом деле он по-настоящему не любил никого. Секс же был для него таким же способом разрядки после все увеличивавшихся артистических нагрузок, как и алкоголь и наркотики. И точно так же вел его к саморазрушению и самоубийству. Концертов становилось все больше и больше, разрядка требовалась все чаще. Сексуальные желания у Высоцкого ничуть не уменьшались, а вот возможности их реализации наверняка в последние годы были существенно подорваны наркотиками. Это создавало еще одно противоречие, тяжело давившее на психику Высоцкого. А это заставляло все чаще прибегать к наркотикам, что вело к неминуемой гибели.

С Оксаной Афанасьевой, своей последней возлюбленной, Высоцкий познакомился в 1978 году, когда ей было 18 лет. Она училась в Текстильном

институте на дизайнера, а потом стала известным театральным художником. Она так вспоминала об историческом знакомстве: «Я пришла на спектакль – к тому времени я уже ходила на Таганку. Зашла в администраторскую в антракте, чтобы позвонить. Там сидел Володя, и администратор Яков Михайлович Безродный сказал: «Ксюша, это Володя Высоцкий. Володя, это Ксюша». Володя в это время разговаривал по телефону, но сразу повесил трубку. Почему-то мимо аппарата.

И вот о судьбе: в тот день я вообще-то шла на другой спектакль, а его заменили на тот, что я уже видела. Могла уйти, но осталась из-за подружки. А Володя в тот день тоже не играл – он просто заехал кому-то заказать билеты. «Куда вы после спектакля?» – спросил он. «Домой». – «Не бросайте меня, я вас подвезу».

И подвез на 280-м серебристом «Мерседесе». Оксана продолжает: «Было смешно: когда я вышла, на улице стоял Вениамин Борисович Смехов на зеленых «Жигулях». «Ксюша, давайте скорее, я вас жду». – «Нет, нас уже подвозят». – «Кто?» Я показываю на Володю. Веня смотрит на него и говорит: «Ну конечно, где уж моим «Жигулям» против его «Мерседеса!» Но на самом деле «Мерседес» не играл никакой роли, мы тогда были беспонтовые: машина – не роскошь, а средство передвижения... я никогда не была театральной сырихой, поэтому для меня Володя не был божеством. В доме у нас, на Пушечной, собирались люди совсем непростые. Мой папа и мой брат дружили, например, с Леной Енгибаровым, приходил Лева Прыгунов, другие интересные люди. Это была моя среда. А Володя... Он для меня был очень таинственной фигурой. Про него ходили легенды, сплетни: Володя – алкоголик, бабник и вообще последний человек на этом свете...

Я боялась, что чувства с моей стороны могут быть гораздо сильнее и искреннее, чем с его.

В тот день, когда мы прощались, он сказал: «Дайте мне ваш телефон, я приглашу вас на «Гамлета». Но, когда позвонил и пригласил на спектакль, я уже собралась на Малую Бронную. «Знаете, Владимир Семенович, – сказала я ему... – Я иду на Эфроса». А он: «Ну давай, я отыграю «Гамлета» и подъеду за тобой. И мы пойдем поужинаем». И вот тут во мне что-то екнуло. Во время спектакля я волновалась ужасно. Моя подружка говорит: «Что ты дергаешься? Все бабы Советского Союза мечтали бы пойти поужинать с Высоцким. А ты – не пойдешь, неудобно. Дура!» И я думаю: «В самом деле, это же дико интересно, такой человек...» Вышла из театра, тут подшуршал Володя на своем «Мерседесе», и мы поехали к нему домой. Я была у него в гостях, «на Грузинах». «Не надо меня звать Владимир Семенович», – сказал он мне тогда. Володя за мной нежно ухаживал, угощал деликатесами из магазина «Березка». Было какое-то вино, печенку жарил сам. Печенка таяла во рту...

Потом он меня привез домой, на Пушечную. Сказал, что уезжает в Париж и непременно позвонит, когда вернется. Проходит какое-то время, и действительно звонит Володя: «Привет, привет, я приехал». Мы с ним перешли на «ты», и наши отношения стали как-то развиваться...

У него все было обволакивающее. Дико харизматичный. Наверное, не было ни одной тетки, которая могла бы устоять. Володя был охмуритель абсолютно профессиональный...

Сети не расставлял. Просто это было в нем самом. Вдруг он стал мне звонить. Начал ухаживать, и это была не случайная связь – встретились, переспали, разбежались, а настоящий роман в его классической форме. Я для себя решила: пусть это будет три дня,

неделя, но я буду с этим человеком, потому что он не такой, как все. И что будет дальше – все равно. В общем, я влюбилась. Но отдавала себе отчет, что не могу ничего требовать. Моя жизнь – это моя жизнь, моя любовь – это моя проблема...

Когда наш дом на Пушечной стали расселять, родители разменяли квартиру на двухкомнатную в Медведкове и однокомнатную на улице Яблочкова. Туда поехала я. И все говорили, что он купил мне квартиру. Ничего подобного. Но... он помогал мне, более чем. Я не была бедной студенткой – у меня был папа, тети, обожавшие меня. А когда появился Володя, я уже ни в чем не нуждалась. Володя просто запретил мне пользоваться общественным транспортом. «Ты должна ездить на такси, чтобы не тратить время. Не хочу, чтобы тебя толкали и зажимали в метро», – сказал он...

Содержания никакого не было. Да и я никогда ничего не просила. Володя давал деньги, делал подарки, он меня одевал, обувал, покупал какие-то вещи в дом. На новоселье купил мне холодильник. В то время нужно было все доставать. А для него таких проблем не существовало.

Если он привозил туалет, то к нему обязательно сапоги, сумку. У меня все было сногшибательное и в большом количестве – например, 17 пар сапог. Егор Зайцев, мой сокурсник, если мы приходили с ним в компанию, представлял меня так: «Вот это девушка, познакомьтесь, у нее 17 пар сапог!» А люди по три года в одной паре ходили... Он вообще очень любил, чтобы его вещи радовали и по-особенному принимались». Высоцкий настолько расщедрился, что, по словам Оксаны, хотел купить возлюбленной «маленькую спортивную «BMW» красного цвета... чтобы все видели, как я по Москве рассекаю. Володя в мелочах все-таки понты любил, хотя был абсолютно беспон-

товый. Так и говорил: «У меня все должно быть лучшее – и машина, и бабы...» По ее признанию, в сексе с Высоцким «все у нас было естественно».

Оксана также оставила нам описание творческого процесса Высоцкого: «Просто не спал, лежал, курил, потом в какой-то момент вставал и все-все-все записывал. Он не высиживал строчки, не правил, а сразу – раз, и на бумагу. Потом будил и говорил: «Послушай, послушай». Пел, сразу подбирая какую-то мелодию. Я видела: смотрит телевизор со стеклянными глазами, много курит, пепельница полна окурков – значит, работает».

Человеческие же качества Высоцкого его возлюбленная охарактеризовала следующим образом: «Он был жесткий человек, знал себе цену и никогда в жизни никому не позволил себе хамить. Он был свободным человеком. Даже по отношению к шефу он так умудрялся выстраивать отношения, что он диктовал, а не Любимов. Люди не могли себе позволять то, что позволял себе Володя, – сорвать спектакль, от чего-то отказаться. И ему это прощалось».

Больше всего меня поражало, как он удивлялся. «Откуда это берется? Вот птица гамаюн, я даже не знал, что такая есть. Только потом узнал, когда написал». Радовался неожиданной рифме, которой нет ни у кого. В какие-то моменты он напоминал Пушкина, который говорил: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын».

Оксана вспоминала, как «был момент, когда в институте я разочаровалась в людях: поняла, что 90 процентов из них потребительски ко мне относятся. Плакала, в депрессию впала. А Володя сказал тогда: «Люди так сделаны, запомни».

Творческим успехам Ксюши Высоцкий искренне радовался: «Когда я приходила в платье, которое сшила за один день, для него это было потрясением. Он

привозил мне из Парижа ткань, ну подумаешь, кусок какой-то тряпки, а она превращалась в платье, и это было волшебством для него. Его потрясло то, что делалось человеческими руками.

Подшивала – брюки, джинсы... У Володи был такой день, его он называл «днем раздачи денежных знаков населению». Это когда своим друзьям он раздавал вещи: очень любил, чтобы человек хорошо одевался. И сам любил хорошо и дорого одеваться. Любил качественные вещи. А те джинсы, что подшивала я, он никогда не отдавал. «Не отдам, их подшивала Ксюша».

По свидетельству Оксаны Афанасьевой, после знакомства с Высоцким КГБ однажды пыгалось завербовать ее в сексоты: «Я была на практике в Ленинграде. И как-то девчонки мне сказали, что мной интересуется один очень симпатичный парень. Все решили, что он кадрится ко мне. В Ленинграде Володя посетил меня в “Астории” – в лучшей по тем временам гостинице. Он не хотел, чтобы я жила в общежитии. И вот однажды я прихожу и узнаю, что меня выселили из моего номера. Говорят, что надо пройти в такую-то комнату и что там ждут какие-то люди. Я пришла, и выяснилось, что меня могут задержать за хранение валюты. А валюта у меня действительно была – долларов десять мелочью (Володя мне оставил эту мелочь). На них я в баре интуристовской гостиницы покупала себе тоник... Они мне тогда все про меня рассказали – кто я, кто мои родители, что папа во время войны сидел за дезертирство (никакого дезертирства не было, просто после ранения дед прятал его). Меня не запугивали, не кричали, а очень деликатно спрашивали: «Вы там бывали? А кто еще туда ходит? А кто с Высоцким разговаривал и что говорил? Может быть, вы все нам напишете?» Я, естественно, сказала, что писать мне нечего. Но самое интересное произошло

потом: тот парень, что сначала мной интересовался, предложил мне выйти замуж за него. Более того, он на свои деньги купил мне билет на поезд и сказал, чтобы я уезжала из Ленинграда. Помню, что его звали Руслан». По словам Оксаны, Высоцкий был в шоке от того, что гэбист предложил его любовнице выйти замуж. Несомненно, чекисты были в курсе если не всех, то большинства любовных походов Высоцкого, но законную супругу ставить в известность об этом не спешили. То ли проявляли деликатность, то ли опасались международного скандала. Так что вплоть до похорон Высоцкого Марина о существовании Оксаны не знала. Оксана же, разумеется, была прекрасно осведомлена о наличии французской жены, но этот факт ее не особенно беспокоил: «Как-то меня это не очень смущало. Потому что Марина – она ведь была где-то. И не было такого: он днем со мной, а вечером уходит к ней. Она жила своей жизнью, пару раз приезжала в Москву, и Володя ненадолго ездил к ней в Париж».

Оксана, правда, утверждала, что и при жизни Высоцкого Марина знала о ее существовании: «Знала. Ну а что она могла сделать? Я помню, она приехала из Парижа, и мы неделю с Володей не виделись. Я повела свою подругу на «Гамлета». Сидим на приставных стульях в центре зала. Володя играет. Следующая сцена была без него. Вдруг я чувствую, что меня кто-то дергает за подол юбки. Ну, думаю, совсем обнаглели, уже в театре пристают. Вижу, что и соседи на меня как-то в изумлении смотрят. Наконец в темноте рассмотрела – Володя в бархатных джинсах, сапогах, на полусогнутых подошел сзади и дергает меня: «Пойдем, пойдем выйдем» – и извиняется знаками перед зрителями. Он не знал, что я приду, он увидел меня со сцены. Я-то ладно, а народ обалдел».

Думается, однако, что Марина, не упомянула ни словом об Оксане в своей книге о Высоцком не потому, что не хотела, чтобы в этом памятнике их любви присутствовала ее удачливая соперница. Она, конечно, могла слышать, что вокруг Высоцкого вьются разные женщины, и в его абсолютную верность не верила, прощая ему мимолетные увлечения. Но вот то, что у него появилась серьезная любовь, – не подозревала.

Как рассказал парижский знакомый Высоцкого болгарин Дино Динев, «у меня был свой замок в пригороде Парижа возле Версаля, и Володя, приезжая во Францию, оставлял чемодан у Марины Влади, а жил у меня... Мы иногда захаживали с ним в бардачок «У Тани», который назывался так в честь хозяйки, старой московской блядушки. Сейчас-то она уже умерла. А в то время там концентрировались проститутки из Советского Союза. Таня мне всегда звонила: «Диночка, приходи вечером, украинка новая приехала!» Володя Высоцкий очень любил там бывать. Играл частенько до шести утра и много импровизировал. Таня даже купила для него гитару. И девушек навещать он любил. Это стоило 300 франков, примерно 60 долларов. Спросите, а как же Марина Влади? Да не любил он ее! Это же было очевидно. Впрочем, она его тоже. Каждый из них жил своей жизнью...»

Думаю, что парижский друг, больше смахивающий на сутенера, не прав. Пусть Марина и Владимир виделись в последние годы не так часто. Высоцкий любил свою французскую музу и нуждался в ней не меньше, чем в Оксане, и не только потому, что брак с Мариной давал ему свободу передвижения по миру. Духовная близость у них сохранялась, и недаром перед смертью Владимир собрался вырваться в Париж и даже имел на руках билеты туда на 29 июля 1980 года.

В последние дни жизни на вопрос Игоря Шевцова: «Ты часто можешь ездить?» – Высоцкий ответил:

«– Пока да.

– А по положению?

– Вообще-то, раз в год, но Марина мне исхлопотала так. Пока дают, а дальше...

– У нее положение прочное?

Он махнул рукой, усмехнулся:

– Это сначала она: «Россия! Родина!» Ностальгия... Но – быстро все поняла. Теперь в обществе «Франция – СССР» не бывает вообще, а у меня с ними – говорить нечего».

Высоцкий понимал, что в случае развода с Мариной Влади его перестанут свободно пускать за границу. Но такое могло произойти также и в том случае, если бы Марина отдалась от французских коммунистов. А такая угроза была вполне реальной.

Оксана признавалась: «Мне всегда нравились мужчины намного старше меня, с ровесниками у меня никогда не было никаких романов. Да и папа мой был старше мамы. И потом, когда мама рано умерла, все его последующие жены были намного его моложе.

Но с другой стороны, Володя для меня был мальчишкой – юмор, хулиганство, энергия, но при этом все было осмысленно, невероятно интересно. Да и я не смогла бы влюбиться в человека, который просто хороший человек. Это не снобизм: вот я дружу только с великими – нет. Я могу влюбиться в кого угодно, но он должен быть очень талантливым и интересным.

Однажды он меня нарисовал, хотя совершенно не умел этого делать. Он меня нарисовал с тремя глазами. Сказал: «У тебя есть третий глаз, потому что у тебя очень сильная интуиция».

По словам Оксаны, Высоцкий ее ревновал: «Смешной был случай: я первой вышла из дома на Грузин-

ской, Володя задержался. Там же находился Союз графиков, и два подвыпивших художника, которые шли за мной, сказали какую-то гадость – такое мужское хамство, но с интересом. Я повернулась: «Пошли вы...». В это время из подъезда вышел Володя с Лешей Штурминым (основоположник советской школы карате. – Б. С.). И не разбираясь, не спрашивая, бросились на них, и началось смертоубийство. Через минуту все кончилось. Мужики – и те и другие – стояли с оторванными рукавами, синяками, разбитыми носами».

Но и сам Владимир давал нешуточные поводы для ревности, пару раз изменив своей новой любви. Оксана вспоминала: «Для меня это было жуткой трагедией, когда я об этом узнала. Если бы это произошло сегодня, я бы рассмеялась. А тогда... Я даже уходила, он за мной приезжал, и все меня уговаривали вернуться. Вот Первомайские праздники, и Володя должен приехать за мной. Жду его дома на Яблочкова. Нет. Звоню, подходит Янкович. «Не волнуйся, все нормально, мы тебе позвоним». – «А где Володя?» – «Он не может подойти». – «Я сейчас приеду». – «Нет-нет, не вздумай».

Беру такси, через 10 минут вхожу в квартиру, там – е-мое: столы грязные, посуда, бутылки – настоящее гулялово. Захожу в спальню. Там Даль спит с какой-то бабой. Кошмар, вертеп, воронья слободка. Я хочу войти в кабинет, и вдруг оттуда выходит девка, мне знакомая, – в рубашке, босая. Я зову ее на кухню: «Ира, значит так: я сейчас уезжаю. Я приеду в половине третьего. В половине третьего в квартире должна быть идеальная чистота, помойка вынесена, и вас, б...й, не должно быть здесь даже духу». И уезжаю. Пошла на рынок. Через полтора часа звоню: «Все убрали?» – «Да». – «Хорошо. Можете спускаться».

Я приехала – девственная чистота в квартире, девственно на кровати спит Володя, в другой комнате спит одинокий Даль. Он проснулся, вышел, и я первый раз в жизни видела, как у человека трясутся руки и он пьет, держа стакан водки через шею на полотенце. У Володи такого не было. Я Володе потом ни слова не сказала, он извинялся. И еще потом был один неприятный эпизод – всего второй за два года».

Янклович эпизод с визитом Даля тоже запомнил: «1 мая к Володе приехал Даль «в полном разборе», сказал:

– Володя, я не могу идти домой в таком состоянии. Побуду немного у тебя...

Тогда Володя понял, что надо срочно что-то делать. Он сказал Олегу:

– Ты знаешь, у меня есть друг – врач Толя, он тебя посмотрит...»

Оксана: «В разобранном состоянии – это не то слово... Когда я зашла – первое впечатление, что человек неживой. К вечеру Даль пришел в себя».

А вот каким Даль запомнился личному врачу Высоцкого Анатолию Федотову: «Даль приехал... Володя говорит:

– Все! Надо вшиваться!

Есть такие таблетки «тетурам», их вшивают под кожу...

Еще эти таблетки называют «эспераль»... Метод лечения основан на страхе: выпьешь – станет очень плохо. Препарат блокирует фермент печени, который расщепляет алкоголь. Накапливаются кислые продукты – это мучительно...» 2 мая он вшил «эспераль» Дालю.

Оксана, несмотря на измены, на Высоцкого не обижалась: «Он вообще был благодарным человеком. Когда мы начали с ним жить и я первый раз у

него ночевала, мы утром встали, и я убрала постель. Для него это было потрясением. Клянусь. Он сказал: «Ты – первая женщина, которая убрала за собой постель...» Я же не знаю, как другие, но получалось, что они пользовались. А тут вдруг он понял, что я делаю это не потому, что он – Высоцкий, а человек, которого я люблю».

Оксана не знала, что Высоцкий изменял ей не дважды, а, по свидетельству Янкловича, не менее пяти раз.

Алкоголизм Высоцкого

В великом барде словно всегда боролись два начала – темное и светлое.

Помните песню Высоцкого «Раздвоенная личность»?

И вкусы, и запросы мои странны,
Я экзотичен, мягко говоря,
Могу одновременно грызть стаканы
И Шиллера читать без словаря.

Во мне два «я», два полюса планеты,
Два разных человека, два врага.
Когда один стремится на балеты,
Другой стремится прямо на бега.

Я лишнего и в мыслях не позволю,
Когда живу от первого лица.
Но часто вырывается на волю
Второе «я» в обличье подлеца.

И я боюсь, давлю в себе мерзавца,
О, участь беспокойная моя!
Боюсь ошибки: может оказаться,
Что я давлю не то второе «я».

Когда в душе я раскрываю гранки
На тех местах, где искренность сама,
Тогда мне в долг дают официантки
И женщины ласкают задарма.

Но вот летят к чертям все идеалы.
Но вот я груб, я нетерпим и зол.
Но вот сижу и тупо ем бокалы,
Забрасывая Шиллера под стол.

А суд идет. Весь зал мне смотрит в спину,
И прокурор, и гражданин судья.
Поверьте мне, не я разбил витрину,
А подлое мое второе «я».

И я прошу вас, строго не судите,
Лишь дайте срок, но не давайте срок,
Я буду посещать суды, как зритель,
И в тюрьмы заходить на огонек.

Я больше не намерен бить витрины
И лица граждан. Так и запиши.
Я воссоединю две половинки
Моей больной раздвоенной души.

Искореню! Похороню! Зарою!
Очищусь! Ничего не скрою я.
Мне чуждо это «я» мое второе.
Нет, это не мое второе «я».

Первое впечатление – замечательная шуточная пародия в образе пьяного хулигана на извечное русское свойство оправдывать даже самые низкие свои поступки воздействием неких внешних злых сил. Даже если эти силы вроде как составляют часть души лирического героя, но они все равно остаются там частью внешней, чужеродной, неосознаваемой. Словно герой стихотворения действуют в состоянии аффекта или в него вселяется дьявол. И пьяный, конечно же, совершенно не помнит наутро, что и как творил в хмельном угаре, и потому искренне недоумевает, почему его судят и собираются посадить.

А вот еще песня, одна из самых ранних:

Если б я был физически слабым –
Я б морально устойчивым был, –
Ни за что не ходил бы по бабам,
Алкоголю б ни грамма не пил!..

Если б я был физически сильным –
Я б тогда – даже думать боюсь! –
Пил бы влагу потоком обильным,
Но... по бабам – ни шагу, клянусь!

Ну а если я средних масштабов –
Что же делать мне, как же мне быть? –
Не могу игнорировать бабов,
Не могу и спиртного не пить!

Конечно, примерным пионером и комсомольцем Володя Высоцкий никогда не был. Не был он ни набожным христианином, ни примерным семьянином. А вращался он в такой среде, сначала дворовой, потом театральной, где не пить было просто нельзя. На беду, у Высоцкого скоро обнаружился природный алкоголизм (а склонность человека к этой болезни определяется исключительно генами), что предопределило его судьбу. Хотя, окажись его печень покрепче и не пристрастись Высоцкий к наркотикам, он и сегодня мог бы радовать нас своим творчеством. И, наверное, и женщины, и выпивка в его жизни в наши дни бы присутствовали. А вот песен того качества, что в 60–70-е годы, он, боюсь, больше не создал бы. Дело в том, что авторская, или бардовская, песня – жанр, к которому обычно относят творчество Высоцкого, – была востребована в период поздней оттепели и позднейшего «застоя», т. е. в период с конца 50-х до второй половины 80-х годов XX века. Затем, с началом перестройки и кра-

хом СССР, значимых авторских песен, по крайней мере, у тех бардов 60–70-х годов, которым посчастливилось дожить до 90-х годов и полной, казалось бы, общественной свободы, написано больше не было. Дело было, конечно, и в наступившей старости, ослаблении творческих порывов. Но в еще большей степени – в том, что время переменялось. Для тех настроений, которые ранее выражала авторская песня, появилась масса других каналов – радио, телевидение, пресса, общественно-политические дискуссии и прямая политическая борьба. Стало широко доступно творчество западных певцов и композиторов самых разных жанров. Напомню, что пионер авторской песни Булат Окуджава, скончавшийся в 1997 году в Париже, куда приехал на лечение, фактически перестал писать песни в 1988 году, когда создал их только три. Последнюю песню, «Отъезд», Окуджава создал в 1996 году, чувствуя приближение кончины:

С Моцартом мы уезжаем из Зальцбурга.
Бричка вместительна, лошади в масть.
Жизнь моя, как перезревшее яблоко,
Тянется к теплой земле припасть.

Высоцкий был младше Окуджавы на 14 лет. Если бы он прожил на свете столько же лет, сколько Булат Шалвович, ему суждено было бы умереть в 2011 году. Но вряд ли бы он много песен написал после конца 80-х. Хотя вполне возможно, что тогда Владимир Семенович обратился бы преимущественно к стихам и создал бы собственно стихотворные шедевры. А так его творчество свелось почти исключительно к песням. И ни одно из стихотворений Высоцкого так никогда и не обрело той популярности, какую имели его песни, ни одно не было признано поэтическим шедевром.

Вообще, Высоцкий неоднократно возражал, когда его творчество причисляли к авторской, или бардовской, песне, которую еще называли самодеятельной. Он резонно возражал, что он все-таки профессиональный артист и потому его песни – отнюдь не самодеятельность. Но бардом Высоцкого, как мне кажется, вполне правомерно называть. Ведь кто такие были барды? Это поэты – исполнители собственных песен, которые либо жили при дворах кельтских королей или вождей, либо странствовали (кельтское «bardos» означает «провозглашать, петь»). Фактически это были профессиональные артисты, зарабатывавшие на хлеб своим ремеслом. Любопытно, что кельтские барды славились не только своими песнями, но и своими любовными похождениями. Да и добрую чарку вина или пива любили пропустить чуть не каждый день. И в этом отношении от них в своем большинстве не отличались советские барды 60–80-х годов. Бывшая жена одного из них как-то признавалась в разговоре, что супруг был охоч до прекрасного пола, аки мартовский кот, из-за чего им и пришлось в конце концов расстаться. Высоцкий же среди советских бардов был несомненным чемпионом как по части выпивки, так и по обширности своего донжуанского списка.

Считается, что почти у каждого великого художника-творца (а к артистам это особенно относится) в душе существует некий внутренний разлад, который успешно преодолевается каждый день посредством творчества. Никакой трагедии этот разлад сам по себе не несет, наоборот, становится мощнейшим источником творчества. Беда, однако, случается в том случае, если творец является природным алкоголиком или, не дай Бог, пристрастится к наркотикам. Тогда алкоголь и наркотики также становятся, наряду

с творчеством, мощными средствами преодоления душевного разлада. В конце концов они почти всегда ведут художника к гибели либо посредством преждевременной смерти (особенно наркотики), либо, если благодаря крепкому организму художнику доведется прожить достаточно долго, к постепенному разрушению творческого начала и его вытеснению на периферию жизни. У Высоцкого, которому довелось прожить всего сорок два с половиной года, наркотики и алкоголь почти не успели повлиять на творческую составляющую (хотя в последние месяцы жизни барда она уже явно находилась в угнетенном состоянии). Зато они чрезвычайно быстро разрушили от природы очень крепкий организм актера и свели его в могилу.

Здесь Высоцкий был совсем не одинок, и его судьба очень мало зависела от того, при каком общественно-политическом строе он жил. Тот же путь повторили многие его западные коллеги, в чьем преждевременном уходе из жизни никак не приходится винить тоталитарную систему.

Может быть, последний и наиболее яркий пример – судьба короля мировой эстрады Майкла Джексона, который пережил Высоцкого всего лишь на восемь с половиной лет и к концу жизни оказался полной развалиной как в физическом, так и в психологическом отношении. Джексон не был наркоманом в строгом смысле слова, но фактически подсел на пропофол и другие снотворные средства. В смерти певца и танцора, музыканта и композитора официально винят его лечащего врача, допустившего роковую передозировку пропофола. И точно так же в смерти Высоцкого будут винить его лечащего врача, который, согласно некоторым версиям, допустил передозировку то ли наркотика, то ли какого-то успокаивающего средства.

Кстати сказать, к песенному творчеству как к главному делу его жизни, по справедливому замечанию его второй жены Людмилы Абрамовой, Высоцкий пришел от безысходности: «А почему он начал писать песни, которые – Володя Высоцкий? А что делать актеру, когда ему нечего играть? А что делать Актеру с самой большой буквы – Великому Актеру! – когда ему нечего играть? Он сам себе начал делать репертуар. То есть не то чтобы он делал его сознательно: «Дай-ка я сяду и напишу себе репертуар...» Так не было. А вот когда есть потребность себя высказать, а негде: в «Свинных хвостиках», что ли, или в «Аленьком цветочке» (в этих спектаклях Театра имени А.С. Пушкина Высоцкий играл эпизодические роли. – Б. С.)? Вот он и зазывал своих друзей, придумывал всякие штучки-дрючки, чтобы актеры поохотали».

Таким образом, Высоцкий стал сам себе режиссер, композитор, аккомпаниатор и поэт, писавший песни – мини-спектакли. Но и выкладываться такому артисту-универсалу приходилось сторицей. А природный алкоголизм сразу же подсказал главное средство расслабления после тяжелейших нервных перегрузок. И пошло-поехало. Как сказал о Высоцком один из его друзей, «он сам себя загнал».

Приведем еще одну песню Высоцкого на тему пьянства – «Ох, где был я вчера...»:

Ох, где был я вчера – не найду, хоть убей!
Только помню, что стены – с обоями,
Помню – Клавка была, и подруга при ей,
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал –
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застращать,

Что я голым скакал,
Что я песни орал,
А отец, говорил,
У меня – генерал!

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали,
И гостям, говорят, не давал продохнуть –
Донимал их блатными аккордами.

А потом кончил пить –
Потому что устал,
Начал об пол крушить
Благородный хрусталь,
Лил на стены вино,
А кофейный сервиз,
Растворивши окно,
Просто выбросил вниз.

И мене не могли даже слова сказать.
Но потом потихоньку оправились –
Навалились гурьбой, стали руки вязать,
А потом уже все позабавились:

Кто плевал мне в лицо,
А кто водку лил в рот,
А какой-то танцор
Бил ногами в живот...
А молодая вдова,
Верность мужу храня –
Ведь живем однова, –
Пожалела меня.

И бледнел я на кухне разбитым лицом,
Делал вид, что пошел на попятную.
«Развяжите, – кричал, – да и дело с концом!»
Развязали, но вилки попрятали.

Тут вообще началось –
 Не опишешь в словах!
 И откуда взялось
 Столько силы в руках –
 Я, как раненый зверь,
 Напоследок чудил:
 Выбил окна и дверь
 И балкон уронил.

Ох, где был я вчера – не найду днем с огнем!
 Только помню, что стены – с обоями...
 И осталось лицо – и побои на нем,
 И куда теперь выйти с побоями!

...Если правда оно –
 Ну, хотя бы на треть, –
 Остается одно:
 Только лечь помереть!
 Хорошо, что вдова
 Все смогла пережить,
 пожалела меня
 И взяла к себе жить.
 Хорошо!

Зарисовка, что и говорить, колоритная. Тут буян, без какого-либо намека на творческую одаренность, о своих похождениях узнает только со слов очевидцев-друзей, которые его «развязали, но вилки спрятали». И в роли спасительницы выступает молодая вдова, способная принять его такого, в надежде обуздать его разрушительную стихию. В жизни такой спасительницей выступала Марина Влади, с которой Высоцкий познакомился как раз в июле 67-го, в год написания песни. Но в тот момент он еще не знал, какую роль ей предстоит сыграть в его судьбе. На то, что она была прототипом героини этой песни, претендовала актриса Лионелла Пырьева, вдова известного режиссера Ивана Пырьева. Однако их

роман с Высоцким случился в 1968 году, уже после появления этой песни. Кстати сказать, именно Пырьева после одного из запоев сдала Высоцкого в психиатрическую клинику, где он пробыл всего несколько дней. Запой удалось прервать, но недуг не был излечен.

Или вот еще цитата из песни на тему пьянства:

Считать по-нашему, мы выпили немного.
 Не вру, ей-богу. Скажи, Серега!
 И если б водку гнать не из опилок,
 То что б нам было с пяти бутылок?

И здесь вроде бы герой шутовской, так что у слушателей и читателей даже мысли не должно было возникнуть, что это – сам бард. И только близкие друзья знали, насколько все это автобиографично, вплоть до величины выпитых доз горячительных напитков. Вот друг Высоцкого, актер Таганки Борис Хмельницкий, отвечая на вопрос интервьюера «Как вы считаете, почему многие актеры так подвержены пьянству?», утверждал: «Потому что у нас работа такая – экстремальная. Мы все пропускаем через свою нервную систему, через свои эмоции. Актеры живут и умирают на сцене, на съемках – так ушли Миронов, Вертинский, Шукшин... Высоцкий тоже умирал на сцене, ему уколы делали за кулисами, когда он играл Гамлета. И многие другие играют на пределе – больной, не больной, – нельзя не выйти на сцену, нельзя на сцене показывать свою боль». Тут надо оговориться, что Высоцкому во время спектакля отнюдь не сердечные препараты впрыскивали. И Хмельницкий об этом знал, но интервьюеру страшной тайны раскрывать не стал. Борис Алексеевич продолжал рассказывать Александру Левиту: «К слову, я вообще не пил, когда пришел в театр. Там пристрастился к этому делу, а завязать – ох, как сложно!...

Как говаривал Штирлиц, привычка, выработанная годами. Пить меня научил Юрий Любимов. После первой премьеры зашел в гримерку: надо отметить! Я говорю: вы знаете, что я не пью и не курю, так нас с сестрой Луизой родители воспитали. А он в ответ: «Что же это за артист такой?!» Потом, когда он ругал Высоцкого за очередную пьянку, я напоминал ему, кто спаивает актеров в Театре на Таганке (смеется).

А другому интервьюеру Хмельницкий признался: «Выпить я уважаю. Но только в свободное от работы время. Пожалуй, припомню только один случай, когда «принял на грудь» накануне спектакля. Да и то лишь потому, что день недели перепутал. Ведь выпить и идти на сцену – это же сплошное мучение. Зачем измываться над собой и зрителями. Но когда я пью, удовольствия не получаю. Думаю, идет это не от распушенности, а от той нервной нагрузки, которая выпадает на сцене, на съемочной площадке. Примешь сто грамм – и полегчает. Поэтому я – убежденный пьяница. Не знаю, что такое похмельный синдром. Могу пить, могу не пить – хоть неделю, хоть две. А алкоголизм – это страшная болезнь, к тому же трудноизлечимая. Я видел это на примере своих товарищей, которые уходили из жизни, не в силах справиться с властью рюмки. Не доведи, как говорится, Господь...

Моя первая рюмка случилась только на втором курсе театрального института, когда мы сдали первый акт спектакля «Добрый человек из Сезуана». Потом постепенно втянулся. Это понятно: ВТО, Дом кино, «поклонники таланта»...

Шампанское я не очень люблю. А вот коньяка, водки иной раз по девятьсот грамм приходилось принимать на нос, по литре. Но чем старше становлюсь, тем труднее берется эта планка... Перед любовным свиданием или во время него обязательно

люблю выпить. Тонус поднимается, жизнь кажется прекрасной и удивительной, женщина – особенно соблазнительной... Правда, случалось пару раз, что, готовясь к бурной ночи, слишком много «принимал на грудь», сил своих не рассчитывал. Потом каялся: вот идиот, такая женщина была прекрасная, а я перебрал...

Когда сидим теплой мужской компанией, я говорю примерно так: «Мои друзья, я безумно рад вас видеть. Тебя, Толя Ромашин, тебя, Ивар Калныньш, тебя, Виталик Шаповалов... Давайте выпивать весело, но не будем никому мешать. И не станем торопиться туда, куда ушли Володя Высоцкий, Олег Даль, Гена Шпаликов, Марис Лиепа...»

Высоцкий, как и многие другие актеры Таганки, иной раз выходил на сцену подшофе, что однажды привело к страшному конфузу, о котором мы еще расскажем. По многочисленным свидетельствам друзей и знакомых, Высоцкий, когда позволяли средства или обстоятельства, предпочитал дорогие иностранные напитки – ром, коньяк, виски. Водку не любил и пил только тогда, когда не было других напитков. В молодые годы, когда он еще не был богат и знаменит, Владимиру Семеновичу приходилось довольствоваться водкой и дешевым портвейном. А опохмеляться поутру он всегда любил шампанским.

Высоцкий часто писал о том, чего на личном опыте никогда не знал, но слушателям его песен казалось, что перед ними бывший зек (фронтовик, геолог, шахтер, рабочий и т. д.). Он умел замечательно перевоплощаться в каждого из героев своих песен, а их специфический жаргон превращать в высокую поэзию, но так, что у слушателей сохранялась полная иллюзия, что они слышат живую разговорную речь.

Друг Высоцкого, актер Таганки Виталий Шаповалов, говорил о нем: «Он не успевал: он знал Мещанскую, Каретный, театр, знал круг друзей, знал страну по рассказам людей. Не отсидев в тюрьме, писал о зеках, и зеки благодарны ему, потому что это написано так, как будто он сам сидел. Воевавшие благодарны за то, что он будто с ними воевал и т.д. Но все это – только следствие таланта Володи. Многим непонятно, как можно так писать. Мне ясно одно: это переработка гениального человека».

Замечу, что Высоцкий замечательно воспроизводил в своих песнях не только зеков и фронтовиков, но и пьяниц. А вот тут ему уже в немалой мере помогал большой жизненный опыт. Некоторые поклонники в свое время искренне верили, что и здесь имеют дело с блестящей стилизацией, а в действительности Владимир Семенович – вовсе не пьяница. Ну, пропустит рюмку-другую по праздникам или в компании друзей, не более того. К несчастью, песни о пьяницах были по-настоящему автобиографичными.

Мы не знаем, когда стартовал Высоцкий в выпивке – то ли на первых курсах МИСИ или Школы-студии МХАТ, то ли еще в старших классах средней школы. Марине Влади, согласно ее книге, Владимир признался, будто начал пить с 13 лет, но тут могло быть поэтическое преувеличение, как со стороны Владимира, так и со стороны его вдовы. Сам Высоцкий, в отличие от того же Хмельницкого, откровенных интервью о своем пристрастии к алкоголю никогда не давал и в своем пристрастии к спиртному никогда публично не сознавался. Ему требовалось создавать перед зрителями и слушателями совсем иной образ – крепкого, здорового мужика, надежного друга, который всегда придет на помощь и без хныканья преодолет трудности. Согласимся, что с таким образом совершенно

не вязался образ тяжелого алкоголика, изводящего родных, близких и коллег по работе своими запоями и сам нуждающийся в экстренной помощи.

Марина Влади в своей книге о Высоцком указывала на социальные и психологические корни его алкоголизма: «Ты острее, чем другие ребята твоего поколения, чувствуешь на себе сталинские наставления, клевету, чванство и произвол. Ты заклеишь все это в своих песнях. Придавленный окружающей тебя обыденностью, отмеченный исторической обстановкой – «победителей не судят», – ты искалечен не физически, как твои товарищи, но душевно. Твои поэтические и чисто юношеские фантазии, уже тогда сложные и противоречивые, похоронены под словом «хороших поступков», торжественных выходов в свет – «на людей посмотреть и себя показать». А после сытного ужина никто даже не подумает поговорить с обеспокоенным ребенком, который ложится спать и мечтает. К счастью, есть нежная и любящая мачеха. Она смягчает для тебя этот период терпеливой заботой и тем, что осталось в ней от древней культуры Армении – ее родной земли. Только ради нее я заставляла тебя видеться с отцом. Все это время я тянула тебя за рукав, я назначала эти встречи, я водила тебя на скучные ужины. Тебе не о чем было с ним говорить, и говорила я.

Гораздо позже я поняла: из-за всего этого – отца, матери, обстановки и уже тогда изгнания – ты начал с тринадцати лет напиваться».

Думается, все-таки алкоголизм барда не столь сильно зависел от его непростых отношений с родителями или давления душливой атмосферы последних лет сталинского правления. Гораздо большее значение для превращения Высоцкого в законченного алкоголика имел богемный образ жизни в актерской тусовке.

О том, как проходили запои Высоцкого, подробно рассказала Марина Влади: «Все начинается обычно с рассказов или анекдотов. Ты с удовольствием возвращаешься к смешным деталям – и Бог его знает, смешно ли это? – но все смеются. Таково твое искусство актера. Любая рассказанная тобой история становится комическим номером. Сначала я тоже смеюсь, прошу рассказать снова. Я люблю, когда ты рассказываешь, искоса поглядывая на меня, изображаешь разных людей, с которыми где только ты не знакомился. Я люблю, когда ты словно светишься от радости.

Теперь наступает следующий этап. Ты заказываешь мне пантагрюэльские ужины, ты зовешь кучу друзей, тебе хочется, чтобы в доме всегда было много народу. Весь вечер ты суетишься возле гостей и буквально спаиваешь их.

У тебя блестят глаза, ты смотришь, как кто-нибудь пьет, с почти болезненной сосредоточенностью. На третий или четвертый день почти непрерывного застолья, наливая гостям водки, ты начинаешь нюхать ее с видом гурмана. И вот ты уже пригубил стакан. Ты говоришь: «Только попробовать». Мы оба знаем, что пролог окончен.

Начинается трагедия. После одного-двух дней легкого опьянения, когда ты стараешься во что бы то ни стало меня убедить, что можешь пить, как все, что стаканчик-другой не повредит, что ведь ты же не болен, – дом пустеет. Нет больше ни гостей, ни праздников. Очень скоро исчезаешь и ты...

В начале нашей с тобой жизни я часто попадалась на эту удочку. И всегда возникал один и тот же вопрос:

– Я же вижу, да ты и сам чувствуешь, что начинается очередной приступ.

Почему не разбить эту проклятую бутылку, когда еще не поздно?

Ответ будет ясно сформулирован годами позже:

– Потому что я уже пьян до того, как выпью. Потому что меня заносит. Потому что на самом деле я болен. Это обычно случается, когда ты уезжаешь из Москвы, Марина, особенно, когда ты уезжаешь надолго.

Действительно, мы перебираем в памяти мои спешные возвращения, почти всегда в самой середине съемок, гастролей или именно в тот момент, когда я должна заниматься детьми. Как только ты исчезаешь, в Москве я или за границей, начинается охота, я «беру след». Если ты не уехал из города, я нахожу тебя в несколько часов.

Я знаю все дорожки, которые ведут к тебе. Друзья помогают мне, потому что знают: время – наш враг, надо торопиться. Если, на беду, я приезжаю лишь несколько дней спустя и у тебя было время улететь на самолете или уплыть на корабле, поиски усложняются. А иногда ты возвращаешься сам, как это было одной весенней ночью.

Я сижу дома – в квартире, которую мы снимаем на окраине Москвы. Началась оттепель, и земля вокруг строящихся домов превратилась в настоящее месиво. Чтобы выбраться к автобусу или в магазин, нужно идти по досочкам, проложенным мостками через лужи липкой грязи... Я не сплю и, когда раздается звонок в дверь, иду открывать. Какой-то глиняный человечек протягивает ко мне руки. Густая коричневая жижа медленно сползает с него на коврик, только серые глаза остаются светлым пятном на липкой маске. Потом лицо оживает, ты начинаешь хохотать как сумасшедший, довольный, что испугал меня, и принимаешься объяснять, что собирался прийти домой вчера вечером, но поскользнулся и упал в глу-

бокую яму и, несмотря на сверхчеловеческие усилия, не смог оттуда выбраться. Если бы не случайный прохожий, ты бы умер от холода, утопая в грязи. Ты так рад, что жив и что ты здесь и вдобавок протрезвел благодаря нескольким часам вынужденного сидения в яме, что я тоже начинаю смеяться, отмывая тебя под душем.

Но обычно я нахожу тебя гораздо позже, когда твоё состояние начинает наконец беспокоить собутыльников. Сначала им так приятно быть с тобой, слушать, как ты поешь, девочки так польщены твоим вниманием, что любое твоё желание для них – закон. И совершенно разные люди угощают тебя водкой и идут за тобой, сами не зная куда. Ты увлеклась их по своей колее – праздничной, безумной и шумной. Но всегда наступает время, когда, наконец уставшие, протрезвевшие, они видят, что вся эта свистопляска оборачивается кошмаром. Ты становишься неуправляем, твоя удесятеренная водкой сила пугает их, ты уже не кричишь, а воешь. Мне звонят, и я еду тебя забирать».

Доза по литру водки или коньяка на человека, о которой говорил Хмельницкий, – это четыре бутылки на двоих. Наверняка иной раз и по пять бутылок бывало, как в песне Высоцкого. Но даже в столь откровенном интервью Хмельницкий чуть-чуть лукавил. Даль, Шпаликов и Лиєпа действительно умерли от злоупотребления алкоголем. Это было хорошо известно. А вот Высоцкий умер все-таки не от пьянства, а от другой, еще более страшной болезни. Друзья Высоцкого, актеры Театра на Таганке Валерий Золотухин и Иван Бортник, пили тогда ничуть не меньше Владимира Семеновича, да и после его смерти отнюдь не собирались отказываться от вредной привычки. Однако благополучно здравствуют и сегодня, дай им Бог всяческого здоровья,

продолжают играть и сниматься. Да и тот же Борис Хмельницкий умер все-таки не от последствий пьянства, а от ракового заболевания. Высоцкий же, по мнению современников, был крепче здоровьем многих своих товарищей и обладал большой физической силой. Например, он мог, сделав стойку на руках, спуститься по лестнице. Природа запрограммировала Высоцкого на долгую жизнь. Бард вполне мог бы жить и петь сегодня или, по крайней мере, прожить на двадцать-тридцать лет подольше, чем ему отпустила судьба, даже если бы продолжал пить как лошадь, если бы печень выдержала. Значит, не только водка, а, может быть, и не столько водка, погубили «шансонье всея Руси»?

Нет, не только водка и не столько водка привела Владимира Семеновича к трагическому концу всего в 42 года. И не советская власть и непризнание официальных структур в качестве поэта и барда тому виной. Отнюдь не из-за каких-либо притеснений со стороны властей Высоцкий начал пить, а от того, что много пить принято было в той среде, в которой он рос и делал первые шаги в самостоятельной жизни – сначала в дворовой компании на Большом Каретном, потом среди начинающих актеров, у которых в их полуголодной жизни водка и портвейн всегда первенствовали над закуской. А то, что пьянство имело в случае с Высоцким столь разрушительные последствия для его организма, объясняется совсем не тяжестью жизни в несвободной стране. Гонений особых не было. Ведь диссидентом Высоцкий никогда не был. Недаром он с гордостью говорил: «Я не диссидент, я поэт». В своих песнях на советский строй и коммунистические святыни, в отличие от Александра Галича, Высоцкий никогда не покушался. И его совершенно невозможно представить себе в качестве ведущего программы

на радио «Свобода». Не столько из-за политических взглядов, которых, вероятно, в каком-то оформленном виде у Высоцкого просто не было, сколько эстетически и психологически. Хотя Высоцкому довелось общаться с представителями разных волн эмиграции, это была все-таки не его среда обитания. А из несвободной страны он в последнее десятилетие своей жизни регулярно выезжал по многу недель и месяцев на благословенный Запад и, как советский гражданин, женатый на француженке, и как артист, признанный во многих странах мира, успел объехать полсвета. Разумеется, жизнь барда не была сплошным праздником. Выпадали молодцу и шипы и тернии. Но уж нельзя сказать, что вся жизнь Владимира Семеновича только из одних шипов и состояла. Бывал и на его улице праздник. Да, не давали издаваться как поэту. Да, диски с его песнями выходили редко, а большой диск в «Мелодии» вышел только посмертно, через несколько лет после того, как такой диск вышел во Франции. Известно, они любить умеют только мертвых. Да, не пускали на Центральное телевидение. Да, требовали вернуть часть гонораров и угрожали уголовным преследованием. Да, публиковали статьи с зубодробительной критикой в партийной печати. Да, снимали с главных ролей в целом ряде фильмов, которые могли бы его сделать настоящей кинозвездой еще в конце 60-х. Это все – шипы и тернии. Но было ведь и другое, что далеко перевешивало все ощутимые минусы существования в советской стране. Главное – любовь миллионов, десятков миллионов слушателей и зрителей, ощущение востребованности своего таланта, возможность творить для широкой и благодарной аудитории. Возможность сыграть свои лучшие роли – принца Гамлета и Глеба Жеглова (может быть, одна из самых заметных

утрат отечественной и мировой культуры – это то, что ни один спектакль Таганки с участием Высоцкого так и не был целиком записан на пленку и тем сохранен для потомства). Наконец, ему досталась любовь прекрасных женщин.

Нет, все беды Высоцкого пошли исключительно от природной предрасположенности к алкоголизму, от него, от его воли не зависящей. Русскому человеку вообще свойственно источники своих проблем искать не внутри себя, а в воздействии внешних злых сил. Высоцкий и многие его друзья в этом отношении были вполне русскими людьми.

Интересно, что на Западе алкоголизм – удел очень многих звезд кино и эстрады, композиторов, писателей, живописцев. Однако никто там в этом не усматривает проблемы взаимодействия художника и общества. Алкоголизм там не является чем-то постыдным, если человек готов лечиться. Так, бывший президент США Джордж Буш-младший еще до своего избрания открыто признавал, что в молодости имел большие проблемы с алкоголем, но благополучно с ними справился и уже несколько десятилетий вообще не пьет. В той же Америке популярно общество «Анонимные алкоголики», объединяющее тех, кто решил совместно бороться с пагубным недугом. На Западе проблемы алкоголизма издавна широко обсуждаются и существует множество программ его лечения, финансируемые из государственных и частных источников. В СССР же до горбачевской перестройки серьезных мер по лечению алкоголизма не предпринималось. Да и антиалкогольная программа Михаила Горбачева базировалась главным образом на ограничении производства и торговли спиртным, а не на профилактике и лечении алкоголизма. Во времена же Высоцкого программ реабилитации алко-

голиков не существовало. Можно было лечиться в наркологические диспансеры и клиники, но это лучше было делать по знакомству, чтобы избежать огласки. Режим в этих учреждениях, как правило, был репрессивным, к алкоголикам относились как к психическим больным. Первые посещения антиалкогольных учреждений произвели на Высоцкого столь удручающее впечатление, что впоследствии он панически боялся госпитализации, даже к знакомым врачам.

Артисты обычно объясняют свое пристрастие к спиртному тем, что им необходимо снять то напряжение, которое они испытывают на сцене, играя до полной гибели всерьез. Правда, точно так же напряжение к концу дня накапливается у рабочих на заводах и шахтах, равно как и у обычных офисных клерков, и они тоже чаще всего снимают его проверенным русским способом. Но у артистов еще и божественный образ жизни – с постоянными банкетами, приемами, премьерами, презентациями, просто дружескими посиделками с обильной выпивкой. И если человек по генам своим алкоголик, то в артистической среде он алкоголиком непременно станет. Потому-то в художественно-артистической, творческой среде особенно много алкоголиков. Так произошло со многими кумирами публики на Западе, то же случилось и с Высоцким, как и со многими другими знаменитостями советской эпохи. Недаром великий актер Алексей Дикий провозгласил: «Бойтесь непьющего артиста».

Несколько раз Высоцкий и Бортник проходили лечение средством «эспераль», которое привозила из Парижа Марина Влади. В СССР его по-простому именовали «спиралью». На полгода-год запои купировались, а потом все начиналось сначала. Однажды из Италии Высоцкий прислал другу такие стихи.

«Скучаю, Ваня, я, кругом Испания. Они пьют горькую, лакают джин. Без разума и опасения. Они же, Ванечка, все без ПРУЖИН».

Но к пьянству добавились наркотики, и это сыграло в судьбе Высоцкого роковую роль. И здесь он тоже ничем принципиально не отличался от западных звезд кино и шоу-бизнеса. И результат был столь же плачевным, а то, что пить он не перестал, только приблизило развязку.

Высоцкий и наркотики

О том, как и почему Высоцкий пристрастился к наркотикам, сохранилось несколько свидетельств. Вот наивный рассказ Оксаны Афанасьевой, последней любви барда, о том, как Высоцкий сел на иглу: «Я познакомилась с Высоцким в довольно благоприятный момент: он целый год не пил совсем или пил очень мало – глоток или два шампанского, и больше ничего! – неплохо себя чувствовал, все в его жизни стабилизировалось. Это был, наверное, один из самых светлых периодов его жизни. Наркотики тогда употреблял редко, только после спектаклей. Чаще всего после «Гамлета», потому что «Гамлет» его выматывал совершенно. И Володя делал себе укол, просто чтобы восстановить силы. И никаких таких эффектов – как у наркоманов – у него не было.

Он как-то мне рассказывал, что первый раз ему сделали укол наркотика в Горьком, чтобы снять синдром похмелья. Одна женщина-врач уверяла, что приводит своего мужа-алкоголика в чувство только с помощью каких-то инъекций и таблеток. Решили попробовать, сделали укол – помогло. Второй, третий... Запой нет, похмелья тоже, Володя работает.

Вроде все замечательно, осталось только побороть стресс и страшную усталость. Ведь когда актер выкладывается в таких ролях, как Гамлет, ему необходима

реабилитация. Наверное, наркотики – это единственное, что ему помогало снимать напряжение. Он от меня все это скрывал вначале...»

По словам Оксаны, этот первый опыт с наркотиками относится к 1977 году.

А вот что вспоминает о начале наркомании Высоцкого весной 1977 года Марина Влади, вдова и самая сильная любовь Владимира: «Я жду тебя уже два часа – ты должен приехать в Будапешт на съемки фильма...

Ровно в пять тридцать поезд подходит к вокзалу... Я вижу тебя в конце платформы – бледного, с двумя огромными чемоданами, которые я не узнаю... У меня очень болит голова, и от твоего отсутствующего вида мне становится совсем грустно. Я на всякий случай тайком принохиваюсь, но от тебя не пахнет водкой, и я уже ничего не понимаю. Ты смотришь как-то сквозь меня, и в твоих глазах меня пугает какая-то пустота... Физическая боль после самой жуткой пьянки – это ничто в сравнении с психическими мучениями. Чувство провала, угрызания совести, стыд передо мной исчезают как по волшебству: морфий все стирает из памяти. Во всяком случае, в первый раз ты думал именно так. Ты даже говоришь мне по телефону с мальчишеской гордостью:

– Я больше не пью. Видишь, какой я сильный?

Я еще не знаю цены этой твоей «силы». Несколько месяцев ты будешь обманывать себя. Ты прямо переходишь к морфию, чтобы не поддаться искушению выпить. В течение некоторого времени тебе кажется, что ты нашел магическое решение. Но дозы увеличиваются, и, сам того не чувствуя, ты попадаешь в еще более чудовищное рабство. С виду это почти незаметно: ты продолжаешь более или менее нормальную жизнь. Потом становится все тяжелее, потому что сознание уже не отключает-

ся. Потом все это превращается в кошмар – жизнь уходит шаг за шагом, ампула за ампулой, без страданий, потихоньку – и тем страшнее. А главное – я бессильна перед этим новым врагом. Я просто ничего не замечаю...»

У Марины старший сын Игорь был наркоманом, связался с хиппи, не раз уходил из дому, так что она хорошо знала то, о чем писала. Игорь лежал в специальной клинике для наркоманов в Шарантоне. Все стадии трагического процесса уже прошли однажды на ее глазах. Однако в конце концов Игорь остепенился, с наркотиками завязал, женился и уехал к отцу, актеру и режиссеру Роберу Оссейну (графу де Пейраку в популярных в те годы и во Франции, и в СССР фильмах про Анжелику) на Таити, где занялся выращиванием жемчуга. Здесь, к счастью, пагубное пристрастие удалось купировать еще на ранней стадии. У Высоцкого же недуг зашел слишком далеко, и через три года после возникновения пристрастия к морфию шансов на спасение уже не было. А под самый конец жизни появились и кокаин, и героин. Благо средства позволяли. Хотя какое тут благо, одно несчастье.

Высоцкий в «парижском дневнике» 1975 года описывает специализированную клинику для наркоманов Шарантон, где они с Мариной навещали Игоря: «Поехали в больницу. Похоже на наши дурдома, только вот почище, и все обитатели – вроде действительно больные. Ко мне разбежался кретин в щетине и потребовал закурить. Я дал...»

Здесь Высоцкого оттянуло на философские размышления, возможно, под влиянием чтения булгаковского «Мастера и Маргариты», где, как известно, покой становится высшей наградой, дарованной главному герою:

«...Все хотят своего – покоя.

Врачи – избавления от беспокойного пациента – покой.

Игорь – избавления от всех, чтобы продолжать начатое большое дело. Покой.

Родители, чтобы больше не страдать. Покой.

Я – чтобы мне лучше было. Все своего и по-своему, поэтому общего решения найти почти нельзя».

Тут Владимир Семенович приходит к очень тонкому наблюдению, делающему честь его философскому уму: покой одного человека очень часто мешает покою другого человека, и практически невозможно достичь покоя для всех сразу. У каждого – свое представление о покое, и в обыденной жизни эти представления, как правило, сталкиваются друг с другом. И оказывается очень трудно помочь даже близкому человеку в обретении желаемого покоя.

В начале 1975 года Высоцкому пришлось наблюдать Игоря под наркотическим кайфом, и он записал в дневнике: «Увидели Игоря. Он сидел и что-то калякал, даже не встал. Под лекарствами он – бледный и безучастный, глаз – остановлен, все время на грани слез. Я даже испугался, увидев. Говорили с ним.. Спасать надо парня, а он не хочет, чтобы его спасали, – вот она и проблема, очень похожа на то, что и у меня. Хочу пить – и не мешайте. Сдохну – мое дело и т.д... очень примитивно, да и у Игоря не сложнее».

После разговора с Игорем Высоцкий записал: «Я пока не могу это описать, и как мать это выдержала, и выдерживала, и будет выдерживать – не понимаю. Но положение безвыходное. Созерцать, как парень гибнет, ведь нельзя. А он-то хочет гибнуть. Вот в чем вопрос. Ушли. И весь остаток дня прожили в печали, ужасе и страхе».

Действительно, как бороться за жизнь человека, который сам хочет гибели? Высоцкий проецировал

состояние Игоря на свое собственное, особенно в период очередного запоя. Но думал ли Владимир Семенович, что через какие-нибудь три-четыре года окажется в еще худшем положении, чем Игорь? Мы боюсь, никогда не узнаем, стремился ли Высоцкий к гибели в последние месяцы своей жизни. Но несомненно то, что все его действия объективно были сродни самоубийству.

Несомненно, в тот момент, когда Высоцкий впервые попробовал наркотики, началось его последнее, смертельное пике. О том, как, когда и где это случилось, существуют, на первый взгляд, несколько разноречивых свидетельств. Кроме цитированных выше воспоминаний Оксаны Афанасьевой и М. Влади, есть еще рассказ друга Высоцкого художника Михаила Шемякина: «Володя мне говорил, что до последних дней своей жизни будет недобрим словом вспоминать человека, своего друга с Таганки, который посадил его на иглу. Вроде бы из добрых побуждений, пытаясь помочь ему освободиться от алкогольной зависимости. Он уговорил его сделать небольшой укол. Володе стало лучше, но после укола его потянуло снова на кокаиновое похмелье. И пошло-поехало...»

Для полноты картины следует упомянуть, что существуют еще две версии того, как всенародный бард приобщился к наркотикам. По одной из них, на иглу Высоцкого посадил сын Марины Влади Игорь. По другой, это сделал КГБ, используя неназванного Шемякиным по имени актера-наркомана. Чекистам будто бы очень не нравилось, что Высоцкий пропагандирует в своих песнях либеральные и западные ценности, хотя, по крайней мере, в трех процитированных выше песнях пропаганду ценностей такого рода усмотреть довольно трудно. Обе эти версии представляют собой чисто логические конструкции, не

опирающиеся ни на какие свидетельства, и большого доверия не заслуживают. С Игорем Высоцкий встречался редко, только во время своих поездок в Париж, а с его компанией хиппи и вовсе не был знаком. И приведенные выше записи из дневника Высоцкого, посвященные встречам с Игорем, категорически опровергают возможность того, что сын Марины Влади мог приобщить его к наркотикам.

Что же касается КГБ, то чекистам совершенно ни к чему было прибегать к столь экстравагантному способу расправиться с потенциальным противником советской власти. Ведь никто же не мог точно предсказать, сколько он протянет, подсев на иглу: три года, пять лет, а может, и все десять. Уж проще было бы просто арестовать его за хранение наркотиков и дать срок. Впрочем, срок ему можно было дать и по хозяйственной статье, за незаконное предпринимательство, проведение «левых» концертов и получение неучтенных гонораров. Как раз в последние годы жизни Высоцкого начинало раскручиваться дело концертных администраторов при известных исполнителях, которых как раз и обвинили в этих и других смертных грехах. Если бы Высоцкого надо было посадить, то это легко можно было сделать без всяких наркотиков, просто пристегнув его к одному из дел концертных администраторов. Однако как раз незадолго до смерти по одному из таких дел Высоцкий был оправдан. И оправдан именно потому, что правоохранительные органы получили с самого верха ясную установку – артистов, всесоюзных и мировых знаменитостей в это дело не вовлекать. О финансовых делах Высоцкого мы расскажем далее.

Разумеется, если бы Высоцкий был настоящий диссидент, подписывал бы петиции в защиту политзаключенных, издавал подпольный журнал или на

своих концертах открыто призывал к изменению существующего строя, управу бы на него нашли достаточно быстро, и на жену-француженку не посмотрели бы. Высоцкого могли либо вынудить эмигрировать, как Галича (этот вариант представляется наиболее вероятным), либо даже посадить, причем совсем не обязательно – по политической статье. Тут вполне сгодились бы и «левые» гонорары за концерты.

Однако Высоцкий, как известно, диссидентом никогда не был и прямой критики советской власти ни в песнях, ни в публичных выступлениях никогда не допускал. Запрещенную литературу, правда, почитывал, да и то больше за рубежом. А эмигрировать он не собирался, хотя и имел все возможности сделать это совершенно легально. Но как раз о том, что он из страны никогда никуда не уедет, Владимир Семенович не раз заявлял и в выступлениях, и в песнях:

Я смеюсь, умираю от смеха
Как поверили этому бреду?
Не волнуйтесь, я не уехал
И не надейтесь – не уеду!

Разного рода «фиги в карманах» и тонкие намеки на то, что мы, дескать, живем в несвободном и гнилом обществе (как писал Валентин Гафт о Высоцком, «он пел о нашей жизни скотской»), власть особо не волновали.

Затея же с тем, чтобы посадить Высоцкого на иглу, задумай чекисты это сделать, сама по себе была бы крайне рискованной и грозила непредсказуемыми последствиями. Что бы случилось, например, если бы Высоцкий попался с наркотиками? Добро бы произошло это в СССР. Здесь КГБ при желании легко мог замять дело в обмен на какие-то услуги со стороны артиста. Хотя какие услуги от него, по большому сче-

ту, могли потребовать? На роль сексота он явно не годился, а верноподданническая песня про героев-чекистов в его устах неизбежно воспринималась бы как злая пародия. А если бы с наркотиками Высоцкий залетел где-нибудь во Франции? Как бы тогда пришлось реагировать советской стороне? Ведь он все-таки был артистом, официально признанным в СССР. Вытаскивать ли его любой ценой или, напротив, дать ему очутиться во французской тюрьме? Ни одно из этих решений не было очевидным, имело свои плюсы и минусы и наверняка принесло бы властям лишь дополнительные хлопоты.

К тому же на наркоманию в СССР тогда вообще обращали мало внимания. Считалось, что это – удел прогнившего западного мира, а в стране победившего социализма ее просто не может быть. Поэтому вряд ли кто-нибудь в КГБ или МВД решил бы избавиться от Высоцкого с помощью такого экзотического способа, как наркотики.

Главное же, сотрудники правоохранительных органов в своем большинстве любили Высоцкого и мечтали получить автограф кумира. Наверняка подобные настроения были и среди чекистов среднего звена. Можно не сомневаться, что, узнай они, что кто-то из начальства собирается посадить барда на наркотики, сделали бы все, чтобы эту провокацию сорвать, придав ее огласке. Писатель Валерий Попов вспоминал, как в середине 60-х годов в Ленинграде «шел мимо грозного Большого дома и услышал из раскрытого окна родной хриплый бас – запись Высоцкого. И там наши люди! Только вот со службой им не повезло... или, наоборот, повезло?»

Естественно, любовь чекистов к Высоцкому преувеличивать не стоит. Если бы поступил приказ Высоцкого арестовать, 99 из 100 бойцов невидимого фронта выполнили бы его без каких-либо

колебаний и угрызений совести. Но без прямого приказа начальства никто из них гадить Высоцкому ни по-мелкому, ни по-крупному не собирался. И если бы кто-то готовил против Высоцкого серьезную провокацию, наверняка произошла бы утечка через сочувствовавших Высоцкому чекистов, которых было гораздо больше, чем несочувствовавших. Оксана Афанасьева (Ярмольник) признается: «Со временем я поняла, что было немало людей, которые хотели, чтобы Володи не было в стране. Даже при всей любви к Володе Брежнева и особенно его дочери Галины это все равно был «совок», который его боялся, считал опасным. Кагэбэшники, которые слушали его песни, говорили: «Мы вас обожаем», – но при этом могли сказать: «Вы что тут? Вы у нас смотрите». И пальчиком грозили. А с другой стороны, на этом же уровне было еще больше тех, кто противодействовал первым. И это негласное противоборство давало ему возможность жить и работать в стране».

Да что чекисты, начальство само очень любило песни Высоцкого. Однажды ему даже поступило предложение попеть в узком кругу для секретарей ЦК, которое Высоцкий с возмущением отверг, так как холуем быть не собирался.

Более того, вполне можно допустить, что фигура Высоцкого и его творчество по большому счету коммунистическую власть устраивали. Он пел о нашей жизни правду, но при этом не звал на баррикады. У его поклонников складывалось впечатление, что вполне можно жить той обычной жизнью, без навязчивой идеологии и лозунгов, и находить в этой жизни что-то поэтическое, пусть даже и рядом и вместе с тем, что достойно осмеяния. Можно сказать, что для миллионов поклонников Высоцкого его творчество создавало некий модус вивенди с советской властью,

стало неким рефагнумом, в котором можно было спрятаться от навязчивой советской идеологии, от обязательных собраний и песен советских композиторов и поэтов. Помните, как у Владимира Сорокина в рассказе «Открытие сезона» два охотника-людоеда используют запись песни Высоцкого «Лукоморья больше нет» в качестве манка, чтобы направить заблудившегося путника под выстрелы своих ружей. Песни Высоцкого были неким манком для советской интеллигенции, создавали ощущение свободы и собственной смелости, тогда как в действительности находились в пределах негласно разрешенного властью фрондерства.

И нет никаких данных, что вплоть до смерти Высоцкого в КГБ или МВД знали о том, что он – наркоман. Хотя участковый, ведший доследственную проверку по факту смерти Высоцкого, и вспоминал, что о наркозависимости барда к тому времени был наслышан. Если о том, что Высоцкий сильно пьет, было известно всей театральной и околотеатральной Москве, то о наркомании даже многие близкие друзья узнали только после гибели поэта и артиста или, в лучшем случае, лишь в самые последние месяцы жизни, когда скрыть наркозависимость было уже очень трудно.

Возвращаясь к обстоятельствам приобщения Высоцкого к наркотикам, следует отметить, что по сути все три приведенных выше свидетельства принципиально не противоречат друг другу. Марина Влади действительно могла задним числом понять, что весной 1977 года в Венгрию, где они вместе снимались в фильме Марты Мессарош «Их двое», Володя приехал под наркотическим кайфом. Но сел на иглу он явно не в Венгрии, а за несколько месяцев до этого в Москве. И посоветовать обратиться к морфию Высоцкому в равной мере могли и знакомая жен-

щина-врач, и друг-актер. Не исключено, что в реальной жизни были оба советчика, сначала друг-актер, потом женщина-врач (или наоборот). Но, так или иначе, можно констатировать, что где-то на рубеже 1976–1977 годов Высоцкий подсел на морфий и содержащие его препараты, а впоследствии и на более тяжелые наркотики. Делал он это прежде всего для того, чтобы избавиться от алкогольной зависимости, найти действенную замену спиртному. И в течение нескольких месяцев это средство казалось эффективным – пить он действительно бросил. А потом разразилась катастрофа. Выяснилось, что и алкоголизм никуда не делся, и без наркотиков бард жить уже не мог. Врач Института Склифосовского Леонид Сульповар, лечивший Высоцкого, свидетельствовал: «...Когда мы выводили Володю из тяжелых состояний (запой. – Б. С.), то знали, что можно, а что нельзя. Ведь в этом процессе используются вещества наркотического ряда. Володя попадал в разные места, и где-то, скорее всего, передозировали. Тогда «выход» проще. Думаю, что вкус наркотика он ощутил на фоне «выхода из пике». Где и когда – я не знаю». Сам Сульповар понял, что Высоцкий – наркоман, только в 1979 году.

Есть предположения, что Высоцкий сел на иглу значительно раньше, чем в конце 1976 года. Бывший администратор Театра на Таганке Валерий Янклович, в последние годы выступавший в роли фактического импресарио Высоцкого, вспоминал: «Володя сам говорил мне, что вначале укол наркотика – это был выход из запоя. Это еще не болезнь. А наркотики всерьез у него начались в конце 1975 года. Я в этом уверен... Я много говорил с Володиной на эту тему. Он мне сказал: «Вот ты не был на Западе, а там все творческие люди это делают. Это ведь стимулирует творчество. Я же не злоупотребляю, а только для поддержания

формы... И мне это помогает». О конце 1975 года как о времени начала наркомании Высоцкого говорил и врач-реаниматолог Анатолий Федотов: «Когда мы познакомились с Володиной в самом конце 1975 года, он уже хорошо знал, что и как... Есть ряд препаратов, которые способны восстанавливать работоспособность нервной клетки... Можно снять чувство похмелья. Привыкание развивается очень быстро, организм истощается – это очень коварное лекарство. Долго на него надеяться нельзя».

Вторая жена Высоцкого актриса Людмила Абрамова вспоминала: «1976 год. Нина Максимовна у меня на старой квартире, я спрашиваю ее:

- Ну, как Володя?
- Ничего, хорошо...
- Не пьет?
- Нет, не пьет... Ему теперь и не нужно, он сам научился делать уколы...
- Какие уколы!?
- Амфетамины. Марина привозит их из Франции».

Тут надо заметить, что амфетамины – это мощные стимуляторы на основе эфедрина, которые используют спортсмены в качестве допинга. Однако к наркотикам сам амфетамин, лекарственное средство, стимулятор центральной нервной системы, аналог гормонов адреналина и норадреналина, все-таки не причисляют. Вероятно, это была начальная стадия попыток Высоцкого победить алкоголизм с помощью разного рода стимуляторов. По всей видимости, когда говорят, что Высоцкий начал употреблять наркотики уже в конце 1975 – начале 1976 года, имеют в виду как раз стимуляторы такого рода. А применительно к концу 1976 – началу 1977 года можно говорить уже о возникновении настоящей наркозависимости.

Оксана Афанасьева, правда, высказала мнение, что мать Высоцкого «до конца ничего не понимала в Володиной болезни. По-моему, она считала, что это витамины. Просто наркотики были для нее страшным словом». Но, скорее всего, последняя возлюбленная Высоцкого просто перепутала витамины с созвучными амфетаминами. По мнению Оксаны, высказанному в беседе с журналистом Валерием Перевозчиковым: «...к этому времени у него был уже совершенно другой – очень высокий – социальный статус. Он мог войти в любой кабинет... И Володя уже не хотел и не мог пить... А наркотики вначале позволяли внешне нормально жить и работать. Я знаю, что вначале он делал укол только после «Гамлета», чтобы восстановить силы».

Вскоре после отъезда из Венгрии Высоцкий чуть не погиб. Его друг Валерий Золотухин записал в дневнике 2 апреля 1977 года: «Мои домашние неурядицы и диалоги даже затмили шок: я доигрывал сегодня спектакль за Высоцкого. Этого еще не было в театре, у нас». В этот день Золотухину пришлось в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» доигрывать за Высоцкого роль Керенского. Ко второму акту Владимир Семенович, как говорится, лыка не вязал. Вернувшись из Венгрии, он наконец-то после долгого перерыва впал в запой. Вот как происшедшее описывает журналист Федор Раззаков: «2 апреля вечером в Театре на Таганке давали «10 дней, которые потрясли мир». Народу в зале собралось, как и обычно, под завязку. А тут на грех опять «перебрал лишку» исполнитель роли Керенского Высоцкий. Он явился на спектакль, с трудом ворочая языком, но заверил Любимова, что сумеет отыграть так, что зрители ничего не заметят. Главреж ему поверил, поскольку такие примеры в прошлом действительно были. Но в этот раз хитрость не удалась».

Какое-то время Высоцкий действительно контролировал ситуацию, но потом от жары (вряд ли 2 апреля в Москве могло быть так уж жарко. Вернее предположить, что организм Высоцкого, ослабленный уже не только алкоголизмом, но и наркотиками, уже не мог выносить прежние дозы спиртного. – Б. С.) его развезло так сильно, что он не только стал путать текст, но и вообще вел себя неадекватно. Зрителей в зале стал разбирать смех. Тогда Любимов бросился за помощью к Золотухину: мол, выручай. Тот поначалу опешил (такого на «Таганке» еще не бывало!), да и находился не в лучшем расположении духа (в тот период дома у него то и дело вспыхивали конфликты с женой, актрисой того же театра Ниной Шацкой). Но престиж родного театра был выше личных интересов. В итоге второй акт за Высоцкого доигрывал Золотухин.

А что же Высоцкий? Его отправили домой, где он проспался, а затем... снова напился.

Причем пил так сильно, что поставил себя на грань между жизнью и смертью. С того света артиста вытащили врачи Института скорой помощи имени Склифосовского».

Этот же эпизод хорошо запомнился артисту Игорю Пушкареву: «Однажды я присутствовал на спектакле, когда пьяный Высоцкий, игравший Керенского, упал прямо на сцене. Часа за два до спектакля мы с ним выпили граммов по сто бренди. Где уж он потом еще набрался, не знаю (сто грамм водки или коньяка в актерской среде вообще за выпивку не считались – Б. С.). Володя вышел на подиум с характерным жестом – рука за кителем, постоял немного и плашмя, совершенно не прикрывая лицо, рухнул на сцену. Зал загудел, занавес сразу закрыли. Народ запричитал, заохал. Я же еле держался на ногах от смеха. Похожий случай уже имел место: на одном из

шефских концертов в Зеленограде мы с Вовкой, вооруженные гитарами и крепко поддатые, вместе падали на сцене. Пьянства, как такового, в нашем кругу не было – просто все жили в охотку!» Пушкарев, на его счастье, алкоголикам не был, поэтому прожил долгую и счастливую жизнь и здравствует поныне, дай ему Бог здоровья. А Высоцкого подвели гены и сверхпопулярность, породившая уверенность, что такому человеку, как он, все дозволено. Предостережений на этот счет маркиза де Сада и Достоевского он не услышал, хотя и замечательно играл Свидригайлова.

В своем дневнике Золотухин 8 апреля так суммировал слухи о состоянии здоровья Высоцкого: «Володя лежит в Склифосовского. Говорят, что так плохо еще никогда не было. Весь организм, все функции отключены, поддерживают его исключительно аппараты... Похудел, как 14-летний мальчик. Прилетела Марина, он от нее сбежал и не узнал ее, когда она появилась. Галлюцинации, бред, частичная отечность мозга. Господи! Помогите ему выскрестись, ведь, говорят, он сам завязал, без всякой вшивки, и год не пил. И это-то почему-то врачей пугает больше всего. Одна почка не работает вообще, другая еле-еле, печень разрушена, пожелтел. Врач сказал, что если выкарабкается, а когда-нибудь еще срыв, он либо умрет, либо останется умственно неполноценным. Водка – это серьезная вещь. Шутка». Врачи, вероятно, заподозрили, что пациент балуется наркотиками, оттого и испугались. Скорее всего, именно из-за наркотиков «так плохо еще никогда не было». Если почти годовая трезвость Высоцкого была связана исключительно с употреблением морфия, то на этот наркотик он, если буквально понимать сказанное, должен был подсесть еще в марте – апреле 1976 года, вскоре после отъезда из Москвы Марины Влади, вы-

тащившей его из очередного запоя. Однако еще в августе 1976 года Высоцкий побывал во Франции. Там они с Мариной посетили тибетского монаха, который и «заговорил» Высоцкого от запоев. И, во всяком случае, в то лето ни Марина, ни другие парижские знакомые, в частности, Михаил Шемякин, никаких признаков наркомании еще не замечали. Поэтому дальнейшее развитие событий можно представить себе следующим образом. Вернувшись в Москву, Высоцкий первое время держался, под влиянием то ли Марины, то ли тибетского ламы. А когда понял, что вот-вот сорвется, ухватился, как за соломинку, за идею кого-то из знакомых попробовать морфий как заменитель алкоголя. Скорее всего, это произошло в Москве осенью 1976 года.

А в апреле 1977 года все, к счастью, кончилось благополучно. Уже 9 апреля Золотухин записал в дневнике: «Говорят, Володе было лучше вчера, ну, дай-то Бог. В Париже протоколом предусмотрены его выступления».

Валерий Сергеевич, чтобы помочь другу, готов был призвать на помощь потусторонние силы. 16 апреля он отметил в своем дневнике: «Позвонил Мережко (киносценарист. – Б. С.)... Есть очень хорошие люди, занимающиеся провидением. Создана на общественных началах лаборатория при Академии художеств... Поговорят с тобой люди с нимбами над головами, и все про тебя знают... Устанавливают связь с твоим энергетическим полем через фотографии. Так, по фото Высоцкого они установили, что у него плохо с головой, легкими, почками и цирроз печени... Ему нельзя терять ни одного дня, кое-что они могут исправить, еще есть возможность... кроме печени... там просто катастрофа...»

Высоцкий: телефон не отвечает. Отключен, наверное... Не могу воздействовать на его энергетическое

поле...» Правда, нет никаких данных, что сам Высоцкий верил в целителей-провидцев и биоэнергетику.

25 апреля Высоцкий и Золотухин наконец встретились после того злосчастного спектакля. В этот день последний записал в дневнике: «Володя грустный.

– Когда уж совсем конец, думаешь: ну и хрен с ним... Легко становится... Но когда выкарабкался, начинаешь болеть месяц, два, думаешь: зачем столько времени потерял? Стоять за конторкой и писать, и больше ничего... У меня уже это не получится...»

А в декабре 1977 года произошел еще один срыв Высоцкого, на этот раз в Марселе, и именно тогда он сыграл, по мнению некоторых очевидцев, одного из лучших своих Гамлетов. 8 декабря Золотухин записал в дневнике: «В консульстве – семейный прием. Хорошо. Знакомые напитки и горячие сосиски. Володя пил джин с тоником. Марина в 13.00 уехала. Сможет ли он сегодня, а в особенности завтра играть? Игорь Бычков (офицер КГБ, приставленный к Театру на Таганке) нехорошо обмолвился: «Надо бы вашего шефа один раз приложить хорошенько. В Союзе – это одно, а здесь – замена «Гамлета»...» Более откровенно он описал события этого дня только по возвращении в Москву, 23 декабря. Здесь Золотухин отметил «срыв Высоцкого, когда Любимов назначил дежурство труппы на «Гамлете», в случае, если ему станет плохо и врачебная помощь будет бессильна, продолжить спектакль-трагедию концертом. Кажется, такого в практике театра (драматического за границей) не случалось... Впрочем, вспомним слова шефа: «Париж видел все». Ночью по Марселю шеф с Пьером ловили его... Сам же довел его, хотел отправить на машине с приема у мадам издательницы. Володька: «Я для вас не меньше сделал. Я поеду без вас, куда захочу...» и т. д. «Баньку» мы с ним вопили, как и прежде, но кому мы нужны были?» Вечером

8 декабря «Гамлета» Высоцкий сыграл без проблем. А вот на следующий день, на приеме у французской издательницы, Любимов, пытаясь ограничить потребление Высоцким горячительных напитков перед спектаклем, решил отправить его на машине и под конвоем в отель. Тогда Высоцкий с Иваном Бортником демонстративно покинули прием и поехали пьянствовать в марсельский порт.

Бортник вспоминал: «Мы были на каком-то банкете. Налили там по полрюмке, и вдруг шеф встал да как закричит: «Прекратите пить! Немедленно! Завтра «Гамлет»! А вокруг французы... Володя побелел, вскочил: «Ваня, пошли!» И мы ушли. Мы поехали в порт. Там продолжили, разумеется. Вовка стал приставать к неграм, которые там в какие-то фишки играли. Он начал подсказывать: «Не туда ходишь, падла!» Хватал их за руки. Я понял, что это уже чревато, и оттащил его. Мы выходим на площадь перед портом. Она абсолютно пустынная. И вдруг останавливается машина, и из нее вылезает шеф – Юрий Любимов. Как он нас нашел? Ведь не знали Марселя ни он, ни мы. Но вот интуиция... Нас привели, развели по номерам... Слава богу, все обошлось, и Володя замечательно отыграл спектакль...»

Актер Театра на Таганке Виталий Шаповалов не без основания утверждает, что весь «Гамлет» ставился Любимовым исключительно под Высоцкого: «Относительно возникновения самой идеи постановки «Гамлета» я слышал от Любимова такой рассказ. Както они с Володей Высоцким пошли навестить большого Николая Робертовича Эрдмана, который был большим другом Любимова и нашего театра. Там состоялся известный разговор насчет того, что Володя, дескать, пишет на магнитофоны, а Эрдман – на века. Эрдман пошутил, естественно. Он любил литературу, любил слово и не мог пройти мимо такой подстав-

ки. А через некоторое время вдруг говорит: «Знаете, В-володя, вы м-могли бы с-сыграть современного Гамлета». И, видимо, эта идея Володе запала, поскольку сказал это не какой-то хухры-мухры, а Эрдман. Наверное, внутри уже было желание, было давнишнее решение, и он тут же уцепился за эту идею, стал шефа долбать постановкой «Гамлета».

Спектакль был сделан специально на Высоцкого, даже оформление придумывалось «под него». Любимов как-то говорит: «Какой, Володя, у тебя красивый свитер! Надо всем такие свитера сделать, и занавес такой же!» А это был собственный Володин свитер.

Поэтому, когда шеф решил еще кого-то ввести на главную роль – наверное, для дисциплинирования Володи, – на мой взгляд, это было невыполнимо. Предлагали Лене Филатову, тот отказался. Золотухин, помнится, репетировал, но, по-моему, Валерий выказал таким образом большое непонимание, на что он замахивается. Повторю, что спектакль создавался в расчете на конкретную индивидуальность, и входить в рисунок Высоцкого – это идти на самоубийство. Валера просто взорвался бы на первой же мине – какой смысл в этом?

В общем, я считаю: Валере тогда не следовало и сейчас не нужно. Любой актер хочет сыграть Гамлета, но входить в тот рисунок, да еще тенору...»

По словам Шаповалова, Любимову пришлось приложить немало усилий, прежде чем он смог сделать из Высоцкого подлинного Гамлета:

«Но буду говорить только о том, что видел сам. Отношения между ними были очень диалектическими: все время развивались и, по-моему, укреплялись. По мере того как Высоцкий становился личностью, все более глубоким и большим поэтом, цена ему росла не только в народе, но и в глазах Любимова тоже. Лю-

бимов, да и весь театр, очень сильно зависели от Володиной популярности. В это время Володя стал еще более нужен театру, так что Любимов, как мне кажется, ценил его безусловно. А прощалось и позволялось Высоцкому в театре такое, что больше никому с рук не сходило.

Что сказать о роли Любимова в становлении Володи как актера? Очень сложный вопрос. Я просто не берусь судить – это было противоречиво. Могу смело заявить, что, конечно, Любимов на всех влиял в смысле актерского становления. Потому что театр был особый, со своей – как он любил повторять – эстетикой, со своими направлением, приемами, языком. Это влияло на каждого актера, независимо от уровня его мастерства. Было бы странно, если бы это прошло мимо Володи – тут, скорее, можно говорить о степени влияния.

Но судить трудно, потому что Володя сам лично был очень сложный. Что он брал от Любимова, что не брал, что принимал, чего не принимал – не мне за него рассуждать, это смешно. Правда, кое-что я видел собственными глазами.

Например, репетирует Володя пролог из «Гамлета». Вначале там не было гитары, он выходил и читал Пастернака: «Гул затих, я вышел на подмостки...» Любимов ставит задачу:

– Владимир, попробуй сделать так – будто ты сейчас, в данный момент, рождаешь эти стихи. Ты поэт, тебе это понятно.

– Хорошо, Юрий Петрович, – отвечает Володя и читает точно так же, как и прежде.

– Володя! Ну как же так! Ты молотишь уже готовый текст. Ты играешь, а я тебя прошу... Я могу тебе даже показать. Вот, смотри: «Гул затих... я вышел на подмостки...» Ну как-то так, понимаешь?! С какими-то, грубо говоря, паузами, будто ты ищешь слово

или строфу. Не очень долго ищи, но как будто бы – рожай их! Рожай сейчас! Чтобы они не были готовыми.

– Хорошо, Юрий Петрович, – и опять по-старому читает: – «Гул затих, я вышел на подмости...»

– Владимир! Да что ж ты опять то же самое!! – уже кричит ему шеф.

– Юрий Петрович, а у меня, между прочим, именно так часто и рождаются стихи. Сами идут, без пауз...

Он и мне об этом тоже говорил. Я интересовался:

– Володя, как тебе пишется?

– Я, Шапен, большей частью по ночам работаю. Мне нравится работать ночью, когда все затихает. И кроме того...

– А как вообще стихи у тебя рождаются?

– Ты знаешь, – отвечает, – иногда – как будто тебе их кто-то диктует. Пишу быстро-быстро-быстро, лишь бы успеть, пока звучит какой-то внутренний голос. Как будто кто-то мне говорит: пиши-пиши-пиши! Идут, идут, и вдруг – стоп! И тут уже затык в стихе. Не идет!.. В общем, по-разному бывает. Иногда одним махом пишу, как у Пушкина: «минута – и стихи свободно потекут». А иногда – очень сложно: не могу найти для рифмы слова – все! Нет слова! Ищу, ищу и не могу найти...»

Сохранились свидетельства о том потрясающем марсельском спектакле, который мы, к сожалению, уже никогда больше не увидим.

Вениамину Смехову он запомнился так: «Смирился буйный дух, и «Гамлет» состоялся. Но что это был за спектакль!.. За кулисами – французские врачи в цветных халатах. Жестокий режим, нескрываемая мука в глазах. Мы трясемся, шепчем молитвы – за его здоровье, чтобы выжил, чтобы выдержал эту нагрузку. Врачи поражены: человека надо госпитализировать, а не на сцену выпускать...»

За полчаса до начала, когда и зал в Марселе был полон, и Высоцкий с гитарой уже устроился у сцены, Юрий Петрович позвал всю команду за кулисы. Очень хорошо зная, какие разные люди перед ним и кто из них как именно его будет осуждать, он сказал нам жестко, внятно, и голос зазвучал как-то враждебно: «Вот что, господа. Вы все взрослые люди, и я ничего не собираюсь объяснять. Сейчас вам идти на сцену. Соберитесь и – с богом. Прошу каждого быть все время начеку. Врачи очень боятся: Володя ужасно ослаблен. Надо быть готовыми и быть людьми. Иногда надо забывать свое личное и видеть ситуацию с расстояния. Высоцкий – не просто артист. Если бы он был просто артист – я бы не стал тратить столько нервов и сил... Это особые люди – поэты. Но мы сделали все, чтобы риск уменьшить. И врачи, и Марина прилетела...»

И еще вот что. Если, не дай бог, что случится... Вот наш Стас Брытков, он могучий мужик, я его одел в такой же свитер, он как бы из стражи короля... и если что... не дай бог... Стас появляется, берет принца на руки и быстро уносит со сцены... а король должен скомандовать, и ты, Вениамин, выйдешь и в гнев сымпровизируешь... в размере Шекспира: «Опять ты, принц, валяешь дурака? А ну-ка, стража! Забрать его...» – и так далее... ну ты сам по ходу сообразишь... И всех прошу быть как никогда внимательными... Надо, братцы, уметь беречь друг друга... Ну идите на сцену... С богом, дорогие мои...»

В беседе с медиком Марком Цыбульским, в эмиграции опубликовавшим несколько статей и книг о Высоцком, Смехов сказал о том же спектакле короче и эмоциональнее: «Это одно из самых сильных впечатлений. Это действительно было очень сильно, но более всего это было страшно. Был последний день гастролей. Если бы спектакль не состоялся, нам могли закрыть не только границу, но и театр.»

В Марсель приехала Марина Влади, за кулисами были врачи. Любимов произнес потрясающий монолог, обращенный к актерам. Он говорил, что то, что нельзя всем, может быть, можно Высоцкому, сказал какие-то поразительные слова, которые всех мобилизовали.

Высоцкий задыхался, ему было плохо. Я думаю, что он действительно мог умереть. Он играл гениально, потому что играл он на смерть».

Здесь принципиально важна эта формула – «играл на смерть». Только при такой игре актерский талант Высоцкого раскрывался полностью и даже чуть больше, за предельно, на 101 процент. Но, к несчастью, в последние годы только наркотики приводили его в такое состояние. И неслучайно, что свои лучшие роли в кино, Глеба Жеглова в «Месте встречи изменить нельзя» и Дон Гуана в «Маленьких комедиях», он играл именно тогда, когда его наркомания вступила в завершающую стадию, когда возврата уже не было, не было спасения.

1, 2 и 3 июля 1980 года на телевидении прошла премьера фильма Михаила Швейцера «Маленькие трагедии», где Высоцкий сыграл свою последнюю роль в кино. Но фильма он так и не увидел. Его в тот момент сжигала одна страсть – наркотики. А ведь это была еще одна его выдающаяся роль, наряду с Жегловым.

Режиссер Михаил Швейцер вспоминал: «Приступая к работе над «Маленькими трагедиями» Пушкина, я решил, что Дон Гуана должен играть Высоцкий... Дон Гуан – Высоцкий – это тот самый Дон Гуан, который и был написан Пушкиным. Для меня был важен весь комплекс человеческих качеств Высоцкого, которые должны были предстать и выразиться в этом пушкинском образе... Все, чем владеет Высоцкий как человек, все это есть свойства пушкинского Дон Гуана. Он поэт, и он мужчина. Я имею в виду его, Высоцкого,

бесстрашие и непоколебимость, умение и желание взглянуть в лицо опасности, его огромную, собранную в пружину волю человеческую, – все это в нем было. И в иные минуты или даже этапы жизни из него это являлось и направлялось, как острие шпаги...

Чтобы получить нужную, искомую правду личности, нужен был актер с личными качествами, соответствующими личным качествам Дон Гуана, каким он мне представлялся... Пушкинские герои живут «бездны мрачной на краю» и находят «неизъяснимы наслажденья» существовать в виду грозящей гибели. Дон Гуан из их числа. И Высоцкий – человек из их числа. Объяснение таких людей я вижу у того же Пушкина:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
БЕССМЕРТЬЯ, может быть, залог!

А вот что о своей последней роли в кино говорил Высоцкий: «Я должен был играть две роли: Мефистофеля (которую сыграть ему все-таки не дали. – Б. С.) и Дон Гуана. Хотя для меня роль Дон Гуана была в диковинку. Ведь лет десять назад они, конечно, предложили бы эту роль Тихонову или Стриженову. Я понимаю, что на Черта, на Мефистофеля я подхожу. А с этим – не знаю. Потом подумал: почему, в конце концов, – нет? Почему Дон Гуан должен быть обязательно, так сказать, классическим героем?..

По-моему, «Каменный гость» – одно из самых интересных произведений Пушкина. Он написал это про себя. Он же сам был Дон Гуаном до своего супружества, до того как из разряда донжуанов перешел в разряд мужей. В этой трагедии он сам с собой разделался, с прежним. Сам себе отомстил. Так что все это, мне кажется, очень любопытно читается».

В пушкинском Дон Гуане Высоцкий увидел самого себя. И, погибая от наркотиков, предчувствовал, что вскоре и его утянет за собой в бездну каменный гость.

Марина Влади верила, что продлила жизнь Владимира по крайней мере на десятилетие. И друзья Высоцкого с ней соглашались. Так, Виталий Шаповалов утверждал: «Марина, считаю, принесла ему только пользу, она его смиряла, берегла, сохраняла...» Вот и тогда, в Марселе, выступила ангелом-хранителем.

О том же марсельском спектакле есть рассказ Аллы Демидовой. Она подчеркивает, что играл Высоцкий по-настоящему гениально, потому что находился как бы в пограничном состоянии между жизнью и смертью: «Спектакль начался. Так гениально Володя не играл эту роль никогда – ни до, ни после. Это уже было состояние не «вдоль обрыва, по-над пропастью», а – по тонкому лучу через пропасть. Он был бледен как полотно. Роль, помимо всего прочего, требовала еще и огромных физических затрат. В интервалах между своими сценами он прибегал в мою гримуборную, ближайшую к кулисам, и его рвало в раковину сгустками крови.

Марина, плача, руками выгребала это.

Володя тогда мог умереть каждую секунду. Это знали мы. Это знала его жена. Это знал он сам – и выходил на сцену. И мы не знали, чем и когда кончится этот спектакль. Тогда он, слава богу, кончился благополучно...»

Оставил свое свидетельство о марсельском «Гамлете» и Виталий Шаповалов: «У Володи вот такая штука была. Не знаю, чем это объяснить, но он каждый раз недоигрывал последнего Гамлета... Так, в Марселе он еле доиграл последнего. Пропал. Вызвали Марину из Парижа. Любимов и Боровский ездили по Марселю на машине и искали. Нашли. Он такой больной хо-

дил, что врач стоял за кулисами со шприцем. Врач был одет в костюм той эпохи – в свитере, в таких же сапогах – в стилизованной одежде. И ждал: если Володя упадет, потеряет сознание, то должен был выйти этот человек, взять его на руки и сказать: «У принца легкий обморок». И как хотите играйте, заполняйте паузу, пока ему сделают укол, – вот такая была установка. Упадет – забирайте, Стас, ты его уноси: «У принца легкий обморок». И играйте что-нибудь другое – импровизируйте что хотите. И вот Володя останавливается – пауза. Он играет, играет, играет – а у него же все время волны эмоциональные, а этот всплеск – он же отнимает и последние силы. Пройдет эта волна – и опять слабость. Он переживал. Володя доиграл, но кое-как».

Стоит отметить, что Шаповалов – единственный из свидетелей, кто игру Высоцкого в том знаменитом спектакле «Гамлета» оценивал довольно низко, утверждая, что доиграл он «кое-как». Возможно, речь идет о финале пьесы, на который Высоцкого уже не хватило, тогда как остальные свидетели, скорее всего, имеют в виду более ранние эпизоды. Но, справедливости ради надо признать, что не всем знатокам Гамлет Высоцкого нравился. Бард играл эту классическую роль нетрадиционно, с надрывом, делая из своего героя человека, готового на все ради священной мести, не испытывающего колебаний в выбранном пути, не испытывающего страха перед возможной гибелью, сжигающего за собой все мосты.

Высоцкий любил риск, любил тех людей, которые находятся в экстремальных ситуациях и с честью из них выходят. Выступая на французской радиостанции «Франс Мюзик» в июне 1976 года, он объяснял: «Я выбираю военные темы, потому что я беру людей, которые постоянно... в момент риска, в крайней ситуации. Это мне очень интересно.

Это важно для меня – затрагивать очень острые проблемы. Во время войны люди могут заглянуть в лицо смерти каждый момент. И эти люди очень интересны для того, чтобы о них писать... песня о войне – это не только песня о событиях военных. Эта песня еще о том, как может себя чувствовать любой человек не только на войне, но всегда находясь в очень острых и крайних ситуациях». Но Высоцкий не только любил таких героев «большого риска» (помните, у него в песне «Случай на шахте» действует «бывший зек – большого риска человек»). Он сам был таким героем, человеком «большого риска», и ставил в экстремальные ситуации не только своих героев, но и самого себя. Наркотики как раз и стали одним из главных способов достижения экстрима.

Высоцкий на войне, как известно, не был. Вряд ли отец ему много рассказывал о войне, принимая во внимание довольно напряженные отношения, существовавшие между ними. Но вокруг были отцы, дядья и старшие братья его друзей, имевшие фронтовой опыт и охотно им делившиеся. Так что рассказов о войне Высоцкий наслушался за свою не очень долгую жизнь достаточно. А особенно помогли Высоцкому в освоении военной темы совместные с Игорем Пушкаревым съемки в фильме «Живые и мертвые», где они играли пулеметчиков, отражавших немецкую атаку. Пушкарев вспоминал: «Эта сцена для нас была памятна тем, что мы тогда, может быть, по-настоящему ощутили, что такое – быть на войне. Произошло это следующим образом: сцена выходила плохо, ничего у нас не получалось, потому, наверное, что я «наигрывал» с этим пулеметом, как и все обычно делают, изображая войну. И вдруг (для нас это явилось полной неожиданностью) на съемки приехал Константин Симонов. Ему была очень важна эта сцена. Что

она у нас не получается, он заметил сразу, приостановил съемку и очень много рассказал нам о войне: и что значил для нас 41-й год, и как люди в бою себя ведут. Симонов объяснил, что не было патетики, а был кошмар, ад.

– Представьте себе, – говорил он нам, – что два человека сходятся не на жизнь, а на смерть в кровавом поединке. Вы бы в этом случае пошли на врага с какими-то высокими словами? Нет. Вот и солдаты кричали не «да здравствует!», а нечто такое, что разрывало душу. И они не воевали уже, а дрались кто как мог: рвали, резали, кусали – превращались, скорее, в дикого зверя. Чтобы выжить, чтобы победить. Иначе победит враг. Третьего не дано: не ты, так тебя...

Мы с Высоцким слушали как замороженные. И во многом эта беседа способствовала последующей удачной съемке нашего эпизода. Думаю, что и для Володи этот разговор имел в дальнейшем очень большое значение при написании военных песен». В другом интервью Пушкарев утверждал: «Когда я, совершенно измученный дублями, не мог завершить сцену боя с эффектным выражением лица, Симонов подошел и сказал:

«Игорь, представьте, это ваш последний бой». В очередном дубле я проревел перекошенным ртом: «Вы нас на испуг берете? А мы вас на мушку, б-л-я-д-и!» Все застыли. Симонов захлопал в ладоши. Последнее слово на озвучивании, естественно, пришлось заменить на другое – «подходи!». Но кадр получился сильным и в фильме остался».

И еще один эпизод на тех съемках наверняка повлиял на Высоцкого. Пушкарев рассказывал, как у них с Высоцким образовалось трехдневное «окно» в съемочном процессе и они отправились отдохнуть в Истру прямо в той форме 41-го года, в которой снима-

лись. И на обратном пути зашли в деревянный домик к старушке купить картошки и овощей. И тут произошла потрясающая сцена:

«Открываем мы калитку, бабуля нас замечает, вытирает руки о фартук и медленно идет нам навстречу. Я начинаю что-то объяснять, а она подходит ближе, смотрит подслеповатыми глазами. И вдруг разглядела эти кубики у меня на петлицах да как бросится! Обхватила меня, об грудь бьется и плачет. И кубики эти все гладит. Я ошарашенно поворачиваю голову к Володьке, а у того челюсть ходуном ходит, и стоит он бледный-бледный. Мы ничего не понимаем, а она все обнимает меня, плачет. С огромным трудом удалось ее успокоить, посадить на лавочку возле дома. Она, все еще всхлипывая, говорит нам:

– Пойдемте в дом, ребята, я вам покажу...

Вошли мы в дом – старая крестьянская изба, а на стене много-много фотографий. И два ее сына: у одного – один кубик на петлице, а у второго – два, как и у меня. И она показывает, слезы у нее текут. Покажет погладит мои петлицы и снова плачет. И у нас ком в горле, ничего сказать не можем.

Ну, постепенно объясняем ей, что мы со съемок фильма, что кино про 41-й год. Она как услышала про «сорок первый», так опять в слезы. Долго мы ее успокаивали, наконец сумели растолковать, что мы артисты, что у нас был выходной день, а теперь мы возвращаемся на съемку. Она нас ни за что не хотела отпускать. Двери заперла, полезла в погреб, достала множество всякой снеди: тут тебе и капусточка, и огурчики, и морсик. Баночку достала. Обижать ее отказом нельзя было, сели мы за стол, помянули ее сыновей. Она опять расплакалась, потом стала о них рассказывать.

Долго это продолжалось. Мы рассказываем – она плачет, она говорит – у нас глаза на мокром месте.

Жарко стало – мы гимнастерки сняли, а нас же по-настоящему одели: она как увидела исподнее солдатское – опять в слезы. Говорит:

– Давайте вам хоть постираю.

Мы объясняем, что мол, нельзя, – это ведь игровое, его специально пачкают. Она настаивает. В общем, как мы ни упирались, – она все же отвоевала у нас портянки и выстирала их. Пока все это сохло, пока мы разговаривали и закусывали – уже поздно стало, стемнело. Куда же нам идти? Так мы там и остались до следующего дня. Она печку растопила – мы с Володиной на печи и улеглись.

Утром просыпаемся – на столе уже все стоит. Ну, мы позавтракали, распрощались с бабушкой – опять много слез было – и пошли напрямик к себе в лагерь. Бабуля объяснила, как короче добратся, собрала нас в дорогу – прямо как на фронт: в платочки все завязала – картошечка горячая, мяско, капустка, хлебушек. Мы с ней попрощались, приладили все это на палку, палку на плечо и «пошли на войну».

Высоцкий хорошо сознавал, чем была Великая Отечественная война для народа и сколь священна для него память о погибших. И в своих песнях он сумел выразить душу войны. Но, кроме того, война, как явление brutальное, жесткое, где настоящим мужчинам приходится выкладываться по полной, где выбор стоит «победить или умереть», отвечала природе его таланта, и на сцене, и в песнях лучше всего ему удавались сильные герои в пограничных ситуациях, вкладывающие в свое дело себя до самого последнего мускула.

Вершинной ролью Высоцкого на таганской сцене стал Гамлет. Он запомнился и публике, и профессиональным критикам именно потому, что Владимир Семенович впервые показал своего героя не мятущимся интеллигентом, никак не могущим при-

нять решения, а сильным, брутальным человеком, волею обстоятельств вынужденного притворяться слабым.

Хотя такой Гамлет нравился не всем. Друг Высоцкого актер и режиссер Иван Дыховичный считал, что лучше всего Высоцкий играл Свидригайлова и Лопухина, а отнюдь не Гамлета. Как ему казалось, «Гамлет – это не совсем его роль. Но именно она запомнилась большей части интеллигенции, критикам... Высоцкий играл Гамлета очень жестко. Это не был сомневающийся, чувствительный Гамлет, что для многих казалось творческим откровением. Так оно и было, и наблюдать за Высоцким в роли датского принца было интересно. Но то, что он играл, далеко от Шекспира, как мне кажется. Для Высоцкого было очень важно показать, что Гамлет – дикий человек, который ест мясо с ножа. Это было интересно. Я помню, кто-то из рецензентов написал: «...это не Гамлет, который думает «быть или не быть», это Гамлет, который думает «убивать или не убивать»... И я действительно не согласен, что это его лучшая роль. Он прекрасно играл Лопухина. Тонко и менее экстравагантно, чем Гамлета. Но это была выдающаяся работа, так же как и Хлопуша... Володя в этих ролях был очень живой, очень легкий. Еще, он прекрасно играл Керенского, эдак куражно! Но люди предпочитают что-то более яркое, впечатляющее...»

Еще, наверное, дело было в том, что Гамлет Высоцкого воспринимался зрителями просто как их современник. Многим хотелось, чтобы именно таким стал советский интеллигент. Но интеллигенты в своей массе брюзжали по поводу власти, но не боролись с ней.

А вот что о Высоцком-Гамлете вспоминал Юрий Любимов: «О Гамлете что я могу сказать... Володя все время ходил, говорил, что он хочет сыграть Гамлета.

Когда мы стали репетировать, репетиции шли тяжело и трудно. Оказалось, что он вообще хотел, а конкретно... не очень был готов. Потом, когда был такой тупик в работе, он даже исчез на некоторое время. Потом вернулся, стал очень хорошо работать. Роль свою он совершенствовал до самой смерти. И играл он даже перед смертью. Когда он сыграл последний раз? 18 июля играл и должен был играть 27-го, когда мы отменили спектакль и никто не вернул билеты. Ни один человек. И по-моему, даже деньги никто не потребовал. А над ролью он этой думал, часто мы с ним говорили, потому, что такая же уникальная, как он сам. Были случаи, когда он играл ее совершенно необыкновенно. Один раз, с моей точки зрения, он играл ее гениально – в Марселе. Он пропал. Волею судеб я его ночью нашел. Врачи сказали, что ему играть нельзя. Он сказал, что он будет играть. Дежурил врач. Ведь никто не заставлял. Он сказал: «Я своим долгом считаю – играть». А врач боялся, что у него не выдержит сердце. Во время спектакля я актеров предупредил, что если что-нибудь случится и надо будет укол сделать, то они скажут: «Где Гамлет? Гамлет там. Сейчас он будет к вам доставлен». То есть мы придумали какую-то схему на случай, если нужно будет сделать укол за кулисами... Играл непередаваемо. Совершенно...»

Это Юрий Петрович говорил на вечере памяти Высоцкого в 1982 году. А вот что он поведал в интервью одной израильской газете шесть лет спустя: «Я Володе сказал: «Конечно, отменять «Гамлета» – это дело очень и очень нехорошее для театра, для тебя, меня. Но здоровье твое дороже, поэтому я считаю, что завтрашний спектакль надо отменить». Володя подумал и говорит: «Юрий Петрович, я завтра сыграю». И подписал бумагу. И сыграл на такой высоте, как никогда не играл. Сил у него уже не

было таких, запой сказался (про наркотики режиссер деликатно умолчал, да и тогда, в Марселе, ему о наркомании Высоцкого еще ничего не было известно. – Б. С.), поэтому он играл сухо, без вольтажей и прочих штук – божественно играл он. Никогда он так не играл, и его партнеры сразу заметили его состояние, и публика заметила, что совершается что-то необычное».

Но за этот звездный час Высоцкому пришлось расплачиваться дорогой ценой. Стоил ли он того? Об этом знает только Бог.

Иван Бортник на вопрос интервьюера: «Но почему даже в последние месяцы жизни Высоцкий все-таки играл Гамлета в любом состоянии, всегда приезжал на него?» – отвечал: «Во-первых, спектакль уже довольно редко шел. И, во-вторых, ну как? Идти на открытый конфликт с Любимовым? Володя был человек не конфликтующий вообще. Звонит Любимов: «Я прошу тебя сыграть». Володя плохо себя чувствует, действительно плохо – но идет... Жаловался мне: «Они хотят, чтобы я подох».

Тут надо сказать, что вообще между Высоцким и Любимовым и шире – между Высоцким и Театром драмы и комедии на Таганке существовали сложные отношения взаимозависимости, причем если в первые годы пребывания Высоцкого в труппе Таганки способствовало его раскрутке как барда, то в последние годы работы там Высоцкого театр в большей мере зависел от всесоюзной славы барда. Лучше всего, помоему, об этом сказал в одном из своих интервью Виталий Шаповалов: «Я знаю, что в начале Володиной работы, когда меня еще не было в театре, Любимов не рассматривал его как крупную величину. Говорят, что когда Высоцкого однажды пригласили в кино, то Юрий Петрович отреагировал так: «Да кого вы приглашаете? Он средний артист...»

В 1979 году наркомания Высоцкого все прогрессировала, и в Театре на Таганке уже не могли не видеть, что с ведущим актером творится что-то постыднее привычных запоев. 9 марта Золотухин записал в дневнике: «Видел во сне Высоцкого, который предлагал мне уколиться наркотиком... сам проделал это через куртку, в руку. Второй укол я ему сделал – обезболивающий... Это Тамара разглядывала вчера шприц и рассказывала, что на «Ленфильме» медпункт расхитили». Возможно, уже тогда Валерий Сергеевич подозревал, что его друг колется, хотя неоднократно заявлял, что о наркомании Высоцкого узнал только после его смерти.

Существует мнение, что для Высоцкого «и питье, и укол – способ разделаться с... внутренним «жлобом», способ убить злое начало в себе». В доказательство этого тезиса цитируется песня, написанная в апреле 1979 года:

Меня опять ударило в озноб,
Грохочет сердце, словно в бочке камень.
Во мне живет мохнатый злобный жлоб
С мозолистыми цепкими руками.

.....
Он ждет, когда закончу свой виток –
Моей рукою выведет он строчку,
И стану я расчетлив и жесток,
И всех продам – гуртом и в одиночку.

.....
Но я собрал еще остаток сил, –
Теперь его не вывезет кривая:
Я в глотку, в вены яд себе вгоняю –
Пусть жрет, пусть сдохнет, – я перехитрил.

Это мнение высказал Владимир Новиков, один из лучших биографов Высоцкого. Он, как кажется, склонен принимать подобное признание поэта на веру. Между тем это всего лишь самооправдание, превра-

тившееся в самообман. И то психологическое одиночество, в котором Высоцкий оказался под конец жизни, было следствием главным образом его недугов. Вокруг него остались только те из друзей, кто мог доставать наркотики.

Характерно, что мысли о близкой смерти появляются в творчестве Высоцкого и в его интервью за два-три года до кончины, т. е. вскоре после того, как он подсел на иглу. По всей видимости, уже через несколько месяцев он начал осознавать гибельность своей новой страсти, но сделать уже ничего не мог. 14 сентября 1979 года Высоцкий выступал на Пятигорской студии телевидения. «Какой вопрос вы бы хотели задать самому себе?» – спросил его ведущий. Высоцкий ответил: «Я вам скажу... Может быть, я ошибусь... Сколько мне еще осталось лет, месяцев, недель, дней и часов творчества? Вот такой я хотел бы задать себе вопрос. Вернее, знать на него ответ».

Лечение наркозависимости обычно приносит эффект только тогда, когда начато не позднее чем через год после ее возникновения. Наркоманов со стажем вылечить почти невозможно. Известно, например, что Михаилу Булгакову удалось вылечиться от наркозависимости, которую он прекрасно описал в повести «Морфий». Он стал морфинистом в 1917 году в селе Никольское Смоленской губернии, где работал земским врачом, а излечился в Киеве весной 1918 года, где его отчим врач Иван Вознесенский стал вводить ему под видом наркотика безвредный раствор и постепенно отучил от морфия. Но тогда, когда Высоцкий пробовал начать лечиться от наркозависимости, столь простой метод уже не мог быть применен. Недуг зашел слишком далеко.

Также Михаил Шемякин вспоминает о Высоцком: «В последние два года постоянно говорили

о смерти. Я не знаю, какой он был в России, но во Франции Володя был очень плохой. Я просто уговаривал его не умирать». И тот же Шемякин говорил после гибели друга: «Его смерть для меня – не просто неожиданность, для меня эта смерть – самоубийство».

Вот песня 1977 года, один из поэтических шедевров Высоцкого:

Я умру, говорят,
мы когда-то всегда умираем.
Съезжу на дармовых,
если в спину сподобят ножом, –
Убиенных щадят,
отпевают и балуют раем...
Не скажу про живых,
а покойников мы бережем.

В грязь ударю лицом,
завалюсь покрасивее набок –
и ударит душа
на ворованных клячах в галоп!
Вот и дело с концом:
в райских куцах покушаю яблоч,
подойду, не спеша –

вдруг апостол вернет, остолоп?

...Чур меня самого!
Наважденье, знакомое что-то:
неродивший пустырь
и сплошное ничто – беспредел.
И среди ничего
возвышались литые ворота,
и этап-богатырь –

тысяч пять – на коленках сидел.

Как ржанет коренник –
[укротил] его ласковым словом,
да репей из мочал
еле выдрал и гриву заплел.
Петр-апостол, старик,
что-то долго возился с засовом,
и кряхтел, и ворчал,

и не смог отворить – и ушел.

Тот огромный этап
не издал ни единого стона –
лишь на корточки вдруг
с онемевших колен пересел.
Вон следы песьих лап...
Да не рай это вовсе, а зона!
Все вернулось на круг,
и распятый над кругом висел.

Мы с конями глядим:
вот уж истинно – зона всем зонам.
Хлебный дух из ворот –
это крепче, чем руки вязать!
Я пока невредим,
но и я нахлебался озоном,
лепоты полон рот,
и ругательства трудно сказать.

Засучив рукава,
пролетели две тени в зеленом,
с криком: «В рельсу стучи!»
пропорхнули на крыльях бичи.
Там малина, братва,
нас встречают малиновым звоном!
Нет, звенели ключи...
Это к нам подбирали ключи.

Я подох на задах –
на руках на старушечьих дряблых,

не к Мадонне прижат,
Божий сын, а – в хоробах холоп.
В дивных райских садах
просто прорва мороженных яблок,
но сады сторожат –
и стреляют без промаха в лоб.

Херувимы кружат,
ангел окает с вышки – занятно.
Да не взыщет Христос –
рву плоды ледяные с дерев.
Как я выстрелу рад –
ускакал я на землю обратно,
вот и яблок принес,
их за пазухой телом согрев.

Я вторично умру –
если надо, мы вновь умираем.
Удалось, бог ты мой, –
я не сам, вы мне пулю в живот.
Так сложилось в миру –
всех застреленных балуют раем,
а оттуда – землей, –
береженого Бог бережет.

В грязь ударю лицом,
завалюсь после выстрела набок.
Кони хотят овсу,
но пора закусить удила.
Вдоль обрыва с кнутом
по-над пропастью пазуху яблок
я тебе принесу,
потому – и из рая ждала.

Здесь речь идет не о самоубийстве, а о грядущем убийстве героя, который должен погибнуть то ли от ножа в спину, то ли от пули в живот. И лишь такая насильственная смерть даст ему дорогу в рай, в который в противном случае барда не пустят за его грехи.

В этой песне Высоцкий вспоминает свое четверостишие 1971 года:

Сколько великих выбыло!
Их выбивали нож и отравы.
Что же, на право выбора
Каждый имеет право.

Теперь он свой выбор сделал. Наркотики позволяли заглянуть за грань, но они же вели к самоубийству.

В июле 1979-го во время гастролей в Бухаре у Высоцкого случилась вторая клиническая смерть. По официальной версии, это произошло оттого, что Высоцкий отравился какой-то пищей, купленной на бухарском базаре. Однако Оксана Афанасьева уверенно утверждает: «Это случилось от передозировки, а не от жары. Володя в Бухару улетел один, потом мне позвонил его администратор Валера Янклович. Сказал, что Володя неважно себя чувствует и что мне нужно привезти лекарства. Я взяла промедол и вылетела».

По словам возлюбленной Высоцкого, в тот момент она не думала, что ее могут арестовать за провоз наркотиков: «Об этом не думаешь в тот момент. И потом, я привозила их один раз в жизни. Если бы я их не привезла, он бы умер. Там не было никакого кокаина, героина, это были лекарственные препараты. Если бы мне сказали, что сейчас у меня руку отрубят, но он будет здоров, я бы сказала: «Рубите».

А в Бухаре, куда мы переехали из Навои, Володя с утра пошел погулять по рынку. Но всенародная любовь – она же безгранична, и он то ли покурил, то ли еще что (он так и не рассказал), но пришел домой, и ему стало плохо. С нами был Володин друг, доктор Толя Федотов. Он вбежал ко мне в комнату: «Володе плохо». Я влетаю в гостиную – Володя мертвый: нос

заострился, не дышит, сердце не бьется. И доктор Федотов, с абсолютно трясущимися руками, повторяет: «Он умер, он умер». Его трясло, у него истерика была. Я ему надавала по морде: «Делай что-нибудь быстро». Он сделал укол в артерию, и мы начали делать искусственное дыхание: он качал ему сердце, я дышала. По сути, мы его вдвоем реанимировали. Володя задышал, сознание вернулось. Потом он рассказывал, что видел меня, Толю. «Я понимал, что происходит, но не мог никак реагировать».

Потом пришли Янклович, Сева Абдулов (он тоже работал в концерте). «Ну что, мы отменяем выступление?» Я говорю: «Минуточку, а что, можете его не отменять? Он только что мертвый лежал. Володя, собирайся, мы уезжаем в Москву. Отменяется не только сегодня. Больше ничего не будет». Я настояла на своем. И мы уехали. Всем казалось, что это ерунда, что он – вечный и всех переживет».

В ту пору в СССР правоохранительные органы еще не вели активной борьбы с наркоманией. Считалось, что такой проблемы вроде нет, хотя в страну контрабандой поступали уже и кокаин, и героин, и ЛСД, а в больницах и аптеках учащались хищения морфия и других наркосодержащих препаратов.

В самом конце жизни, в 79-м, Высоцкий еще раз написал песню о «втором я». И на этот раз «второе я» представляло собой не алкоголика, а наркомана. Это был «мохнатый злобный жлоб с мозолистыми цепкими руками», о котором мы уже говорили выше, в связи с мнением Владимира Новикова о наркомании Высоцкого.

Тогда от наркомании лечили, полностью перегоняя кровь пациента через абсорбирующий уголь. Сколько-нибудь долговременного эффекта эта методика, к сожалению, не давала, поскольку не снимала психологическую зависимость от наркотиков.

Как раз в конце 1979 года Высоцкий попытался вылечиться от наркомании. Он рассказал о своих проблемах Леониду Сульповару, работавшему в Институте Склифосовского, попросил совета и помощи.

Сульповар вспоминал: «...Я начал искать, что можно еще сделать. Единственный человек, который этим тогда занимался, был профессор Лужников. К нему я и обратился... У меня была надежда большая – и я Володю убедил, что мы его из этого состояния выведем. Лужников разрабатывал новый метод – гемосорбцию. Я договорился... Но то не было абсорбента, то ребята выезжали в другие города. А Володя ждал – каждый день звонил: «Ну как? Ну когда?»

Янкловичу тоже запомнилась эта попытка спасения, предпринятая в апреле 1980 года: «Володя так ждал, так надеялся – ведь все это тянулось довольно долго... Он так хотел вылечиться!.. Сульповар договорился с профессором Лужниковым. Профессор попросил Володю обо всем рассказать откровенно, иначе не имеет смысла пробовать... Володя рассказал все: когда, сколько и как... Когда он может бороться, а когда нет. Решили попробовать...»

По словам Шехтмана, Сульповар обещал Высоцкому:

«– Через неделю выходишь – свежий, как огурчик. Полное излечение.

У Володи загорелись глаза:

– Замечательно! Все, Леня, – ложусь».

23–24 апреля в Институте Склифосовского Высоцкому наконец сделали гемосорбцию. Но никакого эффекта это не дало. Как вспоминал Сульповар, «я пришел к Володе, посмотрел, понял, что и здесь мы ничего не добились... Мы тогда думали, что гемосорбция может полностью снять интоксикацию... Но те-

перь ясно, что это не является стопроцентной гарантией...»

Также личный врач Высоцкого Анатолий Федотов, спасший его в Бухаре, скептически оценил результаты процедуры: «Володе сделали гемосорбцию... Кровь несколько раз прогнали через активированный уголь. Это же мучительная операция, и Володя пошел на это... Но гемосорбция не улучшила, а ухудшила его состояние. Мы приехали к нему на следующий день – Володя был весь синий...

– Немедленно увезите меня отсюда!

В общем, снова не получилось».

Янклович излагает эти события немного по-иному, но суть остается той же. Хуже того, сразу после Института Склифосовского Высоцкий отправился за наркотиками: «Рано утром приезжаю в больницу – тут Федотов путает, я приехал один... Вижу Володю и понимаю, что ничего не произошло.

Он говорит:

– Забери меня отсюда.

Врачи стоят поникшие...

– Может быть, попробовать еще раз?

Володя сказал:

– Нет, не надо...

И дал расписку, что врачи не несут никакой ответственности, если снова начнет употреблять... Приезжаем домой. Володя говорит, что поедет в больницу. Я – ему:

– Ну ладно, ты о себе не думаешь! Но людей-то подводить нельзя...

Но все же садимся в машину, едем в Первую градскую. Знакомых врачей нет. Но Володя же – гениальный актер: он мог убедительно изобразить приступ печени, желудочную колику – все, что угодно... И, пока я бегал, чтобы предупредить врачей – Володе давать нельзя, – он сумел убедить девочек-медсестер из при-

емного покоя... Я понял это по его глазам. Смотрит на меня и говорит:

– Ну что, птичка моя... Видишь, ничего страшного не случилось».

Короче, хотели как лучше, а получилось как всегда.

Журналист Валерий Перевозчиков утверждает на основе бесед с друзьями и знакомыми Высоцкого, что в последние полтора года жизни тот использовал практически всю «гамму» наркотических препаратов: от промедола до героина. Доставать наркотики, естественно, дело трудное и чреватое серьезными последствиями... Но в то время в СССР наркомания считалась принадлежностью только западного образа жизни... У нас ее как бы не существовало, особо строгого контроля за распространением препаратов тоже не было». Поэтому, кстати сказать, Москву часто использовали для транзита наркотиков из Азии в Западную Европу. В московских аэропортах и на вокзалах не было специальных средств обнаружения наркотиков, в том числе натренированных на героин собак. Первые значительные партии героина для потребления внутри СССР стали поступать только с начала 80-х годов.

Положение усугублялось тем, что в последний год жизни Высоцкому уже не хватало прежних доз, и он их неконтролируемо наращивал. Это обстоятельство, между прочим, делает весьма вероятной версию о том, что на самом деле Высоцкий умер из-за передозировки наркотиков, о чем друзья, бывшие вместе с ним в последние часы жизни, естественно, должны были молчать.

Вот свидетельство Федотова, доказывающее, что в последние месяцы жизни Высоцкий бесконтрольно наращивал дозы наркотиков: «Были моменты, когда Володя уже не мог контролировать себя. Сколько

бы мы ни достали – правдами и неправдами, – он мог сразу сделать себе... Мог всадить колоссальную дозу».

Федотову вторит Шехтман. «В последнее время Володя реально себя не ощущал. Он мне говорил:

– Вот у такого-то есть брат... Много лет он делает одну-две ампулы в день – и ничего.

– Володя, а сколько ты сегодня хватанул? Штук десять уже засадил?!

– Да это же вода! Они туда воду наливают!

Вот тут он себя уже не мог воспринимать реально...»

Ту же картину рисует и Янклович, рассказывающий также о незатейливых хитростях Высоцкого, с помощью которых он старался получить лишнюю дозу: «Из ванной зовет меня:

– Валера, смотри, они же не доливают!

Или в другой раз слышу: «дзинь!»

– Валера, я ампулу разбил.

А сам уже успел уколоть и уронил на пол пустую.

Однажды мы смогли достать большое количество, рассчитывая, что этого хватит на месяц... А Володя сделал все это за неделю...»

Как нам представляется, не только в терапевтических, так сказать, целях, в попытке заковать терзавшего его душу «зеленого змия» обратился артист к наркотикам. Тут было еще стремление попробовать запретный плод, пройти у бездны на краю, изведать новых творческих ощущений. Здесь Высоцкий тоже был совсем не одинок в мире. Слишком многие звезды кино, шансонье и рок-музыканты Запада погибли от наркотиков, которые там были гораздо доступнее, чем в СССР. И уж они пробовали наркотики в подавляющем большинстве случаев не для того, чтобы избавиться от алкоголизма, а с целью найти новый стимулятор для творчества.

Помогли ли наркотики хоть чем-нибудь Высоцкому в его творчестве? Что касается поэзии, то вряд ли. Песни и стихи он лучше писать в последние три года жизни не стал. А вот самые лучшие роли он сыграл именно после того, как пристрастился к наркотиком. Вот что вспоминал Александр Стернин, фотограф Театра на Таганке: «В гримерной хрустели осколки от ампул... Володя говорил, что уколы от сердца. Правда, я замечал, что перед выходом на сцену он какой-то возбужденный, «на взводе»... А после спектакля – как выжатый».

31 декабря 1979 года приехавшая в Москву Марина Влади направилась на их дачу, которую они выстроили на участке драматурга Эдуарда Володарского в поселке Красная Пахра. Высоцкий же поехал за телевизором для Оксаны и привез его в ее квартиру на Яблочкова. Как отмечал Янклович, «в последние годы Володя очень серьезно относился к этой девушке. Хотя меня она тогда немного раздражала... Но я видел Володино отношение: он принимал участие в ее жизни, вникал в ее студенческие дела... Конечно, она сыграла в жизни Высоцкого определенную роль...»

Янклович признает, что поездка к Оксане сильно задержала друзей в Москве: «Марина ждет на даче, а у нас еще ничего нет. Мы заезжаем в магазин, покупаем огромный кусок мяса. Володя едет на дачу. А нас с Севои просит захватить знакомых девушек. Мол, собирали компанию, мотались по всей Москве...»

Оксане так запомнился этот день: «31 декабря вечером Володя заехал ко мне. Он как раз ехал на дачу. К Новому году Володя подарил мне телевизор: этот телевизор уже привезли, поставили, и он у меня работал. Приехал Володя, и я кормила его пельменями. Вид у него был какой-то несчастный, пуговица на рубашке оторвана...

– Ну, давай я тебе хоть пуговицу пришью...

И вот сижу я, с грустью пришиваю эту пуговицу – Володя ест пельмени, смотрит телевизор. И вдруг спрашивает:

– Да, кстати, а телевизор ты куда поставила?

– Володя, да ты же его смотришь!

Потом он говорит:

– Может быть, поедешь со мной?

– Нет уж, Володя, у тебя – своя компания, у меня – своя...

Вот в таком безрадостном настроении он поехал встречать Новый год».

Наконец, все собрались на даче. Янклович свидетельствует: «Приезжаем на дачу, мясо уже готово. У Володарского – Трифонов, Аксенов... Настроение праздничное. Все идет нормально, Володя немного размяк...»

1 января 1980 года Высоцкий повез в Москву Янкловича и Всеволода Абдулова, хотя Янклович всячески пытался отговорить его от поездки. Видно, не надеялся, что человек, находящийся под действием наркотиков, сможет хорошо вести машину по скользкой дороге. По воспоминаниям Абдулова, Высоцкий настаивал, что ему надо в Москву, и его друг догадывался почему: «Мы выехали, темное шоссе, Володя ехал очень плохо. Я начал скандалить в машине. Володя немного сбавил скорость. (Он очень по-разному водил машину, это зависело от его состояния.) А потом мы въехали в Москву...»

Янклович дает немного другую версию событий: «Володя подходит ко мне и говорит:

– Скажи Марине, что тебе срочно надо в Москву.

И я понимаю, что ему самому нужно в Москву – кончилось «лекарство»... Подхожу к Марине:

– Ты знаешь, мне надо в театр на утренний спектакль...

А Володе говорю:

– Ты подбросишь меня до трассы?

– Да, конечно.

Марина:

– Но только до трассы?

– Да, только до трассы.

Мы садимся в машину (Сева и девушки поехали тоже), и Володя гонит на скорости двести километров в час, не обращая внимания ни на светофоры, ни на перекрестки...

На Ленинском проспекте, прямо напротив Первой градской больницы, машина врывается в троллейбус. Сева ломает руку, у меня – сотрясение мозга. Сам Володя невредим».

Всеволод Абдулов утверждает, что во время этой аварии Высоцкий его спас: «Володя правой рукой обхватил мою голову и прижал к подголовнику. Меня вмазало в дверцу... Если бы это был не «Мерседес», мы бы погибли».

Через несколько минут к месту аварии подъехал двоюродный брат Абдулова Владимир Шехтман. Он так характеризует обстоятельства аварии: «Гололед, да еще со снежком. Они ехали на маленьком «Мерседесе», Володя гнал. Сева сидел рядом, Валера и две девушки – сзади. И когда Володя понял, что не вывернет, – бросил руль и обхватил Севину голову руками. Закричал: «Ложитесь! Погибаем!» И они врезались в троллейбус.

Я потом спросил Володю:

– Ты зачем бросил руль?

– Я вдруг вспомнил, что Сева уже разбивал голову. Ему больше нельзя (в 1977 году Абдулов уже попадал в автомобильную аварию под Ефремовом в Тульской области и получил серьезную черепно-мозговую травму. – Б. С.).

Почти сразу же подошла машина ГАИ. Они «шли» за «Мерседесом»... И один «гаишник» другому еще говорил:

– Смотри, как гонит. Наверняка разобьется!»

Янкловичу обстоятельства аварии запомнились несколько иначе: «Володя одной рукой прижал голову Севы к подголовнику, а другой – продолжал выворачивать руль...» Получается, что полностью руль Высоцкий все-таки не бросил, но предотвратить аварию все равно не смог.

Высоцкий, вероятно, догадывался, что за ними должна гнаться ГАИ, которой никак не может понравиться езда со скоростью за двести километров в час в гололед, пусть даже по практически пустому шоссе. Однако он не сомневался, что всегда сможет откупиться от инспекторов, прежде всего, своим именем. У них потом до конца жизни хватит рассказов, как они тормознули самого Высоцкого.

Не исключено, что гаишники знали, чей именно «Мерседес» они преследуют. Ведь такие машины в Москве были наперечет, и установить имя владельца не составляло большого труда. Если это было действительно так, то инспектора могли просто сопроvozждать «Мерседес», чтобы предотвратить аварию, да не успели.

В результате аварии на Высоцкого было заведено уголовное дело. Вот как это описывает Янклович: «Подъезжает «Скорая». Володя пересаживает нас в машину «Скорой помощи», а сам на десять минут уезжает на такси. Через десять минут, просветлевший (очевидно, он уже успел вколоть наркотик. – Б. С.), появляется в больнице – поднимает на ноги всех врачей! Мне делают уколы, Севе вправляют руку... Начинается дело об аварии...»

Шехтман описывает то, как завели дело, более подробно: «У Первой градской все еще стоит машина дежурного по городу. Обычно он выезжает «на смерти». Володя в лихорадочном состоянии:

– Надо съездить в ГАИ, отвезти пластинку!

Съездили, отвезли... Но все равно дело об аварии завели. Да, в деле должна быть интересная бумажка... Троллейбусное управление потом прислало счет за ремонт: 27 рублей 25 копеек».

На этот раз откупиться пластинкой с автографом, как Высоцкий не раз делал прежде, не получилось. Ведь речь шла не о простом ДТП, а об аварии с тяжелыми последствиями. Поврежден оказался не только «Мерседес» Высоцкого, но еще и троллейбус, к счастью, пустой, иначе бы жертв было бы больше. А троллейбус – это государственное имущество. Имелись налицо двое пострадавших с телесными повреждениями средней тяжести. Им требовалась медицинская помощь, и они не могли не сказать врачам, что пострадали в аварии. К тому же свидетелями аварии стали инспектора ГАИ. Вина Высоцкого сомнений ни у кого не вызывала. Когда некоторые поклонники Высоцкого говорят, что дело об аварии, равно как и дело о концертах в Удмуртии, было дутым, фальсифицированным, и было заведено в рамках начавшейся кампании против Высоцкого, им трудно поверить. Наверное, если бы Высоцкий был сыном или, на худой конец, зятем члена Политбюро, дело бы тут же замяли. В ином случае такое вряд ли было бы возможно. Не думаю, что окажись на месте Высоцкого Магомаев или Кобзон, они бы смогли добиться, чтобы уголовное дело вообще не возбуждалось. Конечно, в дальнейшем это дело можно было прекратить или свести наказание к штрафу, что и произошло в итоге в этой аварии с Высоцким.

Дело в конце концов кончилось тем, что товарищеский суд в Театре на Таганке вынес Высоцкому общественное порицание и призвал его быть внимательнее за рулем. Районный суд, принимая во внимание это решение, Высоцкого оправдал.

О том, как Высоцкий водил машину, оставили воспоминания брата Вайнеры: «Мы ехали на студию, опаздывали, торопились, и он, как всегда, гнал машину во весь опор. У Киевского вокзала свистнул пронзительно милиционер, взвизгнули тормоза, замер этот бешеный гон. «Ну, все, заторчали», – махнул он досадливо рукой. Инспектор неспешно просмотрел протянутые документы, мельком взглянул ему в лицо, осуждающе вздохнул: «Превышаете, товарищ Жеглов! Ведь не на «операцию» спешите?» – «А! У меня каждый день операция!» Милиционер возвратил права и домашним, неофициальным тоном попросил: «Не гоните так лошадей, Владимир Семеныч». – «Ей-богу, больше не буду!» – поклялся Высоцкий, включил скорость и погнал пуце прежнего...

Постоянный дефицит времени, гонка с судьбой определили в Высоцком безошибочность принимаемых им решений, точное знание, чего он хочет. Каждая строка, каждая роль, каждый глоток и вздох – как будто последний».

На самом деле Высоцкий гнал себя прямиком к смерти. Вайнеры, очевидно, не догадывались, что в тот момент Высоцкий находился под действием наркотиков. И все та же вера в то, что он – сам Высоцкий и ему все равно ничего не будет.

2 января 1980 года Золотухин записал в дневнике нервную реакцию Любимова на внезапный отъезд Высоцкого: «Происходит странная ошибка: больной спрашивает, ответственен ли он за квалификацию врача. Высоцкий умолял играть Гамлета. Но он только хотел. Абстрактно. А совершенно в роли ничего не понимал, и репетиции были адовы! Адовы...» Юрий Петрович был уверен, что Высоцкого–Гамлета сотворил в большей мере он сам, что вряд ли верно. Не умаляя заслуг Любимова, следует признать, что никто, кроме Высоцкого, не мог сыграть такого Гамлета,

становящегося сильным в своей слабости, буквально взрывающего пространство спектакля. Неудивительно, что в тот момент у таганковского «Гамлета» так и не появилось конкурентов в советских театрах, хотя попытку поставить одну из самых знаменитых шекспировских пьес предпринимал такой серьезный режиссер, как Андрей Тарковский, а главного героя играл такой выдающийся актер, как Андрей (Адольф) Солоницын.

Сын Высоцкого Аркадий видел отца 3 января 1980 года на спектакле «Вишневый сад» и отметил, что лицо у него сильно расцарапано. Так что нельзя сказать, что Высоцкий в аварии совсем не пострадал. Он пытался закрыть дело об аварии через братьев Вайнеров и своего школьного друга – высокопоставленного гаишника, но безрезультатно.

7 января Любимов подписал заявление Высоцкого о предоставлении ему творческого отпуска на один год. Он собирается в качестве режиссера снимать фильм «Зеленый фургон» по сценарию Игоря Шевцова. 8 января в своем последнем в жизни интервью корреспонденту Московского радио Ирине Шестаковой Высоцкий заявил: «Я ведь не очень люблю актерскую профессию и сейчас ухожу из нее потихоньку, – из театра и из кино. Буду сам делать фильм. Я предпочитаю исполнительской работе творческую, авторскую, когда сам делаешь и сам воплощаешь».

Через пару дней Марина Влади покидает Москву, еще не зная, что Владимир – законченный наркоман. 14 января Высоцкого навестил его старый друг по Большому Каретному киносценарист Артур Макаров, который просил его уладить ссору с одним общим знакомым. Артур Сергеевич отметил, что у Высоцкого «стеклянные глаза», но о наркотиках тоже будто бы еще ничего не знал. Тут вспоминается из цитированной выше песни о пьяницах: «...я был как стекло, т. е.

остекленевший», хотя писалось это еще в донаркотическую эру.

Оксана Афанасьева считает, что перелом к худшему в судьбе Высоцкого произошел в начале 1980 года: «Красного становилось намного меньше, и с каждым днем больше черного. Все было как бы без настроения, потому что жили в состоянии болезни и еще потому, что у меня умер папа... Вообще, все плохое началось с Нового года, 80-го. Во-первых, авария, в которую они с Янкловичем попали. Потом – картину ему зарубили, из театра он практически ушел, физическое состояние стало ухудшаться, количество наркотиков увеличиваться. Угнетала зависимость от них, от людей, которые их доставали...»

По ее словам, «самый последний год... Страшнее ничего быть не могло». Однако она отрицает, что Высоцкий ее бил, так же, впрочем, как отрицает это и Влади. Оксана настаивает: «Дело в том, что я выросла в творческой, богемной среде, где мужчины – мой отец, мои троюродные братья (мы жили в одной квартире) – были пьющими. Но не алкаши, которые у магазина на троих соображают, а респектабельная пьющая богема, с нормальной алкогольной зависимостью. Я знала, какими бывают алкоголики: папа мой, например, был очень агрессивным. Я его боялась и ненавидела в эти моменты. А Володя... Запой начинался с бокала шампанского, а потом... мы куда-то ехали, он рвался куда-то до тех пор, пока не упадет. Он был не агрессивным, по отношению ко мне – тем более. Я переживала и страдала, потому что мне было его безумно жалко. Страшно было за него, потому что была полная деграция, когда человек напивался до состояния животного. Куда там бить, он говорить-то не мог в таком состоянии. На это было страшно смотреть. С ним я оказалась в состоянии женщины, которая выносит этот запой и должна стараться помочь ему...

Меня было жалко моим друзьям. Я старалась помочь ему. А это значит – все время быть рядом. Потому что в это время он никому не был нужен. Человек нужен, когда он здоровый, веселый, богатый. А эта «пьяная» головная боль не нужна никому. Я не приносила себя в жертву. Просто по-другому быть не могло...

В свое время мне Володя сказал: «Если я когда-нибудь узнаю, что ты хоть раз попробовала, задушу собственными руками». Поэтому у меня было определенное отношение к этому. И Володя употреблял наркотики не потому, что он такой наркоман – расширялся и сидит хохочет, балдеет, – а просто чтобы нормально себя физически чувствовать.

В течение двух лет я видела, как дозы увеличивались. Сначала это было после спектакля, чтобы восстановиться. Я помню, что после «Гамлета» он не мог долго уснуть, ему было плохо. И он делал себе укол. «А что это ты себе колешь?» – спрашивала я. «Это витамины». Однажды эту ампулу я выудила из помойки и узнала, что это был промедол. Потом был и мартин, анапол – медицинские наркотики...

Он просто лучше себя чувствовал. Вот он сидит, абсолютно никакой, ему плохо, но делает укол и – нормальный, живет полноценной жизнью. Он так хотел соскочить с иглы. «Я так от этого устал», – говорил. Отчего он умер? Он хотел соскочить, а легально нельзя было лечиться. Людей, которые ему доставали наркотики, он подставить не мог. Он и в Италии лежал, и во Франции. Не получилось. У него даже был план уехать со мной на прииски, к Вадиму Туманову в домик. Какой бы, я думаю, это был ужас: Володя со мной в тайге, со своей ломкой, и, если бы он умер там, я не знаю, что было бы. Кошмар. Не было же никаких мобильных телефонов...»

В последние месяцы наркомания уже самым серьезным образом влияла на творческую деятельность

Высоцкого, основательно выбивая его из колеи и срывая многие планы. Так, 22–23 января 1980 года он делал запись для «Кинопанорамы», где должен был спеть несколько песен в сюжете, посвященном фильму «Место встречи изменить нельзя». Реально же был записан трехчасовой концерт. Всеволод Абдулов вспоминал: «Я помню, что было перед записью: Володя жутко не хотел ехать – и плохо себя чувствовал, и с голосом что-то было...

– Да ладно, Сева, ты же знаешь, что ничего этого не будет.

Я говорю:

– Володя, а вдруг?!

– Да нет... Еду только потому, что Слава очень просил это сделать».

Оксана Афанасьева хорошо запомнила, как Высоцкий собирался на «Кинопанораму»: «...Волновался, как ребенок... Выбирал рубашку, куртку, – он так готовился! И хотя телевидение наше он терпеть не мог, тем не менее к записи готовился очень серьезно».

Запись растянулась более чем на три часа. Причина была трагически банальной. Об этом рассказал Валерий Янкович: «Почему Володя забывал текст? Кончалось действие наркотика, и он слабел... Ему надо было прерваться, чтобы сделать укол. Поэтому были остановки.

После записи приехал такой радостный, возбужденный. Но сама запись... Это не тот Володя... Я же видел его на концертах. Он не в тонусе».

К тому же Высоцкий во время съемки еле ходил, так как нога распухла из-за воспаления.

Игорь Шевцов запомнил рассказ Высоцкого о записи для «Кинопанорамы»: «Маринина (режиссер видеозаписи. – Б. С.) мне говорит: «Владимир Семенович, я обо всем договорилась. Мы запишем, и будет полтора

часа вашего концерта в эфире». Мне и раньше предлагали одну-две песни для каких-то программ, но я отказывался. Если авторский вечер – да, а с отдельными номерами – нет. Ну, сделали запись. Я час с лишним, как полный... выкладывался. А потом она подходит и говорит: «Владимир Семенович, вы не могли бы организовать звонок к Суслову?» Я аж взвился:

– Да идите вы... Стану я звонить! Вы же сказали, что все разрешено!

– Да, но...»

Ни одна из песен Высоцкого в «Кинопанораму» так и не попала. А полуторачасовой концерт был показан по телевидению под названием «Монолог» только в перестроечные годы.

23 января утром Высоцкий поехал в Останкино к главному редактору «Экрана» Грошеву, от которого зависела судьба сценария «Зеленого фургона». Разговор получился крайне неудачным, и опять причина была в наркотиках. Игорь Шевцов вспоминал: «Днем я позвонил ему.

– Ну как?

– Никак! Я отказался от постановки, – мрачно заявил он мне в трубку.

Я кинулся к нему. Володя лежал на тахте. Что-то бурчал телевизор, почти всегда у него включенный. Тут же сидел Сева Абдулов с рукой в гипсе, задранной к подбородку... Кто-то еще, кажется, Иван Бортник. У всех вид такой, точно объелись слабительного. Я стал у стены...

– Ну что стоишь! – рявкнул Володя. – Снимай пальто! В общем, я отказался от постановки.

– Ты не спеши.

– Да что ты меня уговариваешь! Я пришел к этому... Грошеву, а он, видите ли, за три дня не мог прочитать сценарий! Я, Высоцкий, мог, а он – не мог, твою мать!

– Да он и не обещал...

– Да ладно тебе! А как он меня встретил! «Владимир Семенович, я вас прошу больше в таком виде ко мне не показываться...»

А в каком виде? Я-то трезвый, а он – пьяный! И он мне такое говорит! МНЕ!

(К слову сказать, Володя действительно тогда не был пьян, но очень болен. А уж Грошев тем более не был пьян.)

Больше с этим сраным телевидением дела иметь не хочу! Удавятся они! И сегодня на «Кинопанораму» не поеду! Пусть сами обходятся! Ничего, покрутятся! Я на первой записи был, а сегодня – нет».

Янклович объяснил, чем был «очень болен» Высоцкий: «В этот день у Володи не было наркотиков. Он принял седуксен и не мог четко разговаривать. С Грошевым был очень неприятный разговор...»

И на второй день записи, когда Эльдар Рязанов, ведущий «Кинопанорамы», должен был беседовать со съемочной группой «Места встречи изменить нельзя», Высоцкий в Останкино не приехал. Вероятно, это стало одной из причин того, что его песни из «Кинопанорамы» также убрали.

По словам Янкловича, на «Кинопанораму» «не поехал он не только потому, что поругался с Грошевым. Повторяю, у него в этот день не было «лекарства». Кое-как достали – что было делать... И он поехал в театр, а потом домой... Я позвонил:

– Как ты можешь! Там тебя люди ждут...

– А пошли они все!..»

Тогдашний неприезд Высоцкого в Останкино привел к крупной ссоре со Станиславом Говорухиным. И вплоть до июля они даже не разговаривали друг с другом. Режиссер о наркомании актера ничего не знал. Говорухин не подозревал, что Глеба Жеглова сыграл законченный наркоман. Хотя об этом хоро-

шо знал друг Высоцкого Валерий Янкович, который тоже участвовал в съемках: он сыграл эпизодическую роль администратора Большого театра. Но вряд ли в наркотиках надо искать причину того, что Высоцкий воплотил в кино образ истинно народного героя. Просто Жеглов, как характер, был, в сущности, самим Высоцким, только лишенным его алкоголизма и наркомании. А также своих песен. Кстати, водку Жеглов пьет в сериале лишь однажды, после того, как бандит Фокс убил милиционера.

Станислав Говорухин так объяснил, почему Высоцкий в фильме не поет: «Он очень хотел спеть в этом фильме. Среди предлагавшихся им песен были и «За тех, кто в МУРе», и «Песня о конце войны», и «Баллада о детстве». Но, хотя песни мне и нравились, я был категорически против. Я считал, что это разрушит образ, и это будет уже не капитан Жеглов, а Высоцкий в роли капитана Жеглова. Володя обижался, мы ссорились. А однажды, когда я попросил его спеть в кадре песню Вертинского, он ответил:

– Если ты не хочешь, чтобы я спел свое, не буду петь и Вертинского».

Действительно, если бы Высоцкий запел, зрители бы воспринимали героя как Высоцкого, а не как капитана Жеглова. Но, по утверждению Аркадия Вайнера, инициатором отказа от собственных песен был Высоцкий: «...По сценарию Высоцкий в каждой серии поет свою песню за Жеглова, но в фильме этого нет. Он там поет две другие песни. Высоцкий написал заготовки всех пяти песен, но, когда шли съемки на Одесской киностудии, он вдруг сказал: «Ребята, а ведь это неправильно, если я буду выступать как автор-исполнитель. Мы тратим большие усилия, чтобы к десятой минуте первой серии зритель забыл, что я Высоцкий. Я – Жеглов. А когда я запою свою песню, все труды пойдут прахом». Мы скрепя сердце вынуждены были с ним согласиться».

Между прочим, актер, создавший образ самого «народного» милиционера, милицию на дух не переносил. Свидетельствует Говорухин: «Консультантом на фильме был заместитель министра МВД СССР генерал-лейтенант К. И. Никитин. Он просил, чтобы Жеглов хотя бы раз показался на экране в милицмейской форме. Эту просьбу мне необходимо было выполнить, потому что за это я рассчитывал получить возможность оставить, к примеру, сцену, где Жеглов подбрасывает в карман Кирпичу кошелек, да и вообще предполагал, с какими огромными трудностями мы столкнемся при сдаче картины. Но Высоцкий был неумолим: «Нет, форму я не надену ни за что!» Для него милиционер сталинских времен ассоциировался с теми людьми, которые творили то страшное беззаконие. Он столько был наслышан об этом и так больно это переживал, что все, что было связано с милицией, не переносил на дух.

И тогда мне пришлось придумать ему сцену, где он стоит у зеркала в кителе и произносит примерно такой текст:

– Вот, Шарапов, моя домашняя одежда, вроде пижамы.

– Почему? – спрашивает Шарапов.

– Да потому что никогда не носил, да, наверное и носить не придется.

Потом он, с большим трудом уговоренный мной, садится в этом кителе к роялю и произносит несколько строк из «Лилового негра» Вертинского, но, будучи верным своему слову не петь, каждый раз перебивает их репликами, обращенными к Шарапову. И тут же снимает китель. Это и осталось единственным его появлением в милицмейском мундире».

В последнем в своей жизни интервью, данном корреспонденту иновещания Московского радио Ирине Шестаковой, Высоцкий вспоминал, что в своем пос-

левоенном детстве сталкивался с бандитами, с которыми в фильме борется Жеглов: «Когда мне было совсем-совсем немного лет, я помню одну облаву. Мы жили в трехэтажном доме напротив Ржевского вокзала (ныне – Рижский). Бандиты собирались ограбить эшелоны, которые приходили из Германии. И я запомнил стрельбу, колоссальное количество милицеских машин и как мы смотрели в форточку на все это. Я помню эту облаву. Я был настолько малолетка, что еще ничего не понимал, что это такое, но все-таки помню это название «банда».

Да и блатной мир Высоцкий знал очень хорошо, был знаком со многими авторитетными в нем людьми. Недаром же начинал свое творчество с блатных песен.

В том же интервью с Ириной Шестаковой Высоцкий признался в своей духовной близости к Глебу Жеглову и к тем методам, какими он ведет борьбу с преступностью. И тогда же признался журналистке, что «братья Вайнеры писали этот характер (Жеглова. – Б. С.) немножечко с меня – с того образа, который создался в их воображении благодаря моим песням. Мне в картине проще было работать из-за этого».

Сами Вайнеры фактически не отрицали, что в чем-то писали Жеглова с Высоцкого: «Десять лет назад подарили мы ему один из сигнальных экземпляров романа «Эра милосердия». На другой же день он явился и с порога сообщил: «Я пришел «за столбить» Жеглова...» Мы удивились – в каком смысле «за столбить»? Высоцкий уверенно сказал: «Это будет фильм. Наверное, большой. И это моя роль. Никто вам так не сыграет Жеглова, как я...» Мы и не сомневались в этом. В нашем детстве было много общих воспоминаний – мы помнили голодную послевоенную Москву, мы знали словечки Сухаревки, рядом с которой жили, мы были соседями во времени, обстоятельствах, судьбе».

По поводу же сути образа Жеглова Высоцкий в интервью с Шестаковой утверждал следующее:

«Теперь очень интересно и важно вообще исследовать эту тему: как вообще нужно бороться с террором? Таким же точно способом, как в двадцатые годы, или все-таки терпеть и находить какие-то гуманные способы борьбы с насилием? Никто на этот вопрос ответить не может. Я и согласился сниматься в картине, чтобы этот вопрос поставить. От имени своего персонажа я утверждаю, что нужно так с ними поступать: давить от начала до конца, если ты уверен на сто процентов, что перед тобой преступник.

Розовый герой, который призывает к милосердию, к тому, чтобы идти в сторону смягчения, а не ужесточения мер по борьбе с преступностью, он утверждает, что нужно действовать честно даже с нечестными людьми. Это все, в общем-то, на словах. Но если сейчас кругом посмотреть, поглядеть, что делается в мире: терроризм и «красные бригады», стреляют по ногам детей, а потом на их глазах убивают учителя, – начинаешь сомневаться, кто из двух героев прав.

Если вы обратили внимание, то Вайнеры это как раз ухватили в своей вещи. Когда два персонажа окончательно рассорились и разошлись, Шарапов сказал:

«Я не хочу с тобой работать». Жеглов: «Ну иди, как хочешь». Приходит Шарапов в МУР и видит в траурной рамочке портрет своей любимой, которую убили бандиты. В данный момент, если бы они ему попались, он любым способом упрятал бы их за решетку, если бы не уничтожил, правда? Вот Жеглов мой все время находится в этой позиции, в которой Шарапов мог бы оказаться в конце картины.

Я его нигде не оправдывал. Ольга Чайковская очень хорошо написала: «Я не понимаю, нравится он мне или не нравится». Кстати говоря, очень многим

людям нравится, что Жеглов специально засунул кошелек в карман вора так ловко, потому что это явный вор. Возможно, Жеглов не стал бы так вести себя с человеком, в вине которого не уверен. Но в одном Жеглов, я думаю, ошибается: если он подозревает в ком-то преступника, все – для него перестает существовать в нем человек. И поэтому с единственно приличным человеком он ошибся, поэтому с ним так себя и ведет, понимаете? Вот в этом есть что-то...»

Высоцкий, таким образом, согласен с Жегловым в том, что против настоящего преступника можно фабриковать улики, но плохо, когда так поступают с порядочным человеком. Однако беда в том, когда даже честные милиционеры подкладывали фальшивую улику, они, безусловно, убеждены, что жертва подставы – настоящий преступник. Но, как хорошо известно, нередко случается так, что человек, на которого падают подозрения, оказывается невиновен, так что даже «честный» мент вроде Жеглова наверняка засадил в тюрьму, а то и подвел под расстрел десятки ни в чем не повинных людей. А что уж говорить о нечестных, которые охотно подбрасывают кошелек даже заведомо невиновному человеку, просто для улучшения статистики раскрываемости. Высоцкий, вероятно, был убежден, что проницательный сыщик видит человека насквозь и сразу определяет, преступник тот или нет. Но любой полицейский профессионал скажет, что ни следователи, ни полицейские подобной сверхпроницательностью не обладают.

Высоцкий мечтал о продолжении «Места встречи», ибо образ Жеглова его не отпускал. И имел вполне определенные планы сиквела, о которых рассказывал консультант фильма, тогда первый заместитель начальника главного следственного управления МВД генерал-майор милиции Владимир Петрович Илларионов:

«Вскоре после триумфальной премьеры фильма «Место встречи изменить нельзя» Высоцкий предложил подумать о сюжете продолжения сериала, который можно будет предложить сценаристам.

На лацкане пиджака Жеглова был орден Красного Знамени. За что он его получил? Высоцкий стал импровизировать возможные сцены. Искал начало.

– Где у вас хоронят ветеранов?

– На Преображенском.

– Представим себе снежную зиму. Наше время. Кого-то хоронят. Старики медленно идут к выходу. Один случайно оступился и смахнул снег с маленького обелиска. На фаянсовом овале – мой портрет во френче со стоячим воротником. (Высоцкий выкатил глаза, изображая себя на фотографии.) Надпись: «Капитан Жеглов. Погиб при исполнении служебных обязанностей». Старики тихо беседуют между собой: кто такой капитан Жеглов? Никто не помнит.

Так, думал Высоцкий, мог начинаться фильм. Запомнилась придуманная им и замечательно разыгранная сцена в тамбуре вагона, где один из подчиненных капитана, штыком открыв банку тушенки, жадно ест, измазав руки и лицо жиром.

– Гад, что ты делаешь! В Москве умирают от голода старики и дети!

Это было сказано на такой ноте душевного страдания, что можно только сожалеть о несбывшихся творческих мечтах Высоцкого».

Владимир Петрович подсказал и сюжет для продолжения «Места встречи изменить нельзя». Он вспоминал: «Зимой 1942 года из Свердловска в голодную Москву шел эшелон с продуктами. Его охраняла группа работников НКВД во главе с капитаном. Были получены оперативные данные, что на эшелон, прибывший на станцию Лихоборы, возможно нападение вооруженной банды. Решили при маневрировании вы-

вести вагоны с продуктами, а на их место поставить состав с усиленной охраной. Но произошла какая-то накладка. Небольшой группе пришлось принять неравный бой с бандитами. Впоследствии раненного в перестрелке капитана наградили тем же орденом, что и Жеглова».

Согласно же воспоминанию Аркадия и Георгия Вайнеров, идея продолжения появилась еще на последнем этапе съемок первого фильма: «Однажды мы сидели в чухлом скверике Одесской киностудии, коротали перерыв в съемке шутками и невероятными историями, приключившимися в нашей жизни, и вдруг Высоцкий, без всякой видимой связи с текущими разговорами, заявил нам: «Ребята, вы должны написать вторую часть «Эры милосердия»! Продолжение – роман о Жеглове после поимки банды «Черная кошка». Сделаем потрясающий фильм!..» Мы стали отнекиваться, отказываться, отбиваться, объясняя, что ни по каким обстоятельствам не готовы к такой работе. Но не от Высоцкого, загоревшегося интересной ему мыслью, можно было легко отбиться. Никто не умел так уговаривать, грозиться, заманивать, сулить: «Подумайте сами, как все сказочно сходится: мы заканчиваем картину, я запускаюсь на год снимать «Зеленый фургон», а вы за это время пишете роман. Шашки наголо – и в бой!» И как-то незаметно для себя мы начали обсуждать с Высоцким тему, сюжет, персонажи, подробности жизни в 1947 году, и когда опомнились спустя какое-то время, то говорили о продолжении романа как о чем-то решенном.

Не исключено, что уже тогда продолжение фильма должно было иметь два плана. Первый – это история 1942 года, за которую Жеглов получил орден. А второй – это история 1947 года, завершающаяся гибелью Жеглова. План сценария про события 1947

года был написан в 1995 году, когда в очередной раз встал вопрос о продолжении сериала. Там Жеглов узнает, что из Минфина происходит утечка информации о предстоящей денежной реформе, но его убивают, и его убийство расследует Шарапов. Поскольку Вайнеры упомянули, что детали жизни 1947 года они обсуждали с самим Высоцким, можно предположить, что сюжет с денежной реформой возник еще тогда.

Но вернемся к последним месяцам жизни Высоцкого. 24 января на Малой Грузинской состоялся тяжелый разговор Высоцкого с Янкловичем, Абдуловым и Тумановым. Друзьям удалось уговорить его попробовать вылечиться от наркомании.

Вспоминает Янклович: «Володя еще боялся, что попадется... Я ему говорил:

– Володя, ты все время на грани... Вот попадешься, и они скажут: «Напиши это!» И ты за ампулу это сделаешь. А они тогда скажут: «Вот, смотрите, какой он – ваш кумир...»

Володя никого не предал и не продал, но я скажу одну, может быть, кощунственную вещь: по-моему, он ушел вовремя. И вот состоялся этот разговор».

Этот разговор запомнил и Всеволод Абдулов: «Значит, это конец января, около дня рождения Володи... Мы находимся в большой комнате – слева стоял диванчик, на котором сидел я, еще по пояс в гипсе... Справа у полок стоят Туманов, Янклович, немного подальше – Володя. И был обычный уже – и ненавистный мне – разговор...

Говорили Вадим и Валера:

– Володя, это невозможно...

– Надо что-то делать...

– Ты должен лечиться...

Володя:

– Да ладно, перестаньте!

В общем, все доводы были высказаны, и ничего они не изменили, и ничего не было решено...

А у меня вдруг какое-то абсолютное внутреннее спокойствие – предельная сосредоточенность и спокойствие. Внешне я бледнею, даже белею... У меня такое бывает – не часто, но бывает. Я сказал:

– Володя, смотреть на то, как ты умираешь, я не могу. И не буду. Поэтому я уйду. Если понадобится – звони, я появлюсь и все сделаю. Но просто присутствовать при твоём умирании – не буду.

Я встал и пошел к двери. Это абсолютно не было шантажом – я сказал то, что думал... Володя это понял...

И была реакция, которой я не ожидал, что-то произошло... Во всяком случае, после этого они запираются с Федотовым, и Володя начинает лечиться...

А потом мне напоминали: «Ты же бросил Володю!» – Но это не так. Я бы ушел совсем, если бы Володя не начал лечиться...

Последний день рождения Высоцкого 25 января 1980 года прошел в грустной атмосфере. Были только Янклович, Шехтман и Оксана. Она вспоминала: «На день рождения я подарила Володе такую смешную «бабу» на чайник. Сама сшила... После Володиной смерти я видела ее на кухне у Володарских...»

По свидетельству Янкловича, «на дне рождения Володя твердо решил: «Все! Запираемся с Федотовым, никого не принимаем – лечимся!»

Федотов принес капельницу, лекарства... Колол успокоительное. Володю ломало, он мучился – но терпел... Он же дал слово...»

Но Федотов оказался бессилён. Недуг зашел слишком далеко. Личный врач Высоцкого свидетельствовал: «В конце января мы с ним закрылись на неделю в квартире на Малой Грузинской. Я поставил капельницу – абстинентный синдром мы сняли. Но от алко-

ля и наркотиков развивается физическая и психическая зависимость. Физическую мы смогли снять, а вот психическую... Надо было расслабиться, а Володя не мог. Тут еще надо учитывать и индивидуальную предрасположенность...»

Медицина была бессильна. Когда Янклович дня через три навестил Высоцкого, то увидел, как тот вдыхает пары эфира, который накапал на вату.

В конце января Управление культуры Моссовета дало разрешение присвоить Высоцкому звание заслуженного артиста РСФСР. Но Владимиру Семеновичу эта запоздалая честь была уже безразлична. Он отказался заполнять анкету для представления, заявив, что «еще не заработал...». Высоцкий также опасался, что если присвоение звания застопорится в каких-то более высоких инстанциях, то это причинит лишнюю обиду и ему, и театру.

1 февраля 1980 года, когда после долгого перерыва Высоцкий давал концерт во ВНИИЭТО в Москве, он был далеко не в лучшей форме. Всеволод Ковтун, анализируя расшифровку стенограммы вечера, отметил:

«У Высоцкого затруднена речь – особенно вначале (примерно, как на концерте в Навои: речь не очень внятная, но и не замедленная). Через пять минут после выхода на сцену он просит воды...»

Спев «Песенку о слухах» (в концерте – третья), Высоцкий начинает традиционный рассказ – преамбулу к «Песенке о переселении душ», – но снова начинает «Песенку о слухах». Спыхватывается только в конце второго куплета: «Это я вам уже пел, да?»

Фрагменты фонограммы, связанные с состоянием здоровья: «Дорогие мои товарищи! Я прошу прощения за то, что я не приехал к вам в прошлый раз. Но там были обстоятельства совсем другие – я был настолько болен, что у меня просто не было

голоса. Сегодня у меня другая болезнь, но она не влияет на голосовые связки. Поэтому вы сегодня не будете обижены... (Покачнулся.) Вот видите – у меня с ногой плохо... Нет, вы напрасно. Вы думаете, что тут «другого рода болезнь», – но ошибаетесь глубоко. У меня очень плохо, просто действительно плохо с ногой. Но я уже не мог отменить выступление...

(Из зала предлагают сесть и петь сидя.) Не надо... Это мне хуже... Мне ж перебинтовали – не беспокойтесь. Нет-нет, ничего...

Я еще хотел спеть вам две шуточные песни и потом еще одну серьезную. Если позволите, я на этом закончу, потому что я не могу стоять больше, к сожалению.

(Кажется, предлагают сделать перерыв и продолжить выступление.) Вы думаете, я устал? У меня не в этом дело... Какая усталость? Разве вы думаете, что я устаю когда-нибудь? Никогда! Просто у меня с ногами случилась неприятность. Просто перетянуты ноги...»

В том концерте Высоцкий спел одиннадцать песен и отвечал на вопросы из зала... Сказал, что в предстоящей «Кинопанораме» он постарается ответить на вопрос: как он относится к Глебу Жеглову из «Места встречи изменить нельзя». Хотя знал, что этого ни в коем случае не будет, поскольку на запись интервью он так и не явился.

В конце января Высоцкий неудачно уколол себе наркотик в бедро. Образовался нарыв, нога сильно болела, и этим во многом объяснялось далеко не лучшее состояние Высоцкого. Но не только этим. Наркомания уже разрушала мозг великого актера. Поэтому он начал заговариваться на концертах. Его окружению стало ясно, что, если не вылечить его от наркозависимости, концертную деятельность вообще скоро придется прекратить, да и в живых он останется еще

совсем недолго. Но лечить наркоманию тогда в СССР практически не умели.

Владимир Шехтман вспоминал: «Больниц Володя почему-то боялся и ни за что не хотел обращаться к врачам. Вообще, пока его не испугаешь, лечиться не будет!

– Володя, тебе же ногу могут отгяпать!

Еле уговорил его показаться моему отцу, он – хирург. Отец взял саквояж, надел зеленую шапочку, и мы поехали на Малую Грузинскую. Отец осмотрел Володю, все увидел и все понял. Мы вышли из дома, садимся в машину...

– А теперь говори, сколько твой друг этим занимается?

А я уже был более или менее в курсе дела. Рассказываю, на что отец замечает:

– Я могу сказать, от чего он умрет: или от передозировки, или от нехватки...

– Как же так, отец! Что же делать?!

– Вот так. Что-то делать надо. Жить ему осталось не более трех-четырёх месяцев...»

Операцию тогда Высоцкому сделали, абсцесс удалили, но кардинального улучшения в его состоянии не наступило.

Надо прямо признать, что шансов на излечение у Высоцкого просто не было. Даже сейчас, когда медицина по сравнению с 1980 годом сделала большой прогресс, излечивается лишь 10% наркоманов, да и то, если лечение начато на ранней стадии. Добро бы если Высоцкий потреблял один только морфий, с зависимостью от которого когда-то успешно справился Михаил Булгаков. Но у него был уже весь букет наркотиков от промедола и морфия до героина и кокаина.

В марте состояние Высоцкого стало серьезно беспокоить Всеволода Абдулова. Он утверждал: «К этому

моменту я окончательно все понял... Постоянно думал об этом. У меня был знакомый – великолепный нарколог, которому я абсолютно доверял. Я поехал к нему... Мы говорили, разговор шел о дозах. И этот врач сказал:

– Самое страшное: чем сильнее человек, тем ужаснее картина, которую вы нарисовали... Чем сильнее человек, тем ужаснее ситуация (очевидно, потому, что ему требуются все большие дозы. – *Б. С.*).

Я был абсолютно в нем уверен и назвал фамилию...

– Ему осталось жить месяца два...

И добавил:

– Вот все мои телефоны, в любое время суток звоните. Сделать уже ничего нельзя, но я всегда готов помочь».

В конце марта Высоцкий вылетел в Париж, чтобы потом оттуда отправиться в Венецию, где снималась Марина Влади. Янклович вспоминал, что, против обыкновения, на этот раз возникли определенные сложности на таможне: «Я хорошо помню, что мы поехали провожать Володю вместе с Ваней Бортником... Обычно Высоцкого не досматривали, во всяком случае, при мне это было в первый раз... Таможенник спросил его:

– Владимир Семенович, вы везете что-нибудь, не внесенное в декларацию?

Володя ответил:

– Нет.

– Вы точно это знаете?

– Да.

Таможенник вздохнул и сказал:

– Откройте чемодан...

Володя открывает чемодан. Наверху лежала шкурка соболя и картина, кажется, Тышлера. Кроме того, он вез Марине кольцо ленинградской работы. Шкур-

ку он смог отдать мне. А картину и кольцо конфисковали. Еще у Володи в кармане был наркотик в пузырьке из-под сердечных капель... Его отправляют на личный досмотр, и он рукой прямо в кармане раздавил этот пузырек. Порезался, потекла кровь...»

Бортник описал происшествие существенно иначе и с более благополучным для Высоцкого финалом: «Володя открыл чемодан, там – соболя... Стоим у барьера, и вдруг – три особиста! Таможенник – раз! этих соболей мне под пиджак! Вовка стоит белый как полотно... Пузырек раздавил в кармане, осколки впились в руку... Кровь... А они там стали что-то искать – «Метрополь», что ли? У Володи отобрали тогда какое-то золотое изделие и еще что-то... Володя этим рейсом не улетел. Позвонил одному знакомому в Министерстве внешней торговли, тот обратился выше – к заму Патоличева... Тот сказал:

– Пусть пишет объяснительную...

Едем, везем эту объяснительную... Читаю...

– Вовка, ты с ума сошел... Ошибка на ошибке!

– Это специально. Чтобы они поняли, что я волновался...

– Ну, ты уж слишком... «ДАРАГОЙ»?!

– Да нет... Главное – принцип.

И ему вернули эти вещи!»

В Венеции Высоцкий наконец признался в своей наркомании Марине. Она вспоминала:

«...Этой ночью было сказано все, и наконец между нами нет больше тайны.

Очевидно, после очередного срыва ты по преступному совету одного приятеля впервые вкальываешь себе морфий: физическая боль после самой жуткой пьянки – это ничто в сравнении с психическими мучениями. Чувство провала, угрызания совести, стыд передо мной исчезают как по волшебству: морфий все стирает из памяти. Во всяком случае, в первый раз

ты думал именно так. Ты даже говоришь мне по телефону с мальчишеской гордостью:

– Я больше не пью. Видишь, какой я сильный?

Я еще не знаю цены этой твоей «силы»...

Теперь я знаю все. Ты осмелился произнести «запретные» слова.

Я наслаждаюсь этими минутами с болезненным ликованием, как мог бы наслаждаться последними минутами жизни смертельно раненный человек. Мы снова вернулись к началу нашей любви. Мы больше не прячемся друг от друга, нам нечего друг от друга скрывать. Для нас с тобой это – последний глоток воздуха.

Ты всегда мечтал о Венеции, мы часто говорили о ней ночами. Ты говоришь мне, что обязательно поправишься, и чувствуешь сам, что это – конец.

– Я возьму себя в руки. Как только приеду в Париж, мы начнем соблюдать режим, мы будем делать гимнастику, вся жизнь еще впереди.

В конце концов нам всего по сорок два года! Ты обещаешь, что к моему дню рождения в мае «все будет в порядке»...»

Через год после смерти Высоцкого Марина Влади описывала сцену решающего объяснения не столь благостно. Она утверждала, что Высоцкий рассказал ей всю правду о своей наркомании в катере, после чего последовала бурная сцена: «Я его чуть не выбросила из этого катера...»

Янклович так объяснял признание Высоцкого жене: «К этому времени Володя понял, что сам он с болезнью уже не справится. Кто-то должен ему помочь. И в Италии он все рассказал Марине. Она сказала:

– Ну вот что, Володя. Из этого мало кто высказывал, но ты – человек сильный. Давай решим так: или ты мне даешь слово, что все это прекратится, или мы с тобой расстаемся. Потому что я знаю, какие ужасы

происходили с Игорем: он скитался по свету, сидел в тюрьме...

Высоцкий возвращается в Москву...»

Получается, что Высоцкий, узнав о том, что врачи вынесли ему практически смертный приговор, попытался найти спасения у Марины, в надежде, что она найдет ему хорошего врача и клинику. Но оказался не в состоянии в тот момент отказаться от дурмана и предпочел вернуться в Москву, где наркотики были гораздо доступнее.

В апреле у Высоцкого родилась идея сделать еще одно концертное турне по США и, может быть, задержаться в Америке на полгода. Он надеялся, что удастся повторить и развить успех первых концертов, состоявшихся в январе 1979 года.

Весной 1980 года у Янкловича появляется знакомая американская славистка Барбара Немчик. У нее заканчивается срок научной стажировки в МГУ. Вскоре она стала невестой Валерия Павловича. Возникла идея брака Янкловича с ней, то ли фиктивного, то ли настоящего, чтобы обеспечить его присутствие в Америке во время предполагавшихся длительных гастролей Высоцкого. Как отмечал Владимир Шехтман, «Валера с Барбарой женились вроде бы фиктивно и вроде бы – по любви... Володя с Валерой собирались в Штаты...»

Барбара Немчик вспоминала: «Времени оставалось все меньше и меньше – мне надо было уезжать из Союза. Естественно, мне этого очень не хотелось... Мы с Валерием Павловичем очень подружились, и возникла идея: нам «расписаться». Просто Володя сел со мной рядом и объяснил ситуацию... Он надолго собирается в Штаты, Валера должен быть с ним:

– Я думаю, что и для тебя это будет не самый плохой вариант. Ты подумай».

А вот как об этом рассказывал сам Янклович: «В этот период в моей жизни появилась Барбара... И Володя сказал, что, когда я женюсь на ней, мы вместе поедем в Штаты:

– Мне нужен там свой человек. Попробуем понять, насколько серьезно американцы интересуются русской культурой...»

Нью-Йорк Высоцкому очень нравился. Он считал его городом XXI века.

Не исключено, что Высоцкий тогда впервые задумался о возможности эмиграции. В Америке он встречался с Иосифом Бродским, тогда еще – не нобелевским лауреатом. По утверждению Михаила Шемякина, «у Володи была мечта работать в американском кино. Но он понимал, насколько это сложно».

В мае 1980 года, когда Высоцкий был за границей, Валерий Янклович вступил в брак с Барбарой Немчик, причем все бюрократические формальности удалось быстро преодолеть только благодаря связям Высоцкого.

Высоцкий несколько раз порывался улететь в Париж, к жене, но потом сдавал билеты. Улетел он только 10 мая. То ли он надеялся вылететь во французских клиниках, то ли надеялся, что во Франции легче будет достать наркотики, хотя они там были дороги, и с торговцами активно боролась полиция. Но в Москве друзья пока что не доставали ему наркотики, надеясь, что он всерьез взялся за лечение. Друзьям казалось, что Высоцкому и в тот раз лететь очень не хотелось. Он специально опоздал на рейс, но рейс задержали, и Высоцкий улетел. Владимир Шехтман утверждал: «Он сделал все, чтобы опоздать. Мы приехали в аэропорт, когда закончилась посадка: «Все, опоздали!» Но таможенники Высоцкого, конечно, знали:

«А, Высоцкий! Сейчас поможем... Девочки, задержите рейс на Париж. Высоцкий опаздывает». И Володя улетел».

Но еще в самолете бард впал в жуткий запой.

На беду он просил Марину его не встречать, сказал, что доедет сам. А на другой день она в панике позвонила в Москву: «Где Володя? Он не прилетел! Я не знаю, где он!»

Об этом последнем приезде во Францию Высоцкого Марина Влади вспоминала так: «...Мое беспокорство, когда ты не приехал в назначенный день, бесполезные звонки, ожидание, бессилие, твое исчезновение между Парижем и Москвой, и – однажды ночью – звонок моей подруги. Ты уже несколько часов в Париже – в одном из русских ресторанов, – и дело плохо, надо ехать за тобой. Я бужу Петю (своего среднего сына. – Б. С.) – мне нужна помощь. Мы находим тебя на банкетке, обитой красным плюшем, в самом темном углу. С тобой гитара и чемодан, ты похож на отставшего от поезда пассажира».

На этот раз дело закончилось психиатрической клиникой. Как свидетельствует художник Михаил Шемякин, Высоцкого «напоили свои же доброхоты: Высоцкий едет с нами! Ну как не выпить с Высоцким! – на всю жизнь сувенир! Две бутылки коньяка ему дали в самолете. Володька попал в сумасшедший дом».

Впрочем, дело было не только в запое. Гораздо важнее было вылечить барда от наркомании. Ведь запой и алкоголь в данном случае были лишь заменителем наркотиков, без которых Высоцкий не мог прожить и дня. И Марина Влади помещает его в клинику Шарантон, хотя было уже слишком поздно. Она вспоминала: «Наш добрый доктор Поль Онигман не может ничего сделать – тебя нужно класть в больницу. В коридоре доктор Дюгарен смотрит на меня и спрашивает:

- На этот раз кто это?
- Мой муж.
- Бедняжка.

В этом же коридоре несколько лет назад находился мой старший сын».

С 11 по 20 мая Высоцкий проходил курс лечения от наркомании в специальной клинике Шарантон, где за 165 лет до этого умер маркиз де Сад, объявленный сумасшедшим. Там Владимир Семенович написал одно из последних своих стихотворений:

Смелее! В облака!
Брат мой, ведь я – в сутане,
А смерть – она пока
Еще в Афганистане...

Из-за госпитализации в Шарантон Высоцкий не смог присоединиться к артистам Театра на Таганке, гастролировавшим в Польше. Это не прибавило любви к нему большинства актеров, не скрывавших своей зависти к Высоцкому. Бывший директор театра Николай Дупак свидетельствовал: «Вот расскажу вам, опять кто-нибудь обидится... Актеры... Да они же угробили его завистью. Все эти Петровы, Сидоровы, Ивановы...

– Мы – черная кость, а он – белая!»

Высоцкий покинул Шарантон, не кончив курса лечения и тем самым он, возможно, упустил последний шанс к спасению. Марина Влади дала согласие на выписку мужа из клиники. Возможно, в тот момент она уже понимала, что лечение бесполезно. Официальной причиной Высоцкий называл необходимость присоединиться к гастролем Театра на Таганке в Польше. Ведь без Высоцкого театр не может показать польской публике «Гамлета» – один из главных своих спектаклей. Но, вероятно, главным была неспособность Высоцкого прожить без наркотиков. По всей видимости, он решил, что лечение не дает эффекта.

Марина Влади писала в своей книге: «Прошло время. Ты приходишь в сознание, а дальше – угрызания совести, отчаянье и, наконец, откровенный разговор со мной. Я отказалась, несмотря на советы врачей, оставить тебя в специальной клинике. Быть может, я должна была на это решиться. Но могла ли я посягнуть на твою свободу, которой ты дорожил больше жизни?..»

Примерно 20 мая Марина забрала Владимира из Шарантона, чтобы он мог отправиться в Польшу на гастроли Таганки.

Оксана вспоминала: «Когда Володя был в Париже, я себе места не находила – и не могла понять, отчего это происходит...

Однажды ночью со мной просто случилась истерика. А в семь часов утра приехала моя тетя и сказала, что ночью умер папа (он покончил жизнь самоубийством)... И я занималась всеми этими похоронными делами – не самыми приятными в этой жизни, – а Володя в это время лежал в госпитале в Париже».

Высоцкий тогда тоже словно почувствовал, что у московской возлюбленной произошла какая-то беда. По словам Шехтмана, «мы с Валерой жили у него, он все время звонил:

– Найдите Оксану! Я чувствую, что у нее что-то случилось...

А ее не было».

О том же говорит и Янклович: «Из госпиталя звонил мне, спрашивал, что случилось у Оксаны, – а у нее умер отец... Я говорю:

– Ты что, обалдел? Что там могло случиться...

– Нет, там что-то произошло.

– Да ничего не произошло. Ты что?!

– Нет, я чувствую – что-то случилось! Это его провидение потрясло меня...»

Оксану Высоцкий все-таки поймал. Она вспоминала: «И когда, после похорон отца, я в первый раз вошла в свою квартиру, тут же раздался звонок:

– Наконец я тебя поймал! Что случилось?

Я чувствую, что он сам в какой-то панике, но не могу врать... У меня льются слезы, комок в горле...

– Володя, ты знаешь, умер мой папа. Я только что его похоронила.

Он сказал:

– Все. Завтра я буду в Москве.

И Володя прилетел, пробыл в Москве одни сутки и улетел в Польшу...

Все это время он провел со мной... О чем говорили? Такая была ситуация, что не до разговоров...»

Высоцкий прилетел в Москву 22 мая. Состояние барда оставляло желать много лучшего. В парижский аэропорт его сопровождал Михаил Шемякин. Он признавался:

«Никогда не забуду, как я видел Володю в последний раз. Была весна, он только что вышел из психиатрической больницы, французской... Я его обнял – я собирался в Грецию, он уезжал обратно в Москву...

– Володька, – говорю, – вот ты видишь, корабли плывут, деревья там... Кто-то гудит: у-у-у... Давай назло всем – люди ждут нашей смерти – многие... И ты доставишь им радость. А давай назло! Вдруг возьмем и выживем! Ну смотри – цветут деревья, Париж, Риволи, Лувр рядом! Вовка, давай выживем, а?!

А у него уже такая странная-странная печать смерти в глазах, он меня обнял и сказал:

– Мишенька, попробуем!

Сел в такси, помахал мне рукой из машины, а я смотрел на него и думал: «В последний раз я его вижу или еще нет?» И оказалось – в этой жизни – именно в последний раз. Я улетел в Грецию, и больше – никогда...»

За день или два до возвращения Высоцкого в Москву Янклович звонил в Париж, чтобы предупредить о передаче наркотиков: «Я передавал ему ампулы – через командира самолета «Аэрофлота», который летал в Париж... Это было до приезда в Москву. Передавал в пузырьках от сердечных капель. Ездил к этому летчику, даже дом запомнил...»

Вероятно, и раньше Высоцкий получал наркотики через экипажи «Аэрофлота». Причем делалось это «втемную».

Золотухин записал в дневнике, уже после смерти Высоцкого, 20 сентября 1980 года, в Грозном: «Ходили с Валерием (Янкловичем. – Б. С.) на базар. Долго говорили о Володе, о последних периодах. Боже мой, я даже не знал, какая страсть губительная, болезнь, вернее, неизлечимая опутала его – наркомания... Ничего не знал... Ничего... Совершенно далек я оказался в последние годы от него...» А в следующем разговоре с Янкловичем, 1 октября, речь зашла и о последней поездке в Париж: «Валерий Я. рассказывал, как Володя мучился своей болезнью, уже наркоманией, как он заставлял всех искать наркотики, из Парижа рвался в Москву, здесь ему доставали, там – дорого и подсудно, здесь он – Высоцкий. А может, органы ждали удобного случая, чтоб подловить его и оскандальить... Люди рисковали, вернее, не подозревали пилоты наши, что в бутылочках из-под облепихового масла они привозили ему наркотик».

Это последнее свидетельство объясняет также, почему Высоцкий не поехал из Франции сразу в Польшу, а на день заскочил в Москву. В Польше наркотики достать ему было практически невозможно, и пришлось заезжать в Москву и получить от Янкловича наркотики, которые тот собирался отправить самолетом. Очевидно, ранее, еще из госпиталя, Высоцкий позвонил Янкловичу и Шехтману и потребо-

вал наркотиков. Стало ясно, что все лечение пошло прахом.

По свидетельству друга Высоцкого польского актера Даниэля Ольбрыхского, он прилетел в Польшу уже в очень плохом состоянии. До конца не было известно, приедет ли он вообще. Собирались даже отменить «Гамлета», а «Добрый человек из Сезуана» должен был играть его дублер. Но я упросил Марину погрузить Володю в самолет, чтобы он все-таки приехал...

26 мая Золотухин отметил в дневнике: «Приехал Володя и великолепно играл. Спектакль имеет совершенно иной уровень с его участием. Не шибко здоров мастер, но... Хочется, чтоб он выдюжил два самых ответственных «Гамлета». Этими спектаклями мы закрываем фестиваль «Варшавские встречи».

27 мая Высоцкий появился на варшавской сцене в роли Гамлета. Ольбрыхский так описал это представление: «Он из последних сил хватался за край, зубами... Это дало невероятный результат. Особенно для меня, друга, это было потрясающее переживание. Вместе с ним я напрягал все силы и поэтому не помню подробностей его игры. Особое внимание я обратил лишь на то, как Володя произносил самый знаменитый и, как говорят, самый важный монолог «Быть или не быть», который в действительности стал таковым лишь в XIX веке (могу указать в «Гамлете» ряд других фрагментов, более существенных и важных, чем проблема «быть или не быть», между тем именно она сделала карьеру).

В своем исполнении Володя сознательно уменьшал эту проблему, словно удивляясь Шекспиру, который пожертвовал ей столько места. Более того, в какой-то момент он начал буквально издеваться над монологом и его автором. Как будто язвил: о чем речь? что тут так рассусоливать? убить себя или нет? С яростью, равной ярости его песен, он начал рубить текст,

словно давая понять: если быть – то действовать, если не быть – то уж лучше поскорее. Это говорил мужчина зрелый, мятежный, сознающий, что делает, эмоционально и интеллектуально много старше шекспировского Гамлета. Гамлет Высоцкого после Шекспира пережил еще несколько адских столетий на земле».

Однако второй спектакль Золотухина разочаровал. 28 мая он записал в дневнике: «Смотрел второго «Гамлета»: не понравилось. Не могут эти люди играть такую литературу, такую образность, поэзию... Вовка еще как-то выкручивается, хорошо, грубо, зримо текст доносит... Постановочно – это убожество все-таки, могильщики с залом в капустник играют... Демидова – декламирует, поет стихи, Смехов – в скороговорную прозу, лишь бы сбросить с языка... Бортник – вылитый Шестерка из «Черной кошки», подпевала подлый такой – «смажу ядом...», и при том всем – трус... Филатов – в джинсах, резонер с засученными рукавами...»

Игру Высоцкого в «Гамлете» польская критика оценила невысоко, отметив, что актера хватило только на «Доброго человека из Сезуана».

По свидетельству Ольбрыхского, на последнем банкете у Высоцкого уже не было сил петь, хотя все его очень просили. Наркомания неуклонно подтачивала его. Можно сказать, что к моменту смерти бард практически исчерпал все свои силы, и физические, и творческие.

В конце мая Высоцкий вернулся в Париж. Он попытался еще раз избавиться от наркозависимости. Марина увозит его на юг, на виллу своей смертельно больной сестры Одиль Версуа. Но Высоцкий выдержал без наркотиков лишь несколько дней. Они возвращаются в Париж, а оттуда Высоцкий отправился в Москву поездом, по дороге заехав в Бонн.

Михаил Шемякин был одним из немногих друзей Высоцкого последних лет, кто твердо отказывал

ему, по крайней мере, он сам так уверяет, в просьбе достать губительное снадобье: «Мы с Володей поругались только один раз, когда он попросил у меня наркотик...

– Ну у тебя столько знакомых врачей-коллекционеров...

Действительно, это было так. Я бы мог достать хоть ящик – ничего не стоило. Предложил бы гравюру – домой бы принесли. Я говорю:

– Володя, кто тебя «посадил на иглу», вот у тех и проси! Можешь сейчас уйти, хлопнуть дверью – хоть навсегда! У меня не проси».

Неслучайно, наверное, оставляя в доме Шемякина в Париже в начале июня 1980 года стихотворение «Как зайдешь в бистро-столовку...» (Шемякин в то время был в Греции), Высоцкий написал такое красноречивое посвящение: «М. Шемякину, чьим другом посчастливилось мне быть».

М.С. Шемякин – всегда, везде Шемякин, – А посему французский не учи! Как хороши, как свежи были маки, Из коих смерть схимичили врачи».

Он признавал правоту друга: его действительно погубили наркотики, которые врачи производят, в том числе из опийных маков.

Можно не сомневаться, что и у Марины Влади было немало знакомых врачей, и ей бы они тоже не отказали бы в наркотиках для мужа, если бы она их попросила. Но Марина, очевидно, твердо решила не доставать наркотиков мужу, чтобы не потворствовать пагубной страсти. И отсутствие наркотиков, вероятно, было одной из причин, почему 11 июня 1980 года Высоцкий, как оказалось, навсегда покинул Францию.

Вот последнее письмо Высоцкого Марине Влади, она нашла его уже после его смерти: «Мариночка, любимая моя, я тону в неизвестности. У меня впечат-

ление, что я могу найти выход, несмотря на то, что сейчас я нахожусь в каком-то слабом и неустойчивом периоде.

Может быть, мне нужна будет обстановка, в которой я чувствовал бы себя необходимым, полезным и не больным. Главное – я хочу, чтобы ты оставила мне надежду, чтобы ты не принимала это за разрыв, ты – единственная, благодаря кому я смогу снова встать на ноги. Еще раз – я люблю тебя и не хочу, чтобы тебе было плохо.

Потом все станет на свое место, мы поговорим и будем жить счастливо. Тв. В. Высоцкий».

А вот как Марина в своей книге рассказала об отъезде Высоцкого и об их последнем свидании: «Чемоданы в холле, ты уезжаешь в Москву. (На самом деле – в Бонн. – Б. С.) Нам обоим тяжело и грустно. Мы устали. Три недели мы делали все, что только было в наших силах...

Последний поцелуй, я медленно глажу тебя по небритой щеке – и эскалатор уносит тебя вверх. Мы смотрим друг на друга. Я даже наклоняюсь, чтобы увидеть, как ты исчезаешь. Ты в последний раз машешь мне рукой. Я больше не вижу тебя. Это конец».

Высоцкий ехал в Бонн к Роману Фрумзону, эмигрировавшему из СССР в середине 70-х годов. Прежде он работал на «Мосфильме». По воспоминаниям Оксаны, «Володя общался с Романом здесь, в Союзе, еще до отъезда. Рома был близким Володиным знакомым. Он устраивал Володе какие-то концерты, Володя зарабатывал деньги. Володя к нему очень нежно относился, называл его «Ромашка». Судя по всему, он имел какое-то отношение к организации концертов Высоцкого в США и Канаде. Главный организатор этих концертов Виктор Шульман, которому Высоцкий по каким-то причинам не очень доверял, и все финансовые дела во время американских гастролей вел Фрум-

зон. Но вполне вероятно, что Роман мог организовать и какие-то приватные выступления Высоцкого – точных сведений о таких концертах пока нет.

Фрумзон помогал Высоцкому в приобретении машин, а потом, после двух аварий в 1979–1980-м годах, покупал запчасти. Не исключено, что Высоцкий искал содействия Фрумзона в организации новых выступлений в Америке, куда собирался уехать минимум на полгода. Он не исключал, что приглянется Голливуду. Надеялся поближе познакомиться с русской эмиграцией и попробовать себя в прозе. А еще он надеялся, что американские врачи его вылечат от наркомании. Оксане он говорил, что возьмет ее с собой в Америку. Неизвестно, врал ли он в данном случае или искренне убедил себя, что такое возможно. На самом деле развод с Влади автоматически закрывал Высоцкому выезд в Америку, да и в любую страну. Оксану же никто бы из СССР просто так не выпустил, да и в Америку бы не впустил. Искать американского гражданина для фиктивного брака было делом непростым и требующим значительных затрат времени. А если бы у Оксаны с американцем закрутилась бы настоящая любовь, Высоцкий бы оказался и вовсе ни при чем.

Приезд Высоцкого в Москву запомнили все, кто его встречал или видел в этот день.

Барбара Немчик свидетельствовала: «В два часа ночи из Бреста позвонили таможенники. Они сказали, что Володя пересек границу и что его надо встречать на вокзале... Они говорили какими-то странными голосами, видимо, все вместе выпили. Естественно, Валера и Володя Шехтман поехали его встречать.

Я осталась в квартире, вдруг позвонила Марина. Позвонила еще до их приезда, с ней разговаривала я. Она уже чувствовала, что что-то не в порядке...

Я открыла дверь и увидела Володю: просто сердце замерло. Он еле-еле стоял на ногах, просто – ужас! У ребят лица были подавленные».

Шехтман описал еще один алкогольный подвиг Высоцкого: «Перед приездом, ночью, звонок из Бреста. Валера говорит:

– Послушай, я ничего не пойму.

Я взял трубку. Звонили таможенники – «под энтим делом». Володя их упоил! Потом весь вагон готов был носить его на руках, потому что никого не «шмонали». А еще он попросил таможенников позвонить в Москву, чтобы мы его встретили.

Едем на Белорусский – Сева Абдулов, Валера и я. Встреча была знаменательная – Володя был совершенно «в умат». Проводник завел нас:

– Быстро-быстро забирайте его...

Володя вышел на перрон: тут народ, тут милиция, тут вокзал – Белорусский! – а он ничего сказать не может».

Оксана тоже приехала встречать своего знаменитого любовника – на такси. Она вспоминала: «...Когда мы его увидели издали – все стало сразу ясно. Володя стоял на перроне, держась за столб. Рядом – гора чемоданов. По-моему, мы поехали на Малую Грузинскую».

Янклович объяснил происхождение горы чемоданов: «Володя позвонил мне из Германии, звонил от Фрумзона, жена Романа передала два чемодана с вещами. Мы встречали Володю на Белорусском вокзале – он был в ужасном состоянии... А дома он стал раздавать эти вещи. А потом сказал, что у него отобрали таможенники. А когда он все это осознал – это был, наверное, самый стыдный день в его жизни».

Сын Янкловича Илья Порошин добавил красок в картину возвращения Высоцкого из Европы: «Володя привез два чемодана шмоток. На стульях, на дверях –

езде были развешаны роскошные платья... И Оксана, как в Доме моделей, их примеряла...»

В разгар веселья еще раз позвонила Марина. Янклович об этом звонке вспоминает с нескрываемой досадой: «Володя в таком состоянии, а тут звонит Марина:

– Пусть он подойдет к телефону...

– Марина, он спит.

– Не ври. Пусть подойдет.

Конечно, она все поняла».

Затем пришлось срочно озаботиться поисками наркотиков.

Вспоминает врач-реаниматолог Станислав Щербakov: «Я хорошо помню, когда я видел Высоцкого в предпоследний раз. Это было, когда он прилетел из Парижа от Марины Влади. Высоцкий приехал среди ночи вместе с Валерием Янкловичем...

У нас был такой «предбанник» – там стоял стол, за которым мы писали истории болезни, сюда же – в «предбанник» – закатывали каталки. В эту ночь было полно больных. И вот открывается дверь, заходят Высоцкий и Янклович... Таким Высоцкого я никогда не видел. Он же всегда – подтянутый, аккуратный, а тут... Небритый, помятый, неряшливо одетый – в полной депрессии.

Бывали случаи, когда он не входил – врывался в ординаторскую! Когда действие препаратов кончалось, начиналась абстиненция, – а это самый страшный период для наркоманов. Они могут сделать все, что угодно, но достать наркотик любыми средствами! Так вот – врывался совершенно ошалевший человек: зрачки расширены, моторное возбуждение, – и было ясно, что с ним происходит.

А тут он тихо вошел, сел на стул. Я – за столом, писал историю болезни. Высоцкий даже глаз не поднимал. Но раз приехал – ясно зачем. Но уже было лето

восьмидесятого, приближалась Олимпиада, и мы знали, что нас «пасут»... И договорились: «Все, больше не даем!» И Высоцкий знал об этом. Я ему говорю:

– Володя – все. Мы же договорились, что – все.

– Стас, в последний раз...

– Нет, уходи. Валера, забирай его.

А у Высоцкого чуть ли не слезы на глазах... И тут бригада «взорвалась» на меня!

– Стас! Ты что! Зачем заставляешь человека унижаться?!

А я говорю:

– А-а... Что хотите, то и делайте.

Повернулся и ушел. Со мной вышел Валера Янклович. И пока ребята оказывали «помощь», он мне сказал, что Володя в подавленном состоянии, что его выгнала Марина... Да, Высоцкий сказал мне, уже вслед:

– Стас, это в последний раз...

Вот видите, и тут он оказался прав».

Барбара Немчик свидетельствует: «Володя один раз признался:

– Что делать? С ней уже не могу... И без нее тоже не могу...

Марина звонила, а он – в таком тяжелом состоянии... Они часто ругались. Володя боялся, что это навсегда. Марина говорила ему, что просто пойдет в посольство и разведется с ним...»

Очевидно, развода он опасался не только потому, что он закрыл бы ему окно в мир. Он опасался разрыва, возможно, с единственной женщиной, с которой у него была духовная близость, и с одной из немногих, которые действительно его любили.

Оксана знала, что, по ее словам, «в последнее время у Володи испортились отношения с Мариной. Марина... Мое отношение к ней... Она – Володина жена, Володя ее любит – значит, это очень хороший человек. Вообще, все люди, которые были близки Володе,

которых он принимает и держит около себя, – это замечательные люди. И Марина – прежде всего.

Но в последнее время Володя наших отношений не скрывал, он даже их афишировал. Я страшно переживала, я понимала, что Марина для него – человек близкий и необходимый, несмотря на все сложности в их отношениях. И ломать их отношения ни в коем случае нельзя».

Не знаю, действительно ли Оксана испытывала именно такие чувства к Марине при жизни Высоцкого. Марина же, несмотря на уверения Оксаны, при жизни Высоцкого о существовании Оксаны, по крайней мере, в качестве своей самой серьезной конкурентки, даже не подозревала.

Друзья Высоцкого в последний год предчувствовали его близкую смерть. Вот Виталий Шаповалов вспоминает: «Однажды переодевались после спектакля, и Володя говорит:

– Пойдем в одну компанию?

А я знаю, что у него недавно была клиническая смерть. Не пойду, думаю, а то еще замажусь его жизнью. Скажут: «Не спас. Был там, а не спас». Я инстинктивно боялся того, что в конце концов и случилось. Там, в его последнюю ночь, тоже была компания...

– Нет, – говорю, – Володя, печень болит.

И в это время вышел на пару минут. Возвращаюсь – моей майки нет. Его висит – а моей нет. Как он ее схватил? Комплекции у нас совсем разные! Но, видимо, он уже о другом думал, уже в той компании был.

И костюмеры из театра ушли – как идти? Хорошо – лето, и недалеко было: я эту маечку кинул на плечи и «огородами-огородами», задворками добрался до дома, хоть полуголый. Володя на следующий день говорит:

– Слушай, я твою майку вчера взял, как же ты?..

Как-то я говорю Володе:

– Ты знаешь, что-то печень запела! Наверное, звонок прозвонил...

А он:

– Что ты, Шапен, – за одно место держишься, за печень. У меня живого места нет!

Так и сказал. А все спрашивают: отчего он умер? Да он мог умереть от чего угодно – от желудка, от печени, от сердца... Тут не должно быть ни недомолвок, ни недоразумений, ни неясностей: он был очень, очень и очень нездоров. Родился здоровым мальчиком и был физически крепким человеком. Но горел, сгорал.

Стихи, театр, кино, непосильная концертная работа и так далее. Плюс недосыпание, недоедание.

А иначе жить не мог. И в стихах, и нам он говорил:

– Я иначе не могу. Если буду просто длить жизнь, просто небо коптить – так я жить не умею».

При жизни Высоцкого Шаповалов не знал о его наркомании, а после смерти не смел возможным упоминать о ней. Поэтому в его изложении причины гибели поэта сводятся к банальному – сгорел на работе, которой было слишком много и в театре, и в кино, а главное – на концертах. Плюс – непризнание официальными инстанциями его поэтического дара, невозможность публиковать свои книги, очень скупой выход пластинок с песнями, снятие с ключевых ролей во многих популярных фильмах. Но, принимая во внимание алкоголизм Высоцкого, иной раз непредоставление роли в театре или в кино определялось не недоброжелательством властей или конкретных режиссеров. Просто режиссеры, хорошо осведомленные о загулах Высоцкого, предпочитали не рисковать.

Но и не будь у Высоцкого никаких конфликтов с советской властью, его алкоголизм неизбежно про-

явился бы, принимая во внимание характер его профессии. А уж то, что он с алкоголизмом начал бороться с помощью наркотиков, вообще-то было трагической случайностью, никак с гонениями на Высоцкого не связанной. Но эта случайность во многом была обусловлена недооценкой наркотической опасности в СССР в 70-е годы прошлого века. Не было антинаркотической пропаганды, людям не объясняли с экранов смертельную опасность наркотиков. Подавляющее большинство советских граждан искренне верили, что наркоманы гибнут только на Западе, от кричащих противоречий тамошней жизни. А у нас если кто и балуется наркотой – то помаленькой, легкими наркотиками, без всяких там дорогостоящих кокаина или героина. У Высоцкого был перед лицом пример сына Марина Влади, и клинику в Шарантоне он впервые посетил тогда, когда наркотиками еще не увлекался. Но, к несчастью, пример Игоря мог сыграть с Высоцким злую шутку. Ведь сыну Влади все-таки удалось победить пагубную страсть. Высоцкий же рассчитывал, что до того уровня наркозависимости, до которого дошел Игорь, он, Высоцкий, никогда не дойдет, а потому и подавно сможет легко победить наркоманию, когда пожелает. Но действительность преподнесла ему страшный сюрприз. Для гибели гениального актера хватило трех лет на игле.

Доходы и долги Высоцкого

В 1968 году Высоцкий с тоской писал своему другу поэту Игорю Кохановскому: «Ебаная жизнь! Ничего не успеваешь. Писать стал хуже – и некогда, и неохота, и не умею, наверное. Иногда что-то выходит, и то редко. Я придумал кое-что написать всерьез, но пока не брался, все откладываю – вот, мол, на новой квартире возьмусь. А ведь знаю, что не возьмусь, что дальше песен не двинусь, да и песни-то, наверное, скоро брошу, хотя – неохота...» Положение было сложное. Денег катастрофически не хватало. Зарплата на Таганке была более чем скромной. В кино Высоцкого снимали редко, особенно в главных ролях. И причиной этого были, пожалуй, даже не гонения властей, а все чаще повторявшиеся запои. Высоцкий уходил в пике, и съемки приходилось останавливать на несколько дней. Из-за простоев студии несли убытки. Поэтому многие режиссеры зареклись снимать Высоцкого. Правда, с 1966 года начались публичные концерты, но гонорары за них были еще не слишком велики.

В тот момент Высоцкий, кажется, еще не осознавал, что песни – это и есть его главный вклад в поэзию и шире – в культуру. И тогда же, в 68-м, в ответ на очередную газетную кампанию против своего творчества, Высоцкий написал одну из самых сильных и знаменитых своих песен – «Охота на волков»:

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять, как вчера, –
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера.

Из-за елей хлопочут двустволки –
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков, идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали – «Нельзя за флажки!».

Идет охота на волков, идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же – вожак, дай ответ –
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?

Волк не должен, не может иначе!
Вот кончается время мое.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся и поднял ружье.

Идет охота на волков, идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел
За флажки – жажда жизни сильней!
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил, из всех сухожилий,
Но сегодня – не так, как вчера!
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!

Идет охота на волков, идет охота!
На серых хищников – матерых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Один партийный деятель, услышав эту песню, удивился: «При чем здесь волки? Это не про волков, а про нас». Волк, от лица которого написана песня, – это сам Высоцкий. Это он всю жизнь в родной стране чувствовал себя одиноким волком, которого травили по всем правилам загонной охоты. Наверное, Высоцкий читал письмо Михаила Булгакова Сталину от 30 мая 1931 года. Тогда писатель, лишенный возможности публиковаться на родине, признавался: «С конца 1930 года я хвораю тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен.

Во мне есть замыслы, но физических сил нет, условий, нужных для выполнения работы, нет никаких. Причина болезни моей мне отчетливо известна.

На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне

советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли волк, стриженный ли волк, он все равно не похож на пуделя. Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе. Злобы я не имею, но я очень устал. Ведь и зверь может устать.

Зверь заявил, что он более не волк, не литератор. Отказывается от своей профессии. Умолкает. Это, скажем прямо, малодушие.

Нет такого писателя, чтоб он замолчал. Если замолчал, значит, был не настоящий. А если настоящий замолчал – погибнет».

Высоцкий, также лишенный возможности публиковать свои произведения, чувствовал себя примерно так же, как почти за 40 лет до него чувствовал себя травимый автор «Белой гвардии» и «Мастера и Маргариты». Вполне вероятно, что образы волков появились в песне как раз под влиянием булгаковского письма.

Сам Владимир Семенович в апреле 1975 года обратился с письмом к секретарю ЦК КПСС и министру культуры Петру Демичеву, являвшемуся также кандидатом в члены Политбюро. Письмо Высоцкого очень напоминает знаменитое письмо Булгакова Правительству СССР от 28 марта 1930 года, где писатель жаловался, что он подвергается травле со стороны критики, что все его пьесы сняты со сцены, что он лишен возможности публиковаться и устроиться на какую-либо творческую работу, и впереди у него, «драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, в данный момент, – нищета, улица и гибель». Булгаков просил либо отпустить его за границу вместе со второй женой, Любовью Белозерской, либо принять его режиссером-ассистентом в Художественный театр. Сталин, как известно, за границу Булгакова не пустил, а вот в Художественный те-

атр поступить в качестве режиссера-ассистента разрешил.

Высоцкий в своем письме Демичеву указывал, в сущности, на те же проблемы, что и у Булгакова 43 годами ранее. Единственное преимущество было в том, что работа в театре у него все-таки была. Высоцкий писал: «В последнее время я стал объектом недружелюбного внимания прессы и Министерства культуры РСФСР.

Девять лет я не могу пробиться к узаконенному официальному общению со слушателями моих песен. Все мои попытки решить это на уровне концертных организаций и Министерства культуры ни к чему не привели. Поэтому я обращаюсь к Вам, дело касается судьбы моего творчества, а значит, и моей судьбы.

Вы, вероятно, знаете, что в стране проще отыскать магнитофон, на котором звучат мои песни, чем тот, на котором их нет. 9 лет я прошу об одном: дать мне возможность живого общения со зрителем, отобрать песни для концерта, согласовать программу.

Почему я поставлен в положение, при котором мое граждански-ответственное творчество поставлено в род самодеятельности?

Я отвечаю за свое творчество перед страной, которая поет и слушает мои песни несмотря на то, что их не пропагандируют ни радио, ни телевидение, ни концертные организации. Но я вижу, как одна недальновидная осторожность работников культуры, обязанных непосредственно решать эти вопросы, прерывает все мои попытки к творческой работе в традиционных рамках исполнительской деятельности. Этим невольно провоцируется выброс большой порции магнитофонных подделок под меня, к тому же песни мои, в конечном счете, жизнеутверждающи, и мне претит роль «мученика», эдакого «гонимого поэта», которую мне навязывают.

Я отдаю себе отчет, что мое творчество достаточно непривычно, но так же трезво понимаю, что могу быть полезным инструментом в пропаганде идей не только приемлемых, но и жизненно необходимых нашему обществу.

Есть миллионы зрителей и слушателей, с которыми, убежден, я могу найти контакт именно в своем жанре авторской песни, которым почти не занимаются другие художники.

Вот почему, получив впервые за несколько лет официальное предложение выступить перед трудящимися Кузбасса, я принял это предложение с радостью и могу сказать, что выложился на выступлениях без остатка. Концерты прошли с успехом. Рабочие в конце выступлений подарили мне специально отлитую из стали медаль в благодарность, партийные и советские руководители области благодарили меня за выступление, звали приехать вновь. Радостный вернулся в Москву, ибо в последнее время у меня была надежда, что моя деятельность будет наконец введена в официальное русло.

И вот незаслуженный плевок в лицо, оскорбительный комментарий, организованный А. В. Романовым в газете «Советская культура», который может послужить сигналом к кампании против меня, как это уже бывало раньше.

В городке космонавтов, в студенческих общежитиях, в академических аудиториях и в любом рабочем поселке Советского Союза звучат мои песни. Я хочу поставить свой талант на службу пропаганде идей нашего общества, имея такую популярность.

Странно, что об этом забочусь один. Это не простая проблема, но верно ли решать ее, пытаясь заткнуть мне рот или придумывая для меня публичные унижения?

Я хочу только одного – быть поэтом и артистом для народа, который я люблю, для людей, чью боль и радость я, кажется, в состоянии выразить.

А то, что я не похож на других, в этом и есть, быть может, часть проблемы, требующей внимания и участия руководства. Ваша помощь даст мне возможность приносить значительно больше пользы нашему обществу».

И, по счастью, после этого письма травля прекратилась. Высоцкий, безусловно, не хотел становиться мучеником. И, как и Михаил Афанасьевич, пытался найти «модус вивенди» с советской властью. Но он имел перед Булгаковым целый ряд преимуществ. В отличие от Михаила Афанасьевича, он был не только писателем (точнее – поэтом, хотя и прозу также писал, но она далеко уступает его поэзии), но и артистом, певцом и музыкантом, а в 60-е годы уже существовали магнитофоны. Поэтому песни Высоцкого, хотя и никогда не печатались в журналах и книгах при его жизни и очень скупо выходили в свет на грампластинках, стали к концу 60-х известны по всей стране. Высоцкий действительно «рвался из всех сухожилий», творил и жил «на разрыв аорты», чтобы вырваться за флажки советского культурного канона, но в то же время не оказаться политическим врагом советской власти, обреченным на уничтожение. И ему это удалось сделать. Его песни зацепили душу всего советского народа, представили его скотскую жизнь во всей ее неприглядности, но в то же время сделали ее материалом настоящей поэзии. Высоцкий «из повиновения вышел», но власти так и не удалось его подстрелить. Он разрушил и погубил себя сам.

Хотя Высоцкому и пришлось обратиться к представителям власти с письмом-прошением, власть Высоцкий не любил и насчет ее сущности нисколько не заблуждался. То, что любые благие намерения российской власти на протяжении более чем тысячелетней истории неизменно оканчиваются карательными акциями против всех, кто выделяется из толпы, он

блестяще показал в «Разбойничьей песне». Эта песня предназначалась для фильма друга Высоцкого кинорежиссера Александра Митты «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», вышедшего на экраны в 1976 году. Но цензура ее не пропустила:

Как во смутной волости,
Лютой, злой губернии
Выпадали молодцу
Все шипы да тернии.
Он обиды зачерпнул, зачерпнул
Полные пригоршни,
Ну, а горя, что хлебнул, –
Не бывает горше.

Пей отраву, хоть залейся!
Благо, денег не берут.
Сколь веревочка ни вейся,
Все равно совьешься в кнут!

Гонит неудачников
По миру с котомкою.
Жизнь течет меж пальчиков
Паутинкой тонкою.
А которых повело, повлекло
По лихой дороге –
Тех ветрами сволокю
Прямиком в остроги.

Тут на милость не надейся –
Стиснуть зубы да терпеть!
Сколь веревочка ни вейся –
Все равно совьешься в плеть!

Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе ни рыскаю,
Лобным местом ты красна
Да веревкой склизкою...
А повешенным сам дьявол-сатана

Голы пятки лижет.
Смех, досада, мать честна! –
Ни пожить, ни выжить!

Ты не вой, не плачь, а смейся –
Слез-то нынче не простят.
Сколь веревочка ни вейся,
Все равно укоротят!

Ночью думы муторней.
Плотники не мешкают.
Не успеть к заутрене –
Больно рано вешают.
Ты об этом не жалея, не жалея, –
Что тебе отсрочка!
А на веревочке твоей
Нет ни узелочка.

Лучше ляг да обогрейся –
Я, мол, казни не просплю...
Сколь веревочка ни вейся –
А совьешься ты в петлю!

Очевидно, после письма Высоцкого Демичев и другие партийные бонзы решили, что выгоднее сохранять барда в состоянии полуполицейского творчества. Травля, а тем более прямой запрет концертов грозили международным скандалом уровня Солженицына и Сахарова. Наверняка учитывалось, что Высоцкий женат на известной французской актрисе, члене ФКП, вхожей к руководству Французской компартии. В записке заместителя заведующего отделом культуры ЦК КПСС З. Тумановой от 14 июня 1973 года, где утверждалось, что «гастроли т. Высоцкого В.С. в гор. Новокузнецке были проведены помимо «Росконцерта», на который возложена организация концертов и ответственность за их качество. Тов. Высоцкий В.С. не имеет аттестации государственной комиссии, не-

обходимой для получения права на концертную деятельность. В связи с этим ему не утверждалась тарифная ставка для оплаты его концертов.

За нарушение «Положения о порядке организации и проведения гастрольно-концертной деятельности в стране», утвержденного Министерством культуры СССР, на директора Новокузнецкого театра т. Баратца Д. О. и начальника Кемеровского областного управления культуры т. Курочкина И.Л. наложены строгие административные взыскания.

В беседе, состоявшейся у начальника Главного управления культуры Мосгорисполкома т. Покаржевского Б.В., автору письма разъяснен порядок прохождения аттестации артистов и организации их концертных выступлений».

В итоге Высоцкий был аккредитован при «Росконцерте» и получил возможность легальных концертов. Платой за это стал более строгий контроль репертуара со стороны руководства концертных организаций. Также после письма ему облегчили условия выезда к жене за границу. Впрочем, его первая поездка к Марине Влади в Париж состоялась еще в 1973 году, а право оформлять выездные документы сразу на целый год Высоцкому предоставили лишь 5 марта 1977 года: «В соответствии с просьбой заявителя разрешаем в порядке исключения установить следующий порядок оформления документов для выезда его во Францию к семье: характеристику с места работы и анкету он должен представлять один раз в год, все последующие поездки должны разрешаться Высоцкому В.С. по его заявлению произвольной формы...» Подчеркнем, что, несмотря на все пьяные загулы, дебоши и прочие нарушения правил поведения советских граждан за границей, о которых было хорошо известно КГБ и за которые бы простых смертных впоследствии не выпустили из Союза даже в братскую социалистическую

Болгарию, Высоцкий продолжал спокойно ездить и во Францию, и в Америку, и в другие капиталистические страны. Несомненно, здесь сказывалась не столько любовь чекистов к творчеству Высоцкого и к самому барду, сколько боязнь солидного международного скандала в случае запрета Высоцкому на выезд к жене. Влади была вхожа не только к Жоржу Марше, но и во французские журналистские круги, она была также постоянным персонажем светской хроники, так что шум мирового масштаба был бы обеспечен, что было совершенно лишне для Брежнева, проводившего политику разрядки международной напряженности. Но на Высоцкого подобный «либерализм» мог оказать развращающее действие. Он мог прийти к заключению, что ему, как всенародному любимцу и мужу французской кинозвезды-коммунистки, позволено то, что не дозволено другим советским гражданам, а потому ему ни за наркотики, ни за пьянство, ни за беспорядочные связи с женщинами ничего не будет.

И только 13 февраля 1978 года приказом Министерства культуры СССР Высоцкому была присвоена высшая категория вокалиста – солиста эстрады. Таким образом, Высоцкий, наконец, был официально признан «певцом-профессионалом».

Интересно, что Михаил Булгаков посвятил Сталину целую пьесу – «Батум», где молодой Джугашвили является главным героем. Пьеса вышла одной из самых бездарных у знаменитого драматурга, и Сталин ее запретил к постановке. Слишком уж нелепо смотрелся бы «Батум» на сцене Художественного театра рядом с любимыми Сталиным «Днями Турбиных», особенно учитывая, что в обеих пьесах главных героев должен был играть один и тот же актер – Николай Хмелев. Поскольку булгаковская пьеса о Сталине вышла на редкость бездарной, можно предположить,

что образ революционера и тирана драматурга несколько не вдохновлял. Любопытно также, что в «Мастере и Маргарите» деятельность Сталина одобряет сатана Воланд. У Высоцкого в песнях Сталин фигурирует только как упоминаемый персонаж, маркирующий определенную эпоху:

Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведано горя и трасс!
А на левой груди – профиль Сталина,
А на правой – Маринка анфас.

(Банька по-белому)

Служил он в Таллине при Сталине,
Теперь лежит заваленный.
Нам жаль по-человечески его.

(Случай на шахте)

Прямой оценки Сталина в песнях нет, в том числе, очевидно, и по цензурным соображениям. Однако один тот факт, что одной из немногих чужих песен, которые он исполнял, была песня Юза Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой ученый», доказывает, что к генералиссимусу Высоцкий относился крайне отрицательно. Иначе бы не пел с энтузиазмом:

Так вот сижу я в Туруханском крае,
Где конвоиры, словно псы, грубы,
Я это все, конечно, понимаю
Как обостренье классовой борьбы.

А однажды в Грузии, когда один из гостей предложил в общем с Высоцким застолье выпить за «великого Сталина», Высоцкий, по свидетельству Марины Влади, «побледнел и белыми от ярости глазами» посмотрел на автора тоста. Тогда скандал с трудом, но удалось замять. Кроме того, по словам Влади, Высоц-

кий читал в Париже запрещенный в СССР «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и открыто восхищался им.

У Высоцкого, правда, есть одна песня «Пятна на солнце», где Сталин действует вместе с Гитлером, хотя прямо ни один из диктаторов и не называется:

Вон, наблюдая втихомолку
Сквозь закопченное стекло –
Когда особо припекло, –
Один узрел на лике челку.
А там – другой пустился в пляс,
На солнечном кровоподтеке
Увидев щели узких глаз
И никотиновые щеки...

Чувствуется, что теория тоталитаризма и обоюдной ответственности Гитлера и Сталина за начало Второй мировой войны были барду близки.

Суть тогдашней техники финансирования «звезд» сводилась к следующему. Вот что рассказал ведущий многих концертов Высоцкого Николай Тамразов: «..Высоцкому платили 200 рублей за концерт (иногда в последние годы – даже 300 и 500 рублей, при том, что официальная ставка у Высоцкого была 11 рублей 50 копеек и лишь незадолго до смерти ему повысили ставку аж до 18 рублей. – Б. С.). (Этой суммы едва хватило бы на три бутылки не самой дорогой водки. – Б. С.). Каким образом? Воровали. Палили билеты. Допустим, билетов продано на десять тысяч – часть оприходовали, а часть билетов сжигали... Что-то отдавали государству, что-то оставляли себе. Эту «кухню» знала вся страна. Такой метод давал возможность заработать администраторам, а также можно было заплатить артистам не по их нищенской ставке...»

Эту практику так прокомментировала Оксана Афанасьева, последняя любовь Высоцкого: «Ведь дело не в том, что кто-то получил на двести рублей больше... Это был принцип отношения системы к

людям: можно ли им зарабатывать деньги. Актерам, музыкантам – нельзя! А нам, начальникам, – можно! Ведь через некоторое время этого никто не поймет: ну почему Высоцкому нельзя было платить столько, сколько он зарабатывал».

Иван Бортник, последние годы часто сопровождавший Высоцкого во время концертов (Владимир давал подзаработать безденежному другу, включая его в свои концерты), вспоминал ритуал сожжения билетов: «Администраторы брали бутылку коньяка, и когда билеты сгорали, выпивали за это... Все, дело сделано: билетов нет, и ничего уже не докажешь».

Есть свидетельство анонима, приведенное журналистом «Экспресс-газеты» Борисом Кудрявовым, где речь о значительно более высоких гонорарах главного барда страны: «...Высоцкий был очень меркантильным человеком. Он брал по 2 тысячи рублей за одно выступление, за любой частный концерт. Требуя по 150 рублей за каждую следующую песню. Вся его любовь к Марине сводилась к поездкам за бугор и покупкам заграничных шмоток».

Согласно другому свидетельству, «трезвого Высоцкого почти все его друзья, да и недруги не зря называли «рациональным евреем»...» Зато в рьяном разгуле с избытком проявлялась русская сторона его натуры.

Можно допустить, что по 2 тысячи рублей Высоцкий брал на тех, сравнительно редких частных концертах, когда на чьей-то квартире собиралась богатая публика из советской элиты – директора крупных магазинов и подпольные «цеховики», преуспевающие журналисты, художники и т. п.

К сожалению, все утверждения и сплетни об истинных размерах гонораров Высоцкого нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Документов практически не сохранилось, да обычно и не было. Ведь платили почти все «черным налом». В сохранив-

шихся же документах отражены лишь, как правило, грошовые официальные гонорары. Реальные гонорары, без черного нала, платили только в кино, поскольку творческие объединения обладали определенной хозяйственной самостоятельностью и могли легально платить актерам приличные по советским меркам гонорары. Но Высоцкий в кино снимался не слишком часто. И на то были свои причины. Как рассказывал один из постоянных участников съемок фильмов с участием Владимира Высоцкого, съемки обычно начинались с вопроса: что с Высоцким? Дело в том, что Владимир Семенович, сильно напившись, имел обыкновение задираться либо к членам съемочной группы, либо к местному населению по принципу: «А ты кто такой?» В конце концов либо местные, либо члены съемочной группы, доведенные до белого каления, основательно мутузили Высоцкого, причем во время избиения бард кричал: «Только не бейте по лицу! Мне завтра сниматься!» Неудивительно, что режиссеры без большого восторга предлагали Высоцкому роли, особенно главные, поскольку его запой грозил длительной остановкой съемочного процесса. Тогда в кино царил реальный хозрасчет, и каждый день простоя обходился в копеечку.

Также нельзя исключить, что администраторы в позднейших мемуарах и интервью могли намеренно занижать гонорары Высоцкого, так как их собственные заработки напрямую зависели от гонораров «звезд». Но, даже если принять на веру утверждения о максимальных гонорарах, нельзя не признать, что меркантильным Высоцкий мог быть только в трезвом виде. Все, что он зарабатывал, трудясь на износ на концертах, число которых все увеличивалось, бездумно растрчивалось в пьяных загулах, а в последнее время еще и тратилось на наркотики.

Во время турне по Америке в январе 1979 года, организованного импресарио Виктором Шульманом, советским эмигрантом, за каждое выступление Высоцкий получил по 3 тысячи долларов. Были восторженные статьи в американских газетах, было выступление в одной из самых популярных передач Си-би-эс «60 минут». В Москве об этих концертах знал лишь круг самых близких людей. Но, естественно, КГБ был полностью в курсе. Ведь статьи в газетах и передачу по Си-би-эс в СССР наверняка отследили «те, кому положено». Высоцкий привез из Америки кожаное пальто для супруги Туманова Риммы Васильевны. Вадим Туманов вспоминал: «Я же знаю, сколько такие вещи стоят, приготовил деньги... А Володя схватил меня за руку: «Убери свои бумажки! Я за неделю в Америке заработал больше, чем за всю свою жизнь здесь». А в Америке было не менее 14 выступлений и еще выступление в программе «60 минут». Высоцкий заработал порядка 45 тысяч долларов – это почти вдвое больше его заработка в рублях в том же 1979 году. А по курсу черного рынка это составляло не менее 225 тысяч рублей.

Валерий Янклович утверждал, что «бюджет Высоцкого до 1978 года складывался достаточно ровно и случайно. Он регулярно получал 150 рублей в театре, а остальное... Редкие гонорары за фильмы, а главное – концертная деятельность. Но в концертах никакого плана не было: чаще всего неофициальные выступления в различных институтах и организациях, где он всегда получал наличными. Первыми «официальными» концертами были выступления через общество «Знание»... Но и здесь никакой системы не существовало».

В качестве лектора общества «Знание» Высоцкий получал 75 рублей за выступление. За первый месяц работы он получил 450 рублей, чем потряс сотрудни-

ков общества. До этого таких гонораров не набирали даже академики.

Валерий Павлович Янклович прав, когда указывает на 1978 год как на прорывный с точки зрения концертной деятельности Высоцкого. Но надо отметить, что и ранее он не был обижен концертами. Если в 1978 году у Высоцкого было не менее 150 концертов, то в 1976 году, например, по подсчетам журналиста Федора Раззакова, – не менее 42. Даже если ставка была 200 рублей за концерт, общий доход должен был составить не менее 8400 рублей. Кроме того, в этом году за главную роль в фильме Александра Митты «Арап Петра Великого» Высоцкий удостоился самого большого гонорара из всех снимавшихся там артистов – 3540 рублей. Одни только концерты и фильм позволили Высоцкому заработать не менее 12 тысяч рублей – всего лишь в два с небольшим раза меньше, чем принесли концерты в 1978 году. А в 1977 году концертов у Высоцкого было тоже не менее 40. И надо также иметь в виду, что в 1978 году он был уже законченным наркоманом и на покупку наркотиков требовались все большие средства. Росту доходов способствовало то, что в мае 1977 года у него наконец появился постоянный импресарио – Владимир Гольдман, организовавший его гастроли в Донбассе. Гольдман был человеком Кондакова (о нем – чуть ниже) и уже в 1978 году на полную катушку мог использовать такую золотую жилу, как Высоцкий. Однако наркотики постепенно подрывали работоспособность Высоцкого. В 1979 году он смог дать лишь около 100 концертов, а за семь месяцев 1980 года – около 55.

Значительно большие гонорары Высоцкий получал тогда, когда находился за границей. Например, когда в 1979 году он снялся для итальянского телевидения, то получил за съемку 1000 долларов. Для сравнения: столько же платили Марчелло Мастрояни.

Деньги у Владимира, правда, никогда не держались. Пил, гулял, раздавал друзьям, любовницам, и прямо, и в виде дорогих подарков, а в последние три года жизни приходилось немало тратиться на наркотики. Недвижимости после себя, кроме трехкомнатной кооперативной квартиры и мебели, а также дачи, построенной, правда, главным образом на средства Марины Влади, он не оставил, да и трудно было в СССР иметь недвижимость. А антиквариат, картины, драгоценности он не собирал. Деньги, материальные ценности не имели большого значения в его жизни. Гораздо больше его волновало официальное признание на родине как поэта, актера, барда и композитора. Однако это признание ни за какие деньги купить было нельзя. Его можно было купить, поступившись собственной совестью, начав выдавать вполне социалистическую продукцию. Его пришлось покупать самой дорогой ценой – собственной смертью. Они любить умеют только мертвых...

За неделю до смерти Высоцкий вспоминал в разговоре с Игорем Шевцовым: «Меня хорошо принимали в Америке... Там писали, что после Есенина больше никого из русских поэтов так не принимали». Шевцов добавляет: «Видно было, что ему нравилось сравнение с Есениным». Может быть, Высоцкий примерял на себя трагическую есенинскую судьбу и сознавал себя столь же народным, как творец «Анны Снегиной» и «Москвы кабацкой».

В связи с начавшейся борьбой властей с «левыми» концертами и организовывавшими их администраторами Высоцкий чуть не стал фигурантом уголовного дела. Это случилось так. Организовывал концерты Высоцкого в Ижевске в 1979 году Василий Васильевич Кондаков – личность в концертном мире легендарная. Бывший балетный танцовщик, он более тридцати лет проработал рядовым администратором

в Северо-Осетинской филармонии. И создал систему подпольного шоу-бизнеса, охватившую весь Советский Союз. С ним работали все советские «звезды» тех лет. За один только 1978 год он организовал концерты на общую сумму около 900 000 рублей. В сущности Кондаков был «цеховиком», только работавшим не в сфере легкой или пищевой промышленности, а в сфере шоу-бизнеса – столь же серьезном источнике дефицита в советские времена, а значит – настоящим Клондайке для предприимчивых людей. Схема была проста. Зал вместимостью 5000 человек заполнялся до отказа и даже сверх того, когда люди сидели и стояли в проходах. После концерта его организаторы и представители филармонии составляли акт об уничтожении якобы не проданных 2000 билетов, которые торжественно сжигали.

27, 28 и 29 апреля 1979 года Высоцкий дал в Ижевске и Глазове десять концертов. В Глазове, правда, не удалось обеспечить полный зал (прошли проливные дожди, и поклонники Высоцкого из числа жителей Глазовского района не могли пробиться в райцентр по проселочным дорогам), и администраторам, согласно первоначальной договоренности, пришлось платить оговоренную сумму фактически из своего кармана. По ведомости Высоцкий получил 129 руб. 49 коп., его друг Валерий Золотухин – 77 руб. 25 коп. В действительности суммы были совсем другие, по крайней мере, для Высоцкого: один из администраторов Кондакова вскоре после концерта был арестован ОБХСС и дал показания на Кондакова и других организаторов концертов. На следствии администратор Мухарбек Абаев показал: «Это было 30 апреля сего года. К Высоцкому толпились девушки за автографами. Нам пришлось подождать. Пока мы ждали, Шиманский куда-то отлучился, и мы с Янкловичем зашли к Высоцкому

вдвоем. Здесь я в присутствии Янкловича передал ему сверток с 5000 рублей».

Следователи стали искать встречи с Янкловичем, прятаясь от них в московских больницах, для повторного допроса. В одну из них люди в форме нагрянули без предупреждения. Согласно протоколу допроса, Янклович показал: «Никаких денег я с Абаевым Высоцкому не вручал. Как я уже говорил, мною в Глазове только возвращались ему деньги в сумме 1500 рублей (оплата за сценарий, предназначенная главному режиссеру Театра на Таганке Юрию Любимову)». Естественно, и Янклович, и Высоцкий, заранее сговорившись, показывали одно и то же, поскольку ни администратору, ни барду не хотелось садиться в тюрьму.

Допросить Высоцкого удалось 25 сентября в Тбилиси, где Театр на Таганке был на гастролях. Допрос вел Михаил Воробьев, тогда – простой старший лейтенант, в постсоветские времена дослужившийся до милицейского генерала. Он вспоминал: «По прилете в столицу Грузии я сразу же прибыл в местное ГУВД и объяснил руководству цель своего визита. Мне в помощники дали следователя Алика Степаняна, который, кстати, оказался большим знатоком творчества Высоцкого. Узнав гостиницу, где проживают таганковцы, мы пришли туда в 10 часов. Поднялись в номер Высоцкого, постучали. Нам никто не ответил, но дверь оказалась открытой. Тогда мы вошли в номер, навстречу нам вышел Владимир Семенович, завернутый в простыню, и спросил: «Что вы, мужики, хотите?» По всей видимости, он принял нас за поклонников, которым нужны автографы.

Я кратко объяснил ему цель нашего вторжения, на что он ответил, что у него очень напряженный режим работы, лег спать очень поздно, в 4 часа, и попросил подъехать нас часика через два... В назначенное время

мы со Степаняном вновь вошли в тот же номер. Там находились Высоцкий и Валерий Янклович – главный администратор театра. Допросили обоих. Высоцкий понимал, что раз фамилия фигурирует в материалах дела, то протокол с его показаниями должен там присутствовать. Я видел, что Владимир Семенович очень переживал этот эпизод в своей биографии. Он просил меня, чтобы его не вызывали в Ижевск на судебный процесс, при этом говорил так: «Ты понимаешь, вот буквально заканчиваются мои съемки в фильме «Место встречи изменить нельзя», где я сыграл роль следователя. Как же я, сыгравший такую роль, окажусь в судебном заседании в противоположной роли?»

Время моего пребывания в Тбилиси было ограничено, на следующий день надо было улетать обратно в Удмуртию, а так хотелось попасть на спектакль таганковцев. И, несмотря на аншлаг, Алик все же через Высоцкого достал билеты. Шел спектакль «Преступление и наказание», где В.В. играл, казалось бы, второстепенную роль Свидригайлова. Но то ли Любимов так выстроил театральные действия, то ли Высоцкий так талантливо играл, – весь спектакль «вытаскивался» благодаря его образу... После выступления Владимир Семенович подошел к нам. Было видно по его лицу, что он от своего веса килограмма 3–4 потерял. В Тбилиси тогда в сентябре духота была страшная, жара невыносимая, под +40 °С, а представление шло три с лишним часа».

О том, как Высоцкий играл Свидригайлова, хорошо написал критик Анатолий Смелянский: «Высоцкий играл тему «русского Мефистофеля». Мутную стихию свидригайловщины он вводил в границы общечеловеческого. Чего тут только не было: нигилистическая ирония, плач над самим собой, вплоть о бессмертии души и отрицании вечности, сведенной к образу деревенской бани с пауками, наконец, загадочное са-

моубийство Свидригайлова («станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку») – все это было сыграно с какой-то прощальной силой...»

Может быть, Высоцкий предчувствовал свой близкий конец и ощущал какое-то внутреннее родство со Свидригайловым?

На вопрос Любимова: «Почему ты, Владимир, уезжаешь, ведь тут работа, театр?» – сказал: «Какая работа, какой театр?! Я гнилой!» То есть – я должен что-то еще успеть, я себя плохо чувствую. Что же я буду заниматься только одним театром! Ему было там тесно.

На Высоцком люди Кондакова в Удмуртии не оставались. 12 и 13 мая в Ижевске прошли выступления Геннадия Хазанова, а с 13 по 21 июня – Валентины Толкуновой с ансамблем Архангельской филармонии «Поморы». Доход составил 25 168 рублей.

На последний концерт Толкуновой прилетел сам Кондаков, чего прежде никогда не делал, оставаясь в тени. На этот раз сгубила Василия Васильевича жадность. Он не поверил своим подельникам, что концерты Высоцкого в Глазове провалились, и подозревал, что они присвоили часть денег. Кондаков получил от концертов Высоцкого всего 10 500 рублей и считал эту сумму слишком маленькой. Василий Васильевич не знал, что петля вокруг него затягивается. В зале на концертах Хазанова и Толкуновой сидели сексоты ОБХСС, которые тщательно подсчитывали реальное количество пустых мест (или, в большинстве случаев, констатировали их отсутствие). Потом эти данные сверяли с актами об уничтожении якобы нераспроданных билетов. КГБ же, с санкции прокуратуры, организовало прослушку телефонных переговоров всех подозреваемых.

И сразу после окончания гастролей Толкуновой начались аресты. Взяли Виктора Шиманского и Мухарбека Абаева. И, опасаясь попасть под расстрель-

ную статью о хищении социалистической собственности в особо крупных размерах, они в конце концов сдали Кондакова.

Старший следователь по особо важным делам Семен Кравец, раскручивавший ижевское дело, вспоминал: «В Удмуртии я получил заветную санкцию на арест Кондакова. С этой бумагой я и выехал в Москву... Когда зашел в столичный ОБХСС и объяснил, зачем приехал, в кабинете поднялся дружный смех. Оперативники говорили: мол, мы – московская милиция – вот уже 15 лет «пасем» Кондакова и нигде не можем поймать его за руку. А тут на тебе, приехали из какой-то дремучей Удмуртии и хотят уличить неуловимого «серого кардинала» в хищении денежных средств в особо крупных размерах. Но после того как я предъявил им санкцию на арест, все тут же переменялись в лице, и начальник отдела заявил, что лично поедет со мной арестовывать Кондакова. Для него, как он пояснил, это была честь: задержать ВасВаса на законных основаниях... А Кондаков впоследствии на допросе все ворчал, говоря, что случайно задержался на указанном адресе; еще бы 15 минут – и ищи его как ветра в поле.

ВасВас заявил, что в Ижевске он оказался проездом и о концертах Высоцкого, Хазанова и Толкуновой вообще ничего не знает. И потом в камере в знак протеста, что его, честного гражданина, арестовали, объявил голодовку. Человек железной воли, он 49 дней не прикасался к пище. И лишь припертый к стенке неопровержимыми доказательствами, вынужден был признать свое участие в организации концертов и давать показания.

25 января 1980 года следователь Кравец преподнес Высоцкому весомый подарок ко дню рождения – постановление о прекращении в отношении него уголовного дела: «С учетом названных обстоятельств

речь может идти о переполучении им значительной суммы, т.е. о неосновательном обогащении, и о гражданско-правовых последствиях».

Янклович в своих воспоминаниях о Высоцком, естественно, представляет все иначе. Гонорары Высоцкого он занижает (150, максимум 300 рублей), а источник левых денег представляет совершенно иначе, чем другие свидетели: «Дворец спорта – Высоцкий и два ансамбля. Ансамбли работали по пять концертов, а получали за три. Остальные деньги отдавали администраторам, из этих денег те доплачивали Высоцкому». Что ж, Валерий Павлович добросовестно придерживается той версии, которую он отстаивал на следствии, а его адвокат Г. Падва – на суде. Мол, все деньги забирали себе мошенники-администраторы, а нас с Высоцким, так же, как и других «звезд», обманывали, точно так же, как обманывали государство: «И когда администраторы в конце концов попались, то естественно встал вопрос: куда делись деньги? Они ответили, что себе ничего не брали, все отдавали артистам. Там фигурировали Хазанов, Толкунова, Высоцкий... Вот и возникали всякие процессы. Повторяю, когда администраторы или директора филармоний попадались, то заявляли:

– А мы себе эти деньги не брали...

Рассчитывая на то, что Высоцкому все равно ничего не будет: ведь он получал деньги за свой труд. Дескать, Высоцкий все примет на себя, а они проскочат».

Но следователи, прокуроры и судьи дураками не были и прекрасно понимали, что «звезды» за грошовые официальные гонорары работать не будут, тем более в Богом забытых Ижевске и Глазове.

При желании следствие могло объявить Высоцкого и Янкловича членами одной с Кондаковым и его подручными преступной группы, и на суде бы им

дали по полной катушке. Однако в этом деле никто не был заинтересован. Когда партия и правительство начали очередную кампанию борьбы с незаконными доходами артистов, они вовсе не собирались сажать всенародно известных знаменитостей – Кобзона, Магомаева, Хазанова, Толкунову и, конечно же, Высоцкого. Ведь народ своих кумиров любит, и если их всех вдруг взять и посадить, то в их виновность люди все равно не поверят, будучи уверены, что народных любимцев просто подставили лихоимцы из числа концертных администраторов. И будут только еще больше озлоблены на власть, которая лишила их счастья общаться с кумирами. В Кремле все это прекрасно понимали. Поэтому ни Высоцкого, ни Хазанова, ни Толкунову арестовывать никто не собирался. Задача следствия заключалась в том, чтобы заставить народных любимцев поделиться незаконно полученными гонорарами с государством. Кстати, по тому же принципу строили свою защиту Янклович с Высоцким: мы, дескать, не при делах, это хапуги-администраторы хотят прикрыться именем всенародно любимого артиста, чтобы выйти сухими из воды. Незаконно полученные деньги пришлось вернуть, потеря была ощутимой, но все же не критической. Высоцкий скоро наверстал ее на других концертах, где ему, как и другим знаменитостям, по-прежнему платили из «черной кассы».

«На первоначальном этапе следствия, – вспоминал Кравец, – защищать Кондакова из Москвы приехал один из самых видных адвокатов СССР Кисинежский, участник Нюрнбергского процесса. Как-то он отвел меня в сторонку и сказал: «Знаете, я ведь, по большому счету, прилетел сюда, чтобы поинтересоваться судьбой Высоцкого. Он просил меня узнать: что ему грозит?» Я ответил адвокату, что в отношении Высоцкого уголовное дело будет прекращено за отсутс-

твием в его действиях состава преступления, потому что мы охотимся за мошенниками, а не за артистами. «Это деликатное и мудрое решение, – услышал я от Кисинежского, – я передам это Владимиру Семеновичу». Вскоре он улетел обратно в столицу, а вместо себя прислал другого защитника – Генриха Падву».

Генрих Падва так вспоминает, почему он оказался связан с ижевским делом: «Я отдыхал на юге, мы с приятелем путешествовали на машине. По дороге заехали в Тбилиси. Едем и вдруг видим афиши Театра на Таганке. Это было, по-моему, днем – у нескольких актеров было выступление в каком-то Доме культуры».

Я говорю: «Давай заедем!» В общем-то, хотел увидеть Валерия. Я с ним был ближе знаком, потому что он жил рядом, в Большом Сухаревском, бывал у меня, и я бывал у него. Но и Володю тоже надеялся увидеть.

Поднимаемся наверх, там большой длинный коридор. Спрашиваю: «Где комната Высоцкого?» Мне отвечают: «Дальше по этому коридору».

Направляюсь туда, навстречу издали движется какая-то пара. Иду, не очень обращая внимания. И вдруг слышу: «Ну, туда-ростуда! Вот это да!»

И, вот так растопырив руки, ко мне устремляется Володя: «Это же чудеса! Мы с Валерой идем и решаем: где бы нам найти Генриха – и вдруг ты!» – «А что такое?» – «Да понимаешь, вчера прилетел следователь из Ижевска»... Это 1979 год, вторая половина сентября. Прилетел следователь, и Володя начинает рассказывать про дело Василия Васильевича Кондакова. Времени не было, мы договорились, что я приду на вечерний спектакль. И весь этот спектакль мы с Валерием просидели в буфете, а Володя прибежал, как только не был занят на сцене. Речь шла о том, что происходит и что можно сделать. Володя все это рассказывал очень взволнованно, на таком накале!...

Вот так мы провели весь вечер...

Короче говоря, они меня уговорили взять на себя защиту Кондакова.

Володя, когда все это рассказывал, очень беспокоился и за Кондакова, и за администраторов, и за Валерия Янковича. В общем, я понял, что он больше озабочен судьбой других, чем собственной. Он говорил, что все надо продумать: чем он сам может помочь, кто еще может вмешаться, что могу сделать я... Говорил очень заинтересованно, очень активно и очень, скажем так, альтруистически.

Так вот – выяснилось, что Кондаков был очень крупным администратором, очень талантливым человеком с точки зрения этого дела. В 1979 году он проводил в Ижевске концерты Толкуновой, Хазанова и Высоцкого. Кондаков обвинялся в том, что во время этих концертов происходил «съем денег». То есть продавалось билетов большее количество, отчитывались за меньшее – и часть денег присваивалась. Из этих денег выплачивались дополнительные суммы артистам, а часть денег присваивал Кондаков и еще группа администраторов. А так как к концертам Высоцкого имел отношение Янкович, то шла речь о его возможной причастности... Вот в чем суть дела. И я принял поручение.

В связи с этим стал довольно тесно общаться с Володей и Валерой, это конец семьдесят девятого – восьмидесятый год. Ну, а в общении знаете как – одно за другое цепляется, и мы встречались уже не только по этому поводу.

Я бывал на Таганке, на Малой Грузинской, Володя и Валера однажды были у меня. Мне это хорошо запомнилось. Началась беседа с того, как они на «Мерседесе» втиснулись в мою подворотню... А потом пошел такой очень нервный разговор. Володя расспрашивал, сам рассказывал... Не мог сидеть на месте, и было такое впечатление, что у него вся кожа горит... Ему было очень тяжело.

В последнее время ему вообще было исключительно трудно. Бывая у него, я заставлял его в очень непростых состояниях. Что было, то было».

В мае–июле 1980 года в Ижевске проходил суд по поводу незаконных концертных отчислений. Председательствовавший на процессе судья Верховного суда УАССР Иван Тюрин вспоминал:

«Основная загвоздка была в том, что известных артистов и деятелей культуры, проходивших по делу в качестве свидетелей, мы не могли доставить в судебное заседание для дачи показаний. Мне даже пришлось выносить постановления об их принудительном приводе, но безрезультатно. Высоцкий прислал телеграмму, что болен, Толкунова телеграфировала, что выезжает на гастроли в Польскую Народную Республику, Любимов уехал в Англию, Хазанов никак оправдываться не стал – просто не приехал. Тогда мы начали обсуждать сложившуюся ситуацию с обкомом. Они, в свою очередь, связались с высокопоставленными партийными работниками из Москвы, и те дали установку: рассматривать дело без артистов. Что ни говорите, а эстрадные звезды пользовались покровительством».

У судей на процессе, понятно, была установка: знаменитостей к уголовной ответственности не привлекать, только пусть вернут «левые» гонорары и могут продолжать свои концерты все с той же «черной кассой». Всех администраторов все равно не пересажаешь, но острастку им дать надо.

Подсудимые, понятно, такой установки не разделяли и безуспешно добивались, чтобы рядом с ними в зале суда находились Высоцкий, Толкунова и Хазанов. Вот выдержки из стенограммы суда:

«Шиманский: Почему не привлечены к уголовной ответственности главные виновники преступления: Высоцкий и Янклович?»

Кравец: В обвинительном заключении имеется на то ссылка».

Из-за решетки свидетелю Николаю Тамразову один из администраторов выкрикнул:

«Передайте Высоцкому: пусть башли привезет сюда! А то выйду и взорву его вместе с «Мерседесом!»»

Девять обвиняемых получили от 3 до 10 лет заключения с конфискацией имущества. Кондаков получил по максимуму – 10 лет колонии усиленного режима. Он умер в заключении в 1988 году, когда то, чем он занимался большую часть жизни, уже фактически не считалось преступлением, когда появились и кооперативы, и первые индивидуальные частные предприниматели. В этом – трагедия таких несомненно талантливых людей, как Василий Васильевич Кондаков, многим великим артистам обеспечивший весьма достойное существование, а на свою долю получивший смерть на тюремных нарах. То, чем занимался Кондаков и другие подпольные дельцы шоу-бизнеса, в цивилизованном западном мире никогда не считалось преступлением. Там такие люди называются продюсерами или импресарио. В СССР же они вынуждены были действовать подпольно, причем все они ходили под расстрельной статьей – хищение социалистической собственности в особо крупных размерах. Даже за контрабанду наркотиков давали меньше, и там расстрельная статья отсутствовала. Все это приводило к тому, что подпольный шоу-бизнес неизбежно криминализировался. Такая тенденция, кстати сказать, прослеживается и в мире свободного предпринимательства, где шоу-бизнес является одним из объектов пристального внимания мафии. В СССР же весь шоу-бизнес был, по сути, нелегален и потому обречен на тесное сращивание с мафиозными группировками. Позднее, с приходом перестройки и последующим крахом СССР, часть бывших концертных админист-

раторов и артистов оказалась на руководящих постах в мощных мафиозных сообществах, некоторые из которых существуют и в наши дни. Но Высоцкий до этих времен не дожил, а если бы дожил, боюсь, песни писать и петь перестал. Тогда, в 70-е, как мне кажется, Владимир Семенович во все мафиозные схемы, связанные с шоу-бизнесом, посвящен не был. Он знал, конечно, что ему платятся «левые» гонорары и что значительная часть выручки за концерты идет администраторам, но как дальше распределяются деньги, в какие структуры и на какие цели идут, не имел никакого понятия. И с Кондаковым-то он познакомился только незадолго до смерти в связи со злосчастными ижевскими концертами.

Генрих Падва так вспоминал об Ижевском процессе: «Для Кондакова дело кончилось не очень хорошо: его осудили по ряду эпизодов. Но, к счастью, все связанное с концертами Высоцкого суд отбросил. Было признано, что ничего криминального там не происходило, имя Валерия Янкловича было полностью реабилитировано. И, естественно, имя Владимира Высоцкого. А ведь нашлись люди, которые хотели Высоцкого очернить. Например, следователь Кравец, который оказался на редкость необъективным человеком. Но у него ничего не получилось».

Тут либо память подвела Генриха Павловича, либо сказалась извечная неприязнь адвоката к следователю. Из материалов дела хорошо видно, что следователь Кравец никакой излишней самостоятельности в Ижевске себе не позволял и послушно выполнил указание сверху о том, чтобы не предъявлять обвинений Высоцкому и другим артистам, а также администратору Таганки Янкловичу – чтобы не подставлять известный театр.

По свидетельству Падвы, «закончилось дело за двадцать дней до смерти Володи. Я ехал из аэропорта

Домодедово и заскочил на Таганку. Хорошо помню, что это было пятого июля. Володя торопился на концерт, мы встретились буквально на мгновение...

Я не знаю позиции Хазанова и Толкуновой, а Володя, с моей точки зрения, вел себя очень благородно. Очень хотел помочь В.В. Кондакову – ныне покойному, – а главное, он очень хотел, чтобы никак не пострадал Валерий. Между тем Янкловича все время дергали, требовали явки в суд – что могло иметь непредсказуемые последствия. Самого же Володю просто пытались испачкать, не только его, но его – особенно».

Падва утверждал, что денег Высоцкий вообще не получил: «Концерты, о которых речь, проходили не в Ижевске, а в Глазове – это недалеко. Организовывал их Шиманский, он был помощником Кондакова. И когда у них зашел разговор об этих концертах, Кондаков сказал: «Не надо. Сборов не будет». Тогда Шиманский и еще несколько мальчиков решили, что Василий Васильевич стал выживать из ума – чтобы у Высоцкого не было сборов!

Но Кондаков не зря считался великим администратором – сборов на самом деле не было.

В чем же дело? Глазов расположен на двух берегах реки, и во время разлива никакого сообщения между ними нет. Дом культуры расположен на берегу, где практически нет жилых домов. Поэтому попасть туда можно было только на лодках! Кондаков каким-то образом об этом знал. А эти мальчишки объявили концерты – и прогорели на них. Просто народу было мало. Поэтому украсть что-то было невозможно – и этот эпизод рухнул, Янкловича оправдали».

Однако Валерий Янклович, помимо официальной должности администратора Театра на Таганке, в ряде случаев выступавшего в качестве концертного администратора Высоцкого, в своих воспоминани-

ях фактически подтвердил версию следствия: «Нас выручило одно обстоятельство, вернее, противоречие в показаниях администраторов... Они говорили, что Высоцкий работу не выполнил, а деньги получил. А требовал заплатить Янклович. (Существовала договоренность, что оплата производится в любом случае, независимо от того, сумеют ли администраторы собрать зрителей или нет. – Б. С.)

А противоречие было вот в чем: они утверждали, что считали деньги при мне вдвоем. А на самом деле был только один из них. А нас было двое – Володя и я. И мы говорили, что лишних денег не получали...»

По сути, Янклович признает, что деньги они получили и что Высоцкому пришлось вернуть незаконно полученные две с половиной тысячи рублей (по другим данным – пять тысяч рублей), но только этот факт нельзя было доказать на суде из-за противоречий в показаниях подсудимых. Но в действительности тот факт, что деньги Высоцким были получены, доказывается определением суда, по которому Владимиру Семеновичу пришлось их вернуть. И из материалов дела также видно, что приезд Кондакова в Ижевск как раз и был связан с тем, что он не верил, что концерты Высоцкого в Глазове провалились, и подозревал коллег в крысятничестве. Поэтому и предпочел на следующие концерты прибыть в Ижевск, чтобы самому убедиться, сколько на концерте зрителей, и исключить возможный обман. На его беду, в том же самом захотели убедиться и правоохранительные органы.

Падва признает, что о совершенно благополучном для него и Янкловича исходе процесса в Ижевске Высоцкий узнал за двадцать дней до своей гибели, однако настаивает: «Конечно, состояние у него в то время было очень тяжелым. А все эти дела – с моей точки зрения – его просто добивали. Он был совершенно не приспособлен и для решения таких проблем, и для

общения с такого рода людьми. И вообще, это совершенно не его сфера: административные дела, работа судебно-правоохранительных органов... Володя не был к этому готов – ни психологически, да и никак! И то, что он мне говорил, о чем просил, звучало чрезвычайно наивно – во всяком случае, для нас, юристов. «Нет, ну ты скажи им! Что же они мне не верят?!»

Понимаете, он судил об этих вещах с общечеловеческих позиций. А юриспруденция – это иногда какие-то настолько формальные вещи, что они не укладываются в общечеловеческие представления. Они правильны, нужны, но это другой порядок мышления.

Пока длился суд в Ижевске, Володя звонил много раз – все это висело над ним, действовало на психику. Когда я прилетал в перерывах, он немедленно тащил меня домой: «Давай, приезжай!»... Конечно, это и волновало, и влияло, и действовало».

Здесь великий бард представлен таким Иванушкой-дурачком не от мира сего, который искренне возмущается, что подлец-следователь не верит его чистосердечным признаниям в том, что никаких «левых» денег за концерты он не получал. Как будто и до Ижевска, и после Ижевска Высоцкому не платили за концерты из «черной кассы», как будто он не знал, как все это делается, не пил коньяк с тем же Кондаковым и другими администраторами, не участвовал в ритуале торжественного сожжения «лишних» билетов! Падва выступает здесь с позиций адвокатской этики, требующей отстаивать невиновность подзащитных даже тогда, когда приговор уже состоялся. Но в то, что Высоцкий слишком уж переживал в связи с «ижевскими страданиями», верится с трудом. Ведь по здравому размышлению, он не мог не понимать, что лично ему процесс ничем не угрожает. Иначе пришлось бы привлекать к суду других знаменитых актеров, а это-

го власти явно не хотели. Но и над Янковичем тоже вряд ли нависала реальная опасность быть отправленным в лагерь, на лесоповал. В отличие от других участников группы Кондакова, он не был администратором какой-нибудь Богом забытой Северо-Осетинской или Удмуртской филармонии, а представлял Театр драмы и комедии на Таганке, имевший к тому времени мировую славу. Арест администратора такого театра немедленно был бы замечен за границей и даже мог бы быть истолкован как начало политических преследований фрондирующего театра. А лишнего шума в этом деле Москва не хотела.

На примере ижевского процесса легко убедиться в том, что, если бы КГБ действительно хотел посадить Высоцкого, он мог легко сделать это без всяких наркотиков. Однако трогать Высоцкого было нельзя, и власти это хорошо понимали. Во-первых, потому, что Высоцкий имел действительно всесоюзную известность, пожалуй, даже превосходившую известность таких кумиров, как Магомаев и Кобзон (хотя по голосу он, конечно же, далеко им уступал). Во-вторых, он был женат на француженке, всемирно известной актрисе, которая к тому же была членом Французской компартии и вице-президентом общества дружбы «Франция – СССР». Только тронь Высоцкого – международный скандал гарантирован. Еще, глядишь, сам лидер французских коммунистов Жорж Марше заявит публичный протест.

В феврале 1980 года на концерте в МФТИ Высоцкого спросили: «Собираетесь ли вы выпустить книгу стихов? Если – да, то как она будет называться?»

Он ответил: «Это не только от меня зависит, как вы понимаете. Я-то собираюсь. Сколько я прособираюсь – не знаю. Сколько будут собираться те, от кого это зависит, – тем более мне неизвестно. Как будет называться – пока даже разговора об этом нет серь-

езного. Хотя есть предложения и по поводу книги, подборок и т.д.

Вы знаете, чем становится просителем и обивать пороги редакций, выслушивать пожелания – как переделать строчки, лучше сидеть и писать. Вместо того чтобы становиться неудачником, которому не удастся напечататься. Зачем? Можно писать и петь вам. Это – то же самое... А вы не думаете, что магнитофонные записи – это род литературы теперешней? Ведь если бы были магнитофоны при Александре Сергеевиче Пушкине, то я думаю, что некоторые его стихи были бы только на магнитофонах.

Если бы Высоцкий дожил до компьютерной эры, когда бумажные книги все больше обесцениваются, то он наверняка был бы удовлетворен. Его произведения как в виде записей концертов, так и в виде электронных книг и текстов отдельных песен – одни из самых популярных в русскоязычном сегменте Интернета. Только неизвестно, получал бы Владимир Семенович гонорары за электронные публикации. Впрочем, он наверняка бы компенсировал это концертами и наверняка был бы не менее популярен, чем Алла Пугачева.

На том же концерте в МФТИ Высоцкий утверждал: «Под жизненным опытом вы, наверное, понимаете больше всего то, что жизнь нас была молотком по голове, а если говорить серьезно – страдания. Верно? Конечно, искусства без настоящего страдания нет. Необязательно, чтобы человека притесняли, стреляли в него, мучили, забирали родственников и т.д. Нет, если даже в душе, даже без этих наших проявлений – испытывал вот это чувство сострадания за людей, за близких, за ситуацию и т.д., то уже очень много значит. То есть база – это создает жизненный опыт, а страдать могут даже очень молодые люди, и очень сильно.

Это я так думаю. Другие, может быть, – по-другому. Это не постулат». В тот момент Высоцкий страдал сам, страдал тяжелой наркоманией, которая давно уже не вдохновляла его творчество, а лишь губила. И требовала все больших и больших расходов в связи с постоянным ростом доз.

Иногда даже в последний год жизни, несмотря на возросшие доходы, Высоцкому приходилось занимать значительные суммы, так как в нужный момент денег не оказывалось. Ведь он привык жить в долг, ни в чем не отказывая ни себе, ни своим друзьям. Он привык брать в долг, рассчитывая отдать, когда будут деньги за концерты. Так, 2 декабря 1979 года Валерий Золотухин записал в дневнике: «Высоцкий занял 2500 р. Володька улетел сегодня на Таити, к Марине». В действительности Высоцкий летел на свадьбу второго мужа Марины Влади – Жана Клода Бруйе, летчика и владельца небольшой авиакомпании на Таити. Марина с тремя детьми, жених и невеста ждали Владимира. Но визу на Таити Высоцкий не получил и вынужден был дожидаться супругу в Лос-Анджелесе. Здесь он останавливается в доме у певца и композитора Майкла Миша. Хотя формально Высоцкий получил в театре отпуск за свой счет для поправления здоровья, поправляют они его с Мишем, к тому времени – законченным наркоманом, довольно своеобразно – героином и другими наркотиками. Может быть, Высоцкий специально спровоцировал отказ в визе на Таити, чтобы погудеть пару недель с другом Майклом. Прибывшая в Лос-Анджелес Марина заметила, что Владимир выглядит еще более странно, чем в Венгрии, но, по ее словам, еще ни о чем не догадывалась.

Виталий Шаповалов свидетельствует: «К деньгам относился как к бумажкам. Не было их, были. Я спросил однажды:

– Володя, а сколько тебе, между нами говоря, платят за концерт? Мы тоже где-то работаем, тоже что-то получаем, но интересно, сколько платят Высоцкому?

Он говорит:

– А я никогда не заглядываю в конверт. Мне могут дать очень много и очень мало – я ни на то, ни на другое не реагирую. Не радуюсь и не печалюсь. Сколько мне дали – столько я взял. У кого больше, тот больше дает. В конверт я смотрю только тогда, когда мне нужно платить.

Как-то мы были вместе в доме у нашего приятеля Володи Сидорова. Он жил неподалеку от театра, и в перерывах мы иногда забегали к нему передохнуть, посмотреть телевизор.

В тот раз немного посидели, Володя Высоцкий лег отдыхать – вечер у него был свободен, а я вернулся в театр, отработал свое, потом говорю Ване Бортнику:

– Пойдем, посмотрим, как там Володя себя чувствует. Приходим.

– Володь, – спрашиваю, – у тебя есть деньги? Мы с Иваном хотим в «Каму» зайти.

Он вытаскивает из джинсов рулон четвертных:

– Возьмите, сколько надо, остальное отдайте – мне это сегодня понадобится.

Это и есть его отношение к деньгам: «Возьмите, только не все забирайте».

Отстегнули мы с Иваном один четвертак – пошли, посидели в «Каме». Возвращаемся, а его уже нет. Хозяйка спросила:

– Где он?

– Встал, – отвечает, – сказал: «Ну, спасибо за гостеприимство! Я пошел».

Мы подумали и решили, что он отправился домой. А на следующее утро Любимов спрашивает:

– Где Высоцкий? – Не помню сейчас, какая была репетиция.

Мы с Иваном переглянулись. Тут ассистентка входит:

– Юрий Петрович, Высоцкий – он сейчас из Магадана звонил.

Значит, ночью умчался. И четвертные нужны были для того, чтобы там не на деньги друзей угощаться, а их угощать.

Не любил он зависеть от этого: быть без денег и на чьи-то деньги гулять.

Я однажды спросил:

– А как же ты улетаешь, если мест нет?

– Скажу тебе честно: не люблю спекулировать своей фамилией – нехорошо это, противно. Но это единственный момент, когда я грешу – потому что как же еще улететь, если надо обязательно улететь!»

Высоцкий в последние дни своей жизни отдал шесть тысяч рублей, заработанные за концерты в Калининградской области. С одной из этих девушек, Ириной Ш., чьи рассказы Высоцкий использовал для «Романа о девочках», встретился Валерий Перевозчиков.

Она вспоминала, как Высоцкий позвонил ей и попросил приехать: «Я приехала. Они сидели у Нисанова. Я давно не видела Володю, он выглядел просто ужасно. Пришел Федотов, принес ключи, мы спустились в Володину квартиру...

А до этого он «выбивал» мне квартиру... Спрашивает:

– Ну как с квартирой? Все в порядке?

– Да. Но у меня нет денег...

Володя открыл ящик:

– Возьми, сколько тебе надо...»

Как можно понять, Высоцкий выбил Ирине разрешение на строительство кооперативной квартиры, но у нее не было денег на первоначальный взнос.

Валерий Янклович подтверждает, что «за несколько дней до смерти Володя отдает эти деньги – шесть

тысяч рублей – двум девушкам, перед которыми у него были какие-то моральные обязательства. Это была его воля...»

По всей вероятности, Ирина была близка к кругам фарцовщиков 60–70-х годов, если принимать во внимание содержание единственного романа Высоцкого, и у них могла быть любовная связь.

Также нельзя исключить, что две девушки каким-то образом доставали Высоцкому наркотики, и шесть тысяч рублей были платой за них, но Янклович не мог сказать об этом прямо.

По свидетельству друга Высоцкого киносценариста Артура Макарова, «после смерти Владимира Семеновича остались его долги друзьям, товарищам и знакомым в сумме 37 тысяч 800 рублей. Продав обе его машины, я выплатил их, и все друзья, товарищи и знакомые – в том числе и Э.Я. Володарский – эти выплаты приняли. Лишь скульптор Зураб Церетели отказался получить долг в пять тысяч рублей, заметив при этом, что в Грузии если умирает друг, то в его семью деньги несут, а не выносят».

О том, почему у Высоцкого, который в последние годы очень неплохо зарабатывал, появились долги, Янклович высказал: «Долг возник так... Володя купил камни за двадцать с чем-то тысяч... И эти деньги ему нужно было достать в один день. Кому мы только не звонили – якобы очень ценные камни, а продавались дешево... Володя занял у Церетели пять тысяч, у Вадима Туманова – семь тысяч, у Степаняна – пять тысяч, у кого-то еще... А шкурки для Марины – соболя – штук тридцать... Еще он купил два кольца с камнями – тоже Марине, достаточно дорогих... В общем, долг составил – 38 тысяч...»

Артур Макаров придерживается иного мнения о возникновении долга: «Он разбил обе машины – ремонт стоил дорого... Дача у него «съела» тысяч со-

рок, – по записям в тетради Янкловича... Про камни я ничего не знаю...»

Драгоценные камни и меха Высоцкий покупал после того, как в августе 1976 года ограбили дом Марины Влади. Она вспоминала:

«Мы в Югославии, на небольшом острове Свети-Стефано... Ты снимаешься в фильме, я приехала вместе с тобой.

Из Парижа мне звонит сестра. Сначала она просит меня сесть, отчего я сразу прихожу в ужас, и сообщает мне, что мой дом ограбили... Все, что я приобрела за двадцать лет работы, исчезло. Драгоценности, серебро, меха, кинокамеры, радиоаппаратура... Реакция моя сильно шокирует сестру – я начинаю хохотать.

Потом, отдышавшись, говорю: «Только-то?» Я боялась, что с кем-нибудь из сыновей случилось несчастье. И правда, что значит пропажа вещей по сравнению с тем страхом, который я испытала! Я сообщаю тебе эту новость весело, будто забавную историю. Ты же страшно расстроен. В твоих глазах все эти вещи – бесценные сокровища.

Мне приходится тебя утешать. Конечно, все это очень обидно – ведь среди украденных драгоценностей были и маленькие колечки моей матери, которые она носила не снимая всю жизнь. Я не взяла их с собой в поездку – боялась потерять во время купания. Что же до всего остального – все можно купить, и в конце концов, я могу прекрасно обойтись и без столового серебра, без драгоценностей и всякого другого. «Но меха, – говоришь ты, – тебе они будут нужны зимой в Москве, и потом – не обманывай, это твое единственное кокетство». Нет, не единственное. Я еще люблю обувь, но обувь не тронули. Я признаюсь, что жалею о большой норковой шубе, в которой мне было так тепло и в которой я выглядела как настоящая барыня. Но существуют замечательные пуховики – я часто

носила такие в горах. Да все это и неважно, дети здоровы, мы счастливы, мы работаем, жизнь прекрасна!

В конце сентября я возвращаюсь в Москву. В аэропорту ты встречаешь меня, как всегда, в зоне досмотра – твои поклонники с таможни пропустили тебя. Мы обнимаемся, ты берешь мой чемодан, я прохожу таможню довольно быстро – ведь, кроме лекарств для друзей, я ничего не везу. Ты беспрерывно говоришь о разных разностях. Я чувствую, что ты что-то затеял.

Дома ты открываешь дверь нашей квартиры, обитую дерматином, – соседи жаловались на избыток ежедневной музыки. Я вхожу в гостиную: везде горит свет, все убрано, на низком столике – фрукты, в вазах – цветы. Ты смотришь на меня, и в твоих глазах я вижу ликование, какое бывало у меня, когда мои дети, едва проснувшись наутро после рождества, бросались разворачивать подарки. Ни слова не говоря, ты подводишь меня к двери в спальню и несколько театральным жестом открываешь ее. На большом голубом ковре, на кровати, на стуле, куда мы обычно вешаем одежду, на маленьком столике, где стоят мои туалетные принадлежности, и даже на подоконнике – десятки серебристых шкур, настоящий меховой ковер – серая симфония. Ты говоришь:

– Это мех, который ты так любишь. Все охотники России прислали мне самые красивые шкурки для тебя. Это – баргузинский соболь, самый редкий – посмотри, ты можешь сшить себе самую красивую в мире шубу. Тебе не будет холодно этой зимой.

Я в жизни никогда не видела ничего подобного. Мама рассказывала мне, что бабушкин меховой палантин был сшит из десятков соболиных шкурок, вывернутых мехом внутрь, чтобы было теплее. Я смотрю и не верю своим глазам.

Меня только немного коробит от резкого запаха этого меха. Ты говоришь, что это ничего, что шкурки

не выделаны, что охотники прислали их тебе в частном порядке и они не прошли через государственную дубильню. Здесь шестьдесят шкурок – хватит на длинное манто, хоть со шлейфом.

Назавтра я убираю их на антресоль в большой чемодан, думая, что потом отдам их обработать и сшить. И продолжается обычная жизнь с ее заботами, трудностями, палками в колесах. Некоторое время спустя я вспоминаю о соболях, открываю чемодан и отшатываюсь. Тысячи червей извиваются на поверхности. Почти весь мех испорчен. И только три шкурки уцелели. Они и теперь у меня – шелковистые воспоминания...»

Не знаю, придумала ли Марина историю про червей, или нет, но вся она смотрится очень художественно и превосходно характеризует отношение Высоцкого к деньгам. Высоцкий, конечно же, обожал широкие купеческие жесты, наслаждался производимым эффектом, не думая о том, что кустари-охотники продают ему невыделанные шкурки, которые обречены на то, чтобы сгнить.

Правда, имущество Марины, скорее всего, было застраховано (столь предусмотрительный человек, как она, вряд ли бы отказалась от страховки. столь значительных ценностей, тем более актриса по полгода не бывала дома из-за съемок и визитов в Москву к Высоцкому).

И уж вряд ли она не компенсировала бы ему немалые затраты на меха и старинные драгоценности, после того как получила страховку.

Но, что характерно, Марина Влади ничего не пишет о том, что Высоцкий купил для нее драгоценности. Может быть, ей было стыдно признаться, что любимый бард так тратился на нее? И вряд ли ей было бы комфортно принимать такой подарок. Ведь она прекрасно знала, что он, несмотря на постепенный

рост доходов, ее русский муж зарабатывает гораздо меньше ее. Напомню, что Марина Влади еще в 1963 году получила приз Каннского кинофестиваля в номинации «Лучшая актриса» за роль стервозной нимфоманки Регины в фильме Марко Феррери «Современная история». Она была высокооплачиваемой актрисой. Но думаю, что она не упоминала о бриллиантах, купленных ей Высоцким, только потому, что на самом деле он никаких бриллиантов ей не покупал. Невыделанные же шкурки, полученные от кустарей, никак не могли стоить дорого. Когда Янклович пишет: «Шкурки соболя Володе доставал Валера Шульжик с Камчатки... Как Володя их выбирал, как подбирал по цвету... сорок шкурок!.. Каждая шкурка стоила 300 рублей», цена шкурок доверия не вызывает. В реальности она должна была быть в несколько раз меньше.

Как мне представляется, вся история с 38 тысячами рублей долга Высоцкого, образовавшегося будто бы за счет покупки бардом бриллиантов и соболей для Марины Влади, понадобилась Янкловичу только для того, чтобы скрыть тот факт, что основная часть долга образовалась за счет расходов на наркотики, которые увеличивались в геометрической прогрессии.

Некая женщина-ювелир на условиях анонимности рассказывала:

«Эти камни... Володя купил колечки и выгащил камни, хотел сделать кольцо. Но здесь не сделал, увез их во Францию, – там, кажется, было изделие...»

Еще Володя хотел купить Марине хороший камень – купил изумруд у одного старика еврея... Брал меня с собой – проконсультироваться... Камень был настоящий – изумруд чистой воды... Володя подарил его Марине – тогда еще можно было провозить. А еще он подарил Марине два чудесных кольца ленинградской работы...»

Однако сомнительно, что эти камни в реальных советских условиях стоили десятки тысяч рублей. Цивилизованного рынка ювелирных изделий не было, и даже старинные драгоценности можно было скупать по дешевке.

Янклович свидетельствует: «Марина с помощью Артура Макарова продала машины – эти деньги пошли на оплату долгов, расходы на похороны, оплату кооперативной квартиры, пересъемку архива...

Марина выхлопотала право Нине Максимовне жить в квартире на Малой Грузинской, а старшему сыну – возможность поселиться в двухкомнатной квартире матери. В общем, Марина сделала все...»

Можно констатировать, что на протяжении своей жизни Высоцкому ни разу не удалось добиться бездефицитного личного бюджета. Расходы у него всегда росли быстрее, чем доходы. В первые годы творческой деятельности это было связано со сравнительно низкими доходами, а в последние годы – с быстрым ростом расходов на наркотики. Ситуация с доходами и долгами отражает его характер рубахи-парня, готового прокутить или отдать друзьям или даже совсем посторонним людям.

Агония Высоцкого

В последние недели жизни барда Оксане Афанасьевой порой приходится выполнять роль Марины в попытках вывести Высоцкого из почти невменяемого состояния. 14 или 15 июня она улетела в Сочи. Но отдохнуть не удалось. «Когда Володя вернулся, почти все время он был в плохом состоянии. Тогда он отправил меня отдыхать, и я улетела на юг. Прилетела, пошла звонить в Москву. К телефону подошел Янклович, и я сразу понимаю, что все плохо:

– Володе плохо. Бери билет и возвращайся.

Я сразу же села в поезд.

И с приезда началось... Практически ни дня Володя не бывал трезвым. Если и был, то один какой-то день. Он все время был в каком-то болезненном состоянии. Все время что-то болит – то рука, то нога.. То есть очень больной человек.. И тем не менее были и концерты, и спектакли... Как он работал, я не представляю».

Барбара Немчик тоже чувствовала приближение трагического финала: «Володя приехал в очень плохой форме. Потом стало немного лучше – были спектакли, концерты. Но в принципе, до моего отъезда во второй половине июня – все было плохо.

Однажды я сидела в кабинете и собирала свои вещи. Володя вошел и с отчаянием сказал:

– Ты знаешь, мне ничего не осталось кроме пули в лоб.

Я начала возражать, но он меня перебил:

– Ты же сама прекрасно все понимаешь...

У него было просто страшное лицо. И тогда я поняла, что приближается конец».

Но даже в таком состоянии Высоцкий, когда мог, делал добрые дела. Юрий Любимов вспоминал: «Я очень сильно болел, и так случилось, что моя жена с сыном были в Будапеште (моя жена – венгерка). Я был один и лежал с очень высокой температурой – за сорок. И был в полубессознательном состоянии, но слышу – кто-то настойчиво звонит. Я по стенке, по стенке долго-долго шел. Звонит еще – знал, видно, что я дома, и думает – почему не открываю? Я открыл, зашел Владимир. Увидел меня в таком состоянии и говорит:

– Как же так? Вы – один?

– Ничего, ничего... Я как-нибудь отосплюсь, Володя.

– А что у вас?

– Не знаю, просто температура очень высокая.

Но Владимир увидел, в каком я состоянии, сказал: «Подождите» – и уехал. Я даже не помню, сколько времени его не было.

Привез мне какой-то сильный антибиотик. И я глотал это лекарство через каждые четыре часа. Действительно, через два дня температура спала».

Этот антибиотик в середине июня раздобыла Барбара Немчик в американском посольстве в Москве.

Отсчет последних недель жизни Высоцкого начался с 18 июня, когда он по предложению концертного администратора Владимира Гольдмана приезжает на гастроли в областной Калининград. С 18 по 22 июня Высоцкий дал 22 концерта. Надо было давать по три концерта в день. Вел концерты Николай Тамразов, художественный руководитель Творческой мастерской

сатиры и юмора Москонцерта. Он вспоминал: «К этой гастроли я сначала не имел отношения и был занят в Москве подготовкой к выступлениям на Олимпиаде артистов разговорного жанра. Но звонит Гольдман из Калининграда: «У Володи сильно болит горло, неизвестно, будет ли петь. Нужно спасать ситуацию». Я бросил все и прилетел. В первом отделении во Дворце спорта выступали «Земляне», во втором Володя. Но он запаздывал, и я стал общаться с публикой, потому что «Земляне» отказались спеть еще пару песен в ожидании Высоцкого. И тут Володя выбегает на сцену, обнимает меня: «Здорово, Тамразочка!» И вроде бы все ничего. И настроение у него хорошее, но мы уже знали, что здоровье у него оставляет желать лучшего... Володя работал на износ. Но ему нужны были в тот момент деньги. Каждый день мы обсуждали его творческие планы, мы просиживали до трех-четырех часов ночи, чаи гоняли. Потом вставали днем: первый концерт начинался в три или четыре часа, второй – в пять и третий – в семь вечера. Почти все эти пять дней Володе было плохо. На последнем выступлении он уже не мог петь, голос превратился в сплошной хрип. Но он все же вышел к зрителям, развел руками: «Извините, сами видите – не могу...» И в течение часа отвечал на вопросы и рассказывал о своих творческих планах. Когда он ушел со сцены, звукорежиссеры включили фонограммы песен с его предыдущих концертов. Володя минуты полторы смотрел в зал из-за кулисы, повернулся ко мне со счастливым лицом: «Тамразочка, они слушают, они не уходят». Это случилось на последнем, 22-м концерте.

У Владимира Гольдмана картина последнего концерта вышла не столь благостной: «Мы отработали четыре дня, на пятый – перед последним концертом – Володя говорит:

– Я не могу. Не могу больше работать.

А потом спрашивает:

– А тебе очень нужно?

– Володя, откровенно говоря, – надо. Если ты сможешь... Пять тысяч человек приехали из области...

– Ну ладно, я буду работать, только без гитары.

– Хорошо, гитару оставляем здесь.

На сцену вышел Коля Тамразов и сказал, что Владимир Семенович Высоцкий очень плохо себя чувствует:

– Петь он не может, но все равно пришел к вам. Он будет рассказывать и читать стихи. Вы согласны?

Все:

– Конечно!

И впервые Володя работал концерт без гитары: час стоял на сцене и рассказывал. Муха пролетит – в зале слышно...

А с нами в Калининграде работали «Земляне»... И они должны были заканчивать концерт. Володя – на сцене, а они за кулисами стали брэнчать на гитарах. Я подошел, сказал:

– Ребята, потише, Владимир Семенович плохо себя чувствует.

Раз подошел, второй, а один сопляк говорит:

– Да что там... Подумаешь, Высоцкий?!

– Что?! Ах ты – мразь! Ничтожество! Если услышу хоть один звук!

И только я отошел, он снова – дзиньк! Я хватаю гитару и ему по голове! А они все четверо человек – молодые, здоровые жлобы – накинулись на меня. Я один отбиваюсь от четверых этой гитарой... Тут Коля Тамразов спускается по лестнице, увидел, бросился ко мне!

– Сейчас Высоцкий скажет в зале только одно слово – от вас ничего не останется!

Ну, тут они опомнились, разбежались...»

Василий Акимович Чепрасов, в то время – заместитель начальника УВД Калининградской области и большой поклонник творчества Высоцкого, тоже присутствовал на этом последнем калининградском концерте. Высокие милицейские друзья в Москве давно уже сообщили ему, что Высоцкий болен и сидит на игле. Поэтому состояние актера Чепрасова не удивило: «На последнем концерте запомнился мне артист бесконечно усталым человеком. Хотя внешне он выглядел, в том числе и благодаря облегающему фигуру летнему джинсовому костюму, как всегда статно и модно... Приблизившись к рампе, Высоцкий вдруг неожиданно для собравшихся заявил: «Сегодня я петь не буду. У меня нет настроения. Лучше я вам расскажу о Театре на Таганке, о его спектаклях, о своих творческих планах и отвечу на вопросы». Как только он начал свой рассказ, из зала посыпались записки. Высоцкий тут же начал их зачитывать и отвечать на вопросы».

Сопровождавший Чепрасова майор милиции Семен Кушнеров дополнил рассказ своего начальника рядом красочных деталей: «Рассказывал артист много интересного, но в тот день в зале была, видимо, не его публика...

Тишина в зале постепенно стала переходить в гул, послышался свист, спорадические выкрики: «Кончай сказки! Пой! Что дурачишься, напился, что ли?»

Развязка наступила неожиданно. Очередная записка была такого содержания: «Кончай трепаться. Начинай петь!» Как и предшествующие, Высоцкий прочитал ее вслух, на какое-то мгновение он умолк и растерянно посмотрел в зал. Но затем, как бы спохватившись, бросил записку на пол, повернулся и скрылся за занавесом».

О том же сообщил и композитор Николай Луганский, помогавший организовать концерты в Калининграде: «Наступил последний концерт в Калининграде.

Самый последний. Высоцкий чувствовал себя очень плохо. Об этом он и сказал публике, выйдя на сцену. Извинившись за свое состояние, предложил вместо исполнения песен рассказы о своем творчестве, о ролях, о работе в театре и кино. Блистательный, остроумный рассказчик и импровизатор, он рассказывал, показывал сцены, читал знаменитый монолог Гамлета. Кто, когда и где мог бы все это слышать и видеть?! Выступление Высоцкого прервал пьяный окрик из зала:

«Кончай болтать, бери гитару и пой!»

Высоцкий остановился, долго смотрел в притихший зал и ушел за кулисы.

Я с трудом сдерживал в дверях толпу пьяных «поклонников». Жестко и твердо остановил Высоцкий прорвавшуюся за кулисы публику: «Выступить не буду».

В закулисной комнатке он сидел, потрясенный свершившимся, прижимал гитару, как будто кто-то хотел ее отнять. В глазах были слезы».

Тут сыграло свою роль то, что на последнем концерте преобладали жители не города, а области, для которых это был, возможно, единственный шанс в жизни услышать пение легендарного Высоцкого. И они не могли скрыть разочарования. Ведь они приехали за песнями, а не для того, чтобы слушать рассказ о Театре на Таганке и грядущей постановке «Зеленого фургона».

Один из поклонников Высоцкого слушал три концерта подряд из-за кулис калининградского Дворца спорта: «Между концертами приезжала «Скорая» – делали уколы. На сцене стоял весь мокрый... Все время врачи в белых халатах. Было много цветов, на одном из концертов Высоцкий сказал:

– Вы меня завалили цветами, как братскую могилу».

Во время концертов в Калининграде Высоцкий познакомился с некой Мариной, которая ему очень помогла, достав наркотики. По словам Янковича, «Володя пообещал ей кинопробы», в связи с чем она в июле приехала в Москву. Ее муж, врач, осмотрел Высоцкого. Никита Высоцкий утверждает, что это произошло не в Калининграде, а в Москве: «Это было дней за десять до 25-го. В квартире был Валерий Янкович... Была одна женщина, которая вызвала врача...

И этот врач сказал, что человек с таким здоровьем не только выступить – жить не может... Живой мертвец! Все посмотрели на него, как на идиота. Но ведь, в принципе, он правильно говорил...

С одной стороны – внешне насыщенная жизнь: спектакли, концерты... А с другой – жить не может... То есть разница колоссальная... А за счет чего, я не знаю... Может быть, допинг?

Да, врач, которого привела женщина, сказал, что внешне человек производит нормальное впечатление, а здоровья как такового – нет».

Не исключено, что вместе с Мариной в Москву приехал и ее муж, который и произвел осмотр.

Тамразов тоже пытался достать наркотики: «Как человек, все понимающий, я помогал ему в каких-то ситуациях, но... В Калининграде мы свели дозу до одной ампулы... Не хватало... Володя мне говорил:

– Я покончу с собой! Я выброшусь из окна!

Я отвечаю:

– Ну нет, Володя, нет у меня. Можешь что хочешь делать – нет.

И Марина эта была ему нужна поэтому... У нее муж был врач, и она могла что-то доставать...»

О том же свидетельствует и Владимир Гольдман: «Там была одна женщина – Марина, очень красивая... Я знал ее по Ленинграду. У нее муж работал врачом, и она сказала:

– Могу помочь.

Она очень хотела познакомиться с Высоцким. Я пошел к Володе, он говорит:

– Накрывай обед».

В Калининграде Высоцкого посмотрел муж Марины и пришел к выводу, что тот жить не может в таком состоянии, а не только выступать, назвав его «живым мертвецом». Но тогда он сказал об этом, разумеется, только жене.

Врач Калининградской психиатрической больницы Анатолий Шварцев рассказывал, как всем миром доставали тогда для Высоцкого наркотики: «Обычная доза – два кубика морфия с промедолом, уже не давала результата. Высоцкому перед концертами вводили 12 кубиков сразу. Запасы наши больничные были невелики, и учет наркотиков велся строго. Поэтому были мобилизованы ресурсы и нашей, и областной, и портовой больницы, и медсанчасти... Санкции на это никто не давал, это была акция доброй воли. Высоцкого слишком любили, чтобы осуждать...»

Кстати, после своего второго концерта Владимир Семенович побывал у меня дома в гостях. И похвастался: «Я, Григорьич, в рот спиртное не беру, а сижу вот на игле. 12 кубов – и 4–5 часов могу работать». А я ему: «Лучше, Володя, это дело, чем на игле».

Когда приезжал Высоцкий, врачи, как кажется, напрочь забывали клятву Гиппократата и действовали вопреки заповеди «не навреди».

В Калининграде у Высоцкого уже вовсю развились галлюцинации. Живший вместе с ним в трехкомнатном «люксе» Николай Тамразов вспоминал: «При мне у него была однажды – как бы это назвать – удивительная ситуация... Бреда?.. Удивительного бреда. Я уже говорил, что мы жили в одном номере. Володя лежит на кровати, нормально со мной разговаривает, потом вдруг говорит:

– Ты хочешь, я тебе расскажу, какой чудак ко мне приходит?

– Ну давай.

Нормальный разговор: вопросы – ответы... И вдруг – это...

– А что тебе рассказать? Как он выглядит?

– Ну расскажи, как выглядит.

Володя кладет голову на подушку, закрывает глаза и начинает рассказывать... Какие у него губы, какой нос, какой подбородок...

– Ну как – хороший экземплярчик меня посещает?

Совершенно спокойно он это говорит. Потом я попросил продолжения. Мне было интересно: он фантазирует или это на самом деле? Непонятно, как это происходит. Я закрою глаза – и могу надеяться только на свою фантазию. А он – видел! Через некоторое время спрашиваю:

– А «этот» еще не отстал от тебя?

– Сейчас посмотрим.

Снова закрывает глаза и продолжает описывать с той точки, на которой остановился. Володя мог с «ним» разговаривать!

– Сейчас он мне говорит... А сейчас спрашивает...

Открывает глаза, и мы продолжаем разговор. Про уход из театра, про желание создать театр авторской песни. Идет нормальное развитие темы... Я снова его спрашиваю:

– А «этот» где?

Володя лежит на боку, теперь ложится на спину, закрывает глаза.

– Здесь. Порет какую-то ахинею.

Один раз я это видел...»

Вот это – настоящий «черный человек», но никакой не домуправ и не офицер. В моменты наркотического бреда, как раньше – бреда алкогольного, все

темное поднималось со дна души барда и складывалось в образ мифического собеседника.

Дело в том, что в 1979 году Высоцкий пишет одну из своих наиболее мрачных и самых исповедальных песен:

Мой черный человек в костюме сером!
Он был министром, домуправом, офицером,
Как злобный клоун, он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.

И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья
И лишь шептал: «Спасибо, что живой».

Я суверен был, искал приметы,
Что, мол, пройдет, терпи, все ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: «Больше – никогда!»

Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы в Тюмень, –
Пора такого выгнать из России!
Давно пора, – видать, начальству лень».

Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег прорва, по ночам кую.
Я все отдам – берите без доплаты
Трехкомнатную камеру мою.

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья – известные поэты:
Не стоит рифмовать «кричу – торчу».

И лопнула во мне терпенья жила –
И я со смертью перешел на «ты»,
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.

Я от суда скрываться не намерен:
Коль призовут – отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил
И худо-бедно, но тащил свой воз.

Но знаю я, что лживо, а что свято, –
Я это понял все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята, –
Мне выбора, по счастью, не дано.

Здесь все проблемы поэта-творца сводятся к проблемам социальным. Ему ломает крылья правящая бюрократия. Для него открыт весь мир, но закрыта дорога к официальному признанию поэтом. За это, да еще возможность свободно творить на родине, без цензуры, он готов отдать все приобретенные блага, но сам прекрасно понимает невыполнимость подобной мены.

В отличие от «Черного человека» Сергея Есенина, где поэт прямо признается, что «осыпает мозги алкоголь», в песне Высоцкого нет прямых отсылок к терзавшим его недугам – алкоголизму и наркомании. Владимир Семенович тщательно скрывал их от широкой публики и понимал, что в этой песне слушатели будут в первую очередь отождествлять лирического героя с автором. Впрочем, об алкоголизме Высоцкого к тому времени слишком хорошо знала уже вся страна. А вот наркоманию ему и его окружению удалось скрывать до самой смерти. Однако косвенный намек на то тяжелое физическое и психическое состояние, в котором находится Высоцкий, содержится в строках о том, что «лопнула во мне терпенья жила, и я со смертью перешел на «ты». Такой переход он связывает исключительно с социальными моментами, с завуалированными преследованиями со стороны властей, с тем, что ему постоянно «перекрывали кислород». Все это в его жизни было и, конечно

же, самым негативным образом влияло на мироощущение Высоцкого и его психическое состояние. Но тут сказались и извечная русская привычка возникающие трудности и проблемы считать порождением исключительно внешних обстоятельств, а не каких-то собственных недостатков и ошибок. Высоцкий, думаю, был искренне убежден в том, что пить и колоться он начал исключительно из-за тягот советской жизни. В то время алкоголизм воспринимали не как генетически обусловленную болезнь, а только как социальную проблему, присущую прежде всего эксплуататорскому обществу. В СССР алкоголизм официально считался одним из «родимых пятен» капиталистического общества и подлежал полному искоренению по мере продвижения к коммунизму. С этим, однако, никак не сочеталась финансовая политика советской власти, основанная, среди прочего, на «водочном» наполнении бюджета. Водка и другие алкогольные напитки оставались немногими относительно бездефицитными товарами в СССР. Ее, по крайней мере в городах, можно было достать практически всегда. Периодически проводимые довольно вялые антиалкогольные кампании успеха не имели и разбивались о железную необходимость получать все большие доходы от торговли алкоголем. Возможно, тут был и еще один скрытый замысел – с помощью пьянства отвлечь народ от трезвого осознания причин жизненного неблагополучия. Вернее сказать, власть, с одной стороны, хотела бы, чтобы народ меньше пил и лучше, производительнее работал, а с другой стороны, больше покупал водки, субсидируя гонку вооружений и прочие государственные расходы, и меньше думал о причинах собственной бедности и несправедливости. Это противоречие разрешалось таким образом, что лозунг трезвого образа жизни так и оставался лозунгом, а наращи-

вание потребления водки и другого алкоголя стало суровой реальностью.

Характерно, что именно в советскую эпоху выпивка стала непременным атрибутом дружеского и делового общения практически во всех слоях населения. А особенно распространен алкоголь был в творческих кругах, что было характерно еще и для досоветского времени. Выпивка издавна считалась стимулом для творческой деятельности и необходимым элементом разрядки для людей искусства. Печальную пальму первенства здесь всегда держали артисты, а именно в артистической среде пришлось больше всего вращаться Высоцкому. Разумеется, природный алкоголизм в таких условиях не мог не развиваться.

Если пагубное пристрастие к алкоголю Высоцкий связывал исключительно с тем, что ему «ломали крылья», то наркоманию он оправдывал неудачной попыткой избавиться от алкоголизма с помощью наркотиков. Тут – правда, но не вся правда. Было еще и желание заглянуть за грань, попробовать запретный плод, в твердом убеждении, что такому гению, как он, Высоцкий, шансонье и барду всея Руси все дозволено если не в плане обращения с другими людьми, то, по крайней мере, в обращении с самим собой. Эту свою ошибку он осознал, когда было уже слишком поздно. Пытался вылечиться от наркомании, но не получилось, потому что поздно спохватился. И, как кажется, в момент написания своего «Черного человека» Высоцкий в глубине души уже понимал, что обречен на скорую смерть. Но все-таки предпринимал попытки спастись.

Михаил Шемякин подметил раздвоение личности у Высоцкого еще в Париже: «Володя ведь многое не говорил. А у него начиналось раздвоение личности... «Мишка – это страшная вещь, когда я иногда вижу вдруг самого себя в комнате!»

То же страшное явление подметил и Янклович, но он склонен был объяснять это мистикой: «С полной ответственностью за свои слова утверждаю, что Володя мог общаться с какими-то потусторонними силами, о которых знал только он... Иногда он, лежа с открытыми глазами, говорил мне:

– Подожди, подожди...

И совершенно отключался от реальности».

На самом деле никакой мистики тут не было, а было обычное для наркоманов раздвоение личности. Ясное дело, что в таком состоянии Высоцкий не то что выступать – жить толком не мог. И, как минимум сразу после столь печально завершившихся калининградских гастролей ему требовалась экстренная госпитализация. Но друзья-администраторы, работавшие с ним, зарабатывали на барде очень неплохие деньги, все откладывали госпитализацию, ссылаясь на нежелание самого Владимира Семеновича. Ну, еще один концертик, ну еще пара-тройка тысяч рублей, ну, Володечка, милый, ну, давай еще чуть-чуть... А ведь тогда уже Высоцкого надо было госпитализировать принудительно, невзирая на все скандалы.

Во время калининградских гастролей Янкловичу удалось уговорить отца Высоцкого согласиться на госпитализацию сына в психиатрическую больницу. И по приезде сразу обрадовал Владимира Семеновича: «Вот отец берет на себя ответственность... Мы положим тебя в больницу. Тебе надо в больницу».

Ответ Высоцкого был обескураживающим: «Валера, я тебя предупреждаю. Если ты когда-нибудь подумаешь сдать меня в больницу – в каком бы состоянии я ни был, – считай, что я твой враг на всю жизнь. Сева попытался однажды это сделать. Я его простил, потому что – по незнанию».

И тут же по телефону дал суровую отповедь отцу. Приехавший на Малую Грузинскую Семен Владими-

рович только растерянно бормотал: «Да что ты, Володя... Я и не собирался...»

По словам Янкловича, «тут я понял, что и отец ничего не сможет сделать».

Мне эти оправдания не кажутся слишком убедительными. И вот почему. Друзья Высоцкого прекрасно знали, что он очень боится психиатрических больниц с их почти тюремным режимом. Но они также отлично знали, что еще больше бард боится смерти. И при желании могли напугать его вполне реальной перспективой гибели. Да и запугивать, в сущности, не требовалось. Ведь врачи на полном серьезе предупреждали, что счет жизни Высоцкого идет уже на недели. Но друзья-администраторы готовы были отпустить его в больницу буквально на два-три дня, рассчитывая, что за столь короткое время его поставят на ноги. Иначе пришлось бы отменять концерты.

В Калининграде Высоцкий заработал больше 6 тысяч рублей – в среднем по 300 рублей за концерт. Оксана утверждает: «Из Калининграда он приехал уставший, злой...» И было отчего злиться. Впервые наркомания привела к срыву концерта.

23 июня, в день возвращения Высоцкого из Калининграда, умерла сестра Марины Влади – Татьяна (Одиль Версуа). Высоцкий собирался во Францию на похороны, но нужного запаса наркотиков у него не было, и он не рискнул отправиться за границу, привычно соврав Марине, что ему не дали визы. На самом деле, по свидетельству Янкловича, «у него все было – и виза была, и билет был заказан... Не полетел он на похороны Одиль Версуа, потому что не было наркотиков. А еще он боялся встречи с Мариной – все это время жил на грани... Поэтому он и говорил:

– Марина мне не простит двух вещей: не полетел на похороны Татьяны и что у меня – Оксана...»

Сам Высоцкий чувствовал, что петля наркомании затягивается все туже, и искал пути к спасению. Но он хотел, чтобы лечение проходило максимально комфортно и заняло бы минимум времени.

Друг Высоцкого Вадим Туманов возглавлял старательскую артель «Печора» с центром в Ухте. Официально она занималась добычей золота, но это давало лишь малую долю доходов. Главным источником заработка было строительство дорог и зданий. Но только золото, как стратегический продукт, позволило добиться от государства снятия ограничений на фонд заработной платы и гибкого штатного расписания. Трудились там вахтовым методом, без выходных, по 12 часов в день, по 8–9 месяцев. Затем отдыхали по 3–4 месяца. Средний заработок в артели был 40 рублей в день. И абсолютный сухой закон. Туманов решил попытаться спасти друга. В интервью корреспонденту «Московского комсомольца» Елене Светловой Туманов на вопрос, знал ли он о наркомании Высоцкого, ответил: «Конечно. Он мне сам сказал. Но он так уверенно говорил: «Вадим, я захочу и в одну минуту брошу». А однажды признался: «Знаешь, я хочу тебе одну неприятную вещь сказать: я, кажется, не могу с собой справиться». Мне стало не по себе, и мы начали думать, как выйти из этого положения. Договорились, что он приедет ко мне в тайгу на месяц. Уверен, что, если бы это получилось, Володя бы справился. Потому что он был крепкий, когда это требовалось. Но он не приехал».

Владимир Шехтман вспоминал: «Была такая договоренность... Володя улетает к Вадиму и запирается в этом домике с врачами, – Туманов его уже приготовил. И Володя все время говорил – вот-вот, вот-вот... Едем-едем... У меня уже билеты были. Я раз сдал, второй...»

Об этом же случае говорил и Янклович: «Мы же тогда поссорились страшно... Купили ему билет, утром Володя должен был лететь.

– Давайте поскорее! Игорек (Годяев, фельдшер «Скорой помощи». – Б. С.) со мной полетит!

Билет купили, а ночью – скандал!

– Достаньте, и все!

– Никуда я не пойду, сейчас никто тебе не даст!

– Тогда я поеду к Бортнику. Он-то даст, если у него есть.

Всегда пугал меня этим, что поедет к Ване.

– Ну поезжай...

Он уехал, ему в какой-то больнице дали, привозит уже пустую ампулу...

– Валера, я тебя очень прошу – завтра утром отведи в больницу. Там же учет.

– Володя, ты столько людей подводишь! Они же всем рискуют ради тебя!

На следующий день вел себя безобразно... Требовал, швырял книги – искал... Мы иногда прятали от него... Я уехал».

Иван Бортник, который, очевидно, все-таки давал Высоцкому не наркотик, а водку, свидетельствует: «Вовка мне говорил:

– Или сдохну, или выскочу...

У него же был билет в Америку».

7 июля Высоцкий предпринял последнюю попытку улететь к Туманову, но в который раз не успел в аэропорт.

Вадим Туманов так изложил события последних недель жизни Высоцкого: «После последнего Володиного возвращения из Франции в первой половине июня мы договорились, что он приедет ко мне в артель «Печора». Планировали, что он будет жить в тайге у реки. Мы приготовили ему домик, заготавливали припасы, ждали. Он бы мог победить болезнь твор-

ческой работой, да и физической не чурался. Человек он был уникальный. Умел слушать и слышать людей, не лез в душу. Все услышанные жизненные истории пропускал через свое сердце. Мы и спорили, и мирились. Всего и не расскажешь – большой кусок жизни прожит с ним... И никогда он не тратил время попусту: всегда с записной книжкой. Не дождавшись Володи, я сам прилетел из Ухты, по-моему, 20 июля. С Володей Шехтманом прямо из Шереметьево утром поехал на Малую Грузинскую. Дверь была приоткрыта, Володи нет. В квартире была только его взволнованная мама Нина Максимовна. Я спросил: «Где Вовка?» Нина Максимовна ответила, что сама не знает. Он попросил ее приехать, и она вот уже час ждет его. Я знал, что двумя этажами выше Володи (на 10-м) живет фотограф Валера Нисанов, который всегда готов был составить компанию для выпивки. Я кивнул Шехтману, он сбежал на 10-й, вернулся, говорит, что Володя там. Тогда я забрал Володю и обругал Нисанова. Потом услышал, как Нина Максимовна резко спросила Володю: «Почему ты пьяный?!» – «Мамочка, только не волнуйся!» – повторял Володя».

В другом интервью Туманов сказал о том же более зло: «А здесь пьянка с повтором. Звоню Володе, а мне отвечает его мама, Нина Максимовна: «Приезжайте, я уже час сижу дома, дверь была открыта, никого нет». Я нашел его на десятом этаже у фотографа Валерия Нисанова. Оба были выпившие. В тот день я впервые увидел, как мама буквально набросилась на Вовку. Он оправдывался: «Мама, мамочка, все будет нормально!» А потом произошла история, которую мне рассказывал Валерий Нисанов. Когда Володя уже выходил из этой пьянки, к нему приехали Иван Бортник и Владимир Дружников. Сидели, и вдруг Дружников с какой-то злостью высказался: «Вот некоторые на «Мерседесах!» Вовка психанул, они даже поругались. Он встал,

налил себе стакан водки, и все пошло по второму кругу. Вскоре его не стало».

Надежды, что Высоцкому удалось бы победить болезнь творчеством, вряд ли были основательны. Ведь и до предполагаемой поездки на Северный Урал он все время творил, а наркомания все усиливалась. Не то что месяца, Владимир Семенович и недели не выдержал бы и без наркотика, и без песен. Он наверняка бы сбежал от Туманова под предлогом поездки в Америку. Ведь гемосорбция (очистка крови), как убедились еще в Москве Анатолий Федотов и другие врачи, лечившие Высоцкого, в его случае никакого эффекта не дала. И чуда ожидать не следовало. Лечиться у Туманова, наверное, было бы достаточно комфортно, но уж точно заняло бы много времени – не меньше месяца, а то и больше.

На состояние Высоцкого самым негативным образом повлиял тот факт, что 10 июля умер актер и секретарь парткома Театра на Таганке Олег (Арнольд) Николаевич Колокольников, с которым Владимир Семенович когда-то дружил, хотя в последние годы близких отношений уже не было. На похороны Высоцкий не пришел – боялся мертвых.

По свидетельству Янкловича, «на Володю эта смерть произвела колоссальное впечатление! Это была первая – близкая, реальная смерть. Он был просто подавлен».

Также Оксана Афанасьева полагает, что смерть Колокольникова роковым образом прервала выход Высоцкого из запоя: «Вот-вот Володя «вышел» – два дня держался более или менее... Но тут умер Колокольников, и Володя с грустью объявляет об этом и начинает пить. То есть ему был важен не только факт смерти, но и повод – «развязать»... Нужна была какая-то оправдательная причина... Ведь в последние годы они с Колокольниковым практически не виделись...

И снова – и шампанское, и водка... С этого времени наркотиков уже не было...

Я и сама была в жуткой депрессии, умер отец... Мы все время об этом говорили... И вместо того чтобы давать ему какой-то жизненный импульс, я сама впала в депрессию... Тяжесть на душе и жуткие предчувствия...

Весь этот год у меня было предчувствие какой-то беды. И это чувство было, начиная с Нового года. Мне приснился страшный пророческий сон...

Сейчас выходят всякие мистические книги. Я к ним отношусь, конечно, скептически, – но вот смерть действительно имеет свой запах. И это ощущение близкой смерти чувствовалось в воздухе постоянно... Постоянно. Был какой-то сгусток отрицательной энергии, который влиял на всех нас. И, может быть, потому что я – женщина, и мне было всего двадцать лет, – я все события тогда воспринимала на эмоциональном уровне. И Володя все чувствовал и понимал... Наверное, это тоже связывало нас.

По мнению Барбары Немчик, из всех людей, окружавших Высоцкого в последние недели и дни, «тепло шло только от одной Оксаны. Как раньше от Людмилы Абрамовой и от Марины Влади... Ему нравилось заботиться о ней, опекать ее».

11 июля Валерий Золотухина отметил в дневнике: «Смерть Олега Николаевича (Колокольникова. – Б. С.)... В театре плохо. Театр – могила.

А там Высоцкий мечется в горячке, 24 часа в сутки орет диким голосом, за квартал слышать. Так страшно, говорят очевидцы, не было еще у него. Врачи отказываются брать, а если брать – в психиатрическую; переругались между собой...»

Тут Высоцкий попытался предпринять решительный шаг, призванный коренным образом изменить его личную жизнь. 13 июля он отправился с Оксаной

в ювелирный магазин «Самоцветы» на Арбате, чтобы купить обручальные кольца. Он задумал обвенчаться с ней по православному обряду.

Вот как об этом вспоминает администратор магазина Элеонора Костинецкая: «Накануне прихода Высоцкий позвонил мне: «Элеонора Васильевна, я могу завтра прийти?» Интересно, что он решил явиться в субботу, когда директор и его зам были выходными. А ведь с нашим заместителем, Ольгой Борисовной, он был в дружеских отношениях. Из этого я заключила, что он хотел как можно меньше привлечь внимания к своему визиту.

Пришел Высоцкий в сопровождении молоденькой девочки лет 18–19. Помню, она была одета в розовый костюм. И, глядя на нее, я тогда почувствовала жгучую ревность! Не женскую, нет. Просто для меня Высоцкий был таким драгоценным камнем, к которому не надо было прикасаться. Выглядел он не очень... Я еще его спросила: «Володя, у вас, наверное, был вчера веселый вечер. Не желаете ли рюмочку коньячку?» Но его спутница твердо сказала, что, если он выпьет, она с ним никуда не поедет. Тогда я принесла бутылку минералки, которую Высоцкий и выпил. После чего сказал: «Мне нужно купить обручальные кольца для одного приятеля и его невесты». Я поинтересовалась размерами. «Точно не знаю, – сказал Владимир Семенович. – Но примерно как на меня и вот на нее...»

Я промолчала, лишь многозначительно посмотрела на него и позвонила в секцию, попросив принести лотки с обручальными кольцами. По моему совету он выбрал обычные тоненькие колечки, без всяких наворотов. После чего пригласил меня на концерт: «Я вам позже сообщу, где он состоится, – сказал Володя. – Но обещаю, что это будет лучшее выступление в моей жизни!» Однако меньше чем через две недели его не стало...»

По словам Оксаны, «он говорил: «Я хочу, чтобы ты была моей женой». Он знал, что умрет, и ему хотелось, чтобы после его смерти я была официально записана в его жизни, чтобы я не осталась брошенной. Он говорил: «Я разведусь с Мариной. И мы начнем жить». – «Володя, это никому не нужно, забудь...»

Оксана утверждает, что венчаться Высоцкий ее уговаривал после смерти Колокольникова: «Володя рвался обвенчаться...

– Володя, нас все равно не обвенчают. Ты же женат!

– Нет, давай! Обвенчаемся – и все!

Остановить его было невозможно, он хватал за руку и тащил.

Мы даже кольца купили... А женщина в ювелирном, которая Володю знала, смотрела как-то подозрительно... Володя говорит:

– Да это мы для друзей... Хотим сделать им подарок...

Мы покупали сразу два кольца – это точно, – мерили, Володя говорил:

– Как ты думаешь, им подойдет?

Скорее всего, это было в ювелирном отделе «Военторга». Нас водили в какое-то подземелье.

Далее мы поехали в одну церковь... Я даже не выходила из машины. Потом поехали во вторую... Володя говорит:

– Ну ладно. Здесь – нет. Но вот мне сказали про одно место, там точно обвенчают. Потом поедем...

Это было уже в последнее время, но когда точно?»

Валерий Янклович считает, что покупать кольца Высоцкий и Оксана ездили без него: «Точно помню, что это было в воскресенье (по мнению Валерия Перевозчикова, скорее всего, это было 13 июля. – Б. С.). Я увидел кольца, когда они объездили церкви. Оксана мне рассказала. Я говорю Володе:

– Ты с ума сошел...

Он отвечает:

– Я хочу – если со мной что-то случится, – чтобы она знала, что это не просто так, что это серьезно».

Практически Высоцкий повторял финал судьбы своего героя – поручика Бруснецова из фильма «Служили два товарища». Бруснецов венчается с женщиной, с которой только что познакомился, венчается в те минуты, когда Севастополь собирается покинуть последний пароход с бойцами армии Врангеля. Бруснецов так объясняет это решение: «Пусть все рухнет в тартарары, но хотя бы это будет свято». Однако посадить на пароход свою Сашу, а также любимого коня Абрека Бруснецову не удастся, а без них жизнь на чужбине для него бессмысленна, и он кончает с собой. Не исключено, что Высоцкий подумывал о самоубийстве, устав мучиться от ломки и в глубине души догадываясь, что вылечиться не удастся, что наркомания постепенно разрушает его мозг, его личность, и боялся дожить до высокой стадии этого разрушения.

Высоцкий и Оксана так и не обвенчались. То ли не нашлось священника, который рискнул бы обвенчать человека, состоящего в официально зарегистрированном браке совсем с другой женщиной. То ли такой священник все же нашелся, но обвенчаться они не успели из-за внезапной кончины Владимира Семеновича. Но нельзя сбрасывать со счетов и версию, что в истории с венчанием Высоцкий просто блефовал, как и с обещанием забрать Оксану в Америку, венчаться не собираясь, а лишь обнадеживая Оксану грядущим церковным браком, чтобы она дождалась его возвращения из Парижа, а потом – из Америки, если остаться там надолго не получится.

В любом случае история с несостоявшимся венчанием еще раз доказывает, что Высоцкий в Бога не верил, иначе не стал бы так издеваться над та-

инством церковного брака. О неверии Высоцкого хорошо известно из свидетельств друзей и Марины Влади. Поэтому его не отпевали. Между тем в песнях и стихах Высоцкого не раз поминается Господь и всевышний, присутствуют библейские сюжеты. Но, принимая во внимание неверие поэта, в данном случае все это используется лишь в качестве художественных образов.

«Ему бы хотелось нормальную семью. Ему нравилось, когда в доме уютно, когда есть еда, когда я что-то готовила. «Ну давай кого-нибудь родим», – говорил он. «Ну, Володя, что это родится? Если родится, то одно ухо, и то глухое». Я так неудачно пошутила, что Володя даже офигел: «Ну и юмор у тебя». Но ребенка я никогда бы не стала от него рожать, потому что не была уверена, что от наркомана родится здоровый».

В последние месяцы жизни Высоцкий из-за наркотиков стал все более забывчивым, безосновательно обвинял друзей в краже у него кассет и прочих вещей, которые сам же отдавал до этого совсем другим людям. Хотя здесь и друзья не всегда бывали безгрешны. Так, еще до серьезного увлечения наркотиками Высоцкий подарил одному из своих друзей из числа актеров Таганки свою кожаную куртку, привезенную из-за границы и вызывавшую у коллег неподдельную зависть. Утром, протрезвев, Высоцкий, узнав о том, что подарил куртку, попросил вернуть ее обратно, упирая на то, что был в беспамятстве. Но новый владелец куртки заявил, что возьмет ее себе на память. После этого их дружба пошла врозь.

Но что было еще хуже, Высоцкому приходилось все чаще врать своим друзьям и близким.

Янклович вспоминал: «Он мог Марине одно сказать по телефону – поворачивался и нам говорил другое: Оксане – одно, мне – совершенно другое...»

Оксана тоже начала замечать за своим любимым эту крайне неприятную черту: «Вообще, это время жуткого вранья. Володя врал Марине. Мы врили ему и друг другу: да, вроде бы состояние ничего...»

По словам Янкловича, дружба с фотографом Валерием Нисановым, жившим двумя этажами выше, особенно усилившаяся в июне 1980 года, объяснялась тем, что накануне Олимпиады был значительно усилен контроль за наркосодержащими препаратами в московских поликлиниках и больницах. Ведь, как не без оснований полагали власти, среди гостей Олимпиады окажется немало наркоманов, а лишние скандалы властям были не нужны. А у Нисанова, как вспоминает Янклович, «всегда было шампанское и водка. Конечно, он все знал и старался не давать...»

Однажды Володя подходит к нему, уже в плохой форме... Валера говорит:

– А у меня ничего нет...

Володя открывает холодильник, а морозилка вся забита бутылками водки – горлышки торчат. Он посмотрел-посмотрел:

– Да, действительно, ничего нет».

О том же говорил и Анатолий Федотов: «У Валеры всегда было... Если Володю прижимало, он всегда выручал. Иногда это необходимо... В это время Володя стал очень сильно поддавать... Бутылку водки – в фужер! И пару шампанского за вечер.

Ушел в такой запой – никогда его таким не видел...

– Володя, да брось ты это дело!

– Не лезьте! Не ваше дело!

Было такое ощущение, что у него отсутствовал инстинкт самосохранения».

А вот что рассказывал сам Нисанов: «Однажды Володя наливает в фужер – а у меня были такие: большие, по 500 граммов – бутылку водки. И р-раз! За-

лпом. А Валера Янклович увидел – он же его охранял от этого дела – и говорит:

– Раз ты так! Смотри – и я!

И себе в фужер. Выпил – и упал».

Неудивительно, что по части выпивки Янклович не смог соревноваться с Высоцким. У барда, скорее всего, была уже та стадия алкоголизма, когда на усвоение алкоголя уже мобилизованы все силы организма, и даже огромные дозы спиртного не вызывают опьянения. Но вслед за этим через некоторое время обычно наступает последняя фаза, когда алкоголик пьянеет уже с одной-двух рюмок водки. Высоцкий до этой стадии, к счастью (или к несчастью?), не дожил.

Оксане показалось, что на какое-то время Высоцкий пришел в норму: «Через несколько дней после приезда (из Калининграда. – Б. С.) у Володи был спектакль. И это время, по-моему, Володя был в норме... Собирался к Туманову, были такие разговоры, что надо кончать с наркотиками, что это невыносимо. А это действительно было невыносимо!

И вот приезжает эта Марина из Калининграда с портретом, который теперь висит в квартире. По-моему, Нина Максимовна его повесила. Я открываю дверь... Кажется, она привезла еще баночку меда. Я говорю:

– Минуточку, подождите здесь.

Ну откуда я знаю, кто она такая, – там сумасшедших ходила тьма. Я захожу к Володе:

– Там пришла какая-то Марина из Калининграда, говорит, что к тебе. На что Володя отвечает:

– Не пускай!

Вот и все... А то говорили, что я ее выгнала. Получается, что я какая-то злодейка.

А на следующий день в театре я встречаю маленького Илюшу (сына Янкловича. – Б. С.), и он мне говорит:

– А ты знаешь, у Володи в Калининграде была Марина... Вот как ты у него в Москве, так она – в Калининграде...

И это говорит мне десятилетний мальчик! Ну, я сделала вид, что все нормально, но стою и жду Володю. Пятнадцать минут, двадцать минут, тридцать минут... И уже собралась уходить. Вдруг появляется Володя, и я ему говорю:

– Где ты был?

– Да ты знаешь, пришла эта Марина из Калининграда...

– Ах так! Вчера ты ее не пустил, а сегодня в театре принимаешь! Я с тобой не поеду.

Значит, иду я, а Володя на машине едет за мной.

– Да не поеду я с тобой!

То есть нормальная сцена ревности... А потом я все-таки села в машину, и весь вечер у нас были «разборки». Володя мне рассказал, кто она такая, что у нее муж – врач, что все это фигня. В общем, мы помирились.

А на следующий день... Тогда мы с друзьями снимали такой любительский триллер, на любительскую, естественно, кинокамеру. Все было очень серьезно и очень смешно. Нас была целая банда, снимали мы все это на улице, и Володя там снимался. Он играл мрачного водителя «Мерседеса».

Подошел милиционер, спрашивает:

– А что это вы здесь снимаете? Здесь нельзя! Отдайте пленку!

Пленку мы ему не отдали, но он чуть не отобрал у нас камеру.

А потом мы поехали к американскому посольству – действие нашего фильма происходило за границей, нужна была соответствующая натура – и стали снимать стоящие там иномарки. Нас тут же остановили – уже американцы не хотели, чтобы их снимали.

И мы веселились со страшной силой... Ну да, почти весь год был мрак и кошмар, но были же и такие дни».

Высоцкий, очевидно, объяснил Оксане, что калининградская Марина нужна была ему только потому, что ее муж мог доставать наркотики, и секс с ней был для Высоцкого лишь своеобразной платой за эту важнейшую для него тогда услугу. Его жизнь все больше подчинялась единственной потребности: иметь каждый день необходимое количество наркотиков, дозы которых постоянно возрастали.

Окружение Высоцкого чувствовало, что конец не за горами, но серьезных попыток организовать ему длительное лечение в стационаре не предпринимали. Скорее речь шла о восстановлении сил для очередных концертов, после которых рано или поздно вновь наступала ломка. Особенно ухудшилось положение летом 80-го, в связи с Московской Олимпиадой, когда контроль за наркосодержащими препаратами в клиниках и больницах был усилен. Высоцкий почти постоянно ощущал их дефицит и испытывал невыносимые страдания.

И круг друзей уже определялся только их способностью достать дурман, дающий мнимое спасение от мук. Оксана Афанасьева утверждала: «Вот Валера (Янклович. – Б. С.) считает, что он сторонился писателей, поэтов... Да ничего подобного! С удовольствием бы общался, если бы не болезнь».

Володя Шехтман – очень хороший человек, Игорек Годяев – хороший, приятный человек, Толя Федотов – веселый, хороший человек, да еще и врач, Валера Янклович – самый близкий, хороший человек... С ними можно посидеть, пообщаться... Но связать всю свою судьбу, общаться изо дня в день, практически не расставаясь, на протяжении целого года – почему?! Чем больше была зависимость, тем больше были нужны

эти люди. А вот Сева Абдулов – не мог или не захотел доставать, он и исчез на полгода.

А тот же Федотов – ну не было бы болезни, да разве мог бы Толя днями не выходить из Володиной квартиры?!»

Хирург Владимир Баранчиков вспоминал: «Наверное, именно с февраля это и началось – постоянные поиски... И вокруг были люди, которые так или иначе были с этим связаны. Да, общались, дружили, любили, – но главное – это...»

Владимир Шехтман признал: «Мы все были все-таки младшими друзьями... В этом все дело... Даже Вадим (Туманов. – Б. С.). А потом, Вадим бывал наездами...»

Туманова вряд ли, конечно, можно отнести к младшим друзьям Высоцкого. Хотя бы потому, что Вадим Иванович был более чем на десять лет старше барда. И никогда не доставал ему наркотики, хотя при желании наверняка мог бы сделать это.

Туманов так описал трагический финал: «Мы уложили Володю спать, посидели молча. На следующий день я снова приехал с утра. Был и на следующий день. В квартире Володи находились Нина Максимовна, Валерка Янклович и Анатолий Федотов. Мы пришли к единому мнению, что Володю нужно срочно госпитализировать. Приехала бригада из Склифсовского. После осмотра пообещали подготовить ему отдельную палату и завтра забрать. Я провел у Володи день и ближе к вечеру уехал. Вечером позвонил, поговорил с мамой, с Янкловичем. Потом перезвонил еще в одиннадцать. Вернувшийся с дежурства Федотов ответил, что опасности нет и Володя уже спит. А около четырех утра меня разбудил сын Вадим: «Володя умер».

Смерть Высоцкого все предчувствовали, но в то же время надеялись – пронесет. Оксана Афанасьева вспоминала: «Как бы все знали, но никто ничего и не

знал. Все думали, что это какие-то игрушки, что все не так серьезно, как есть на самом деле. Была Олимпиада, в Москве был режим, все гораздо строже, чем обычно. Нельзя было достать наркотики. Это потом уже некоторые говорили: «Что же вы не сказали, что ему так плохо, я бы привез, у меня было». Ну даже если бы вовремя привезли, он укололся и остался бы жив. А дальше-то что?

Но в принципе все виноваты. Ведь к нам приезжали врачи из Склифа, консилиум решал – класть его в больницу или нет. Но все боялись взять на себя ответственность – все-таки это Володя. Доктор Федотов после его смерти, видимо, испытывал угрызения совести и сам себя посадил на иглу, чтобы испытать то, что испытал Володя.

И еще – родители. Очень жесткий папа: «Володя, так нельзя, это позор». Он был хороший человек, но... Например, долго скрывал, что он еврей, – это уже как-то характеризует человека. У меня, как и у Володи, папа еврей, а мама русская. После смерти Володи его отец сказал мне: «Я думаю, тебе не стоит приходить на похороны».

Позднее Федотов говорил, что если бы он владел тем опытом, который получил, став наркоманом, то Высоцкого он смог бы вылечить. Но сам себя врач исцелить не смог и умер от передозировки.

12 июля Высоцкий в последний раз играл Свиригайлова после настойчивых просьб Любимова. Во время спектакля ему пришлось колотиться.

Шехтман вспоминал: «Приезжаю в театр. Володя дал мне два маленьких флакончика закручивающихся и говорит:

– Чеси к Толику Федотову!

Толика на месте нет, я – обратно:

– Володя, Толика нет.

Он звонит, Толик появился...

– Давай еще раз.

Я еще раз туда и обратно.

При мне в уборной – раз! ввел наркотик! – пошел доигрывать...»

Голь на выдумки хитра. Вместо строго подотчетных ампул стали использовать флакончики, за которые отчитываться не надо.

А 13 июля был очередной «Гамлет» с участием Высоцкого. Опять он играл плохо, держался только на наркотиках. И приехал он всего за пять минут до начала спектакля.

Оксана вспоминала: «Володя играл, я его ждала. Посылал ли он кого-нибудь? Наверное... Тогда мы все были в состоянии «боевой готовности» – в любой момент мчаться куда-то. Но я – гораздо меньше, чем ребята. Они же все это доставали...»

Алла Демидова, игравшая в том «Гамлете» королеву Гертруду, свидетельствует, что играл Высоцкий неплохо, только время от времени забывал текст: «Володя плохо себя чувствует, выбегая со сцены, глотает лекарства... За кулисами дежурит врач «Скорой помощи». Во время спектакля Володя часто забывает слова. В нашей сцене после реплики: «Вам надо исповедаться» – тихо спрашивает меня: «Как дальше, забыл». Я подсказала, он продолжал. Играл хорошо. В этой же сцене тяжелый занавес зацепился за гроб, на котором я сижу, гроб сдвинулся, и я очутилась лицом к лицу с призраком отца Гамлета, которого я не должна видеть по спектаклю. Мы с Володей удачно обыграли эту «накладку». В антракте поговорили, что «накладку» хорошо бы закрепить, поговорили о плохом самочувствии и о том, что – слава Богу – отпуск скоро, можно отдохнуть. Володя был в мягком, добром состоянии, редком в последнее время...»

Сомнительно, конечно, что, забыв текст, Высоцкий мог хорошо играть. Вероятно, Демидовой не хо-

телось говорить что-то дурное об игре Высоцкого в одном из последних в его жизни выходов на сцену.

Все друзья Высоцкого сходятся в том, что он был человеком физически сильным и здоровым. Если бы не терзавшие его недуги, он бы мог жить долго. Основатель советской школы карате Штурмин так характеризовал физическое состояние Высоцкого: «Физически Володя был очень одарен. Ну, например, он «крутил» переднее сальто с места, – в общем, таких людей немного. По физическому развитию... намного превосходил обычный средний уровень».

С ним согласен врач-реаниматолог Леонид Сульповар: «Физически Володя был очень развит, в нем всегда чувствовалась невероятная сила. Именно мужская сила. А здоровье? При всей его физической развитости и тренированности в последние годы здоровье, конечно, было подорвано».

Также сценарист Игорь Шевцов, с которым собирались ставить фильм «Зеленый фургон», вспоминал, что «Володя собирался сам играть Красавчика. Я заметил, что он староват для этой роли. Вот если бы он выглядел так, как на фотографиях Плотникова... На той серии, где он с Мариной, с Говорухиным.

– Чепуха! Только заняться собой немного – и сразу же буду таким, – уверенно сказал он».

Всеволод Абдулов свидетельствует, что после небольшой тренировки Высоцкий «спокойно крутил сальто».

А Валерий Янклович утверждает, что даже в самом плохом состоянии похмелья или наркотического опьянения бард «находил время сделать несколько упражнений. Ну, допустим, отжаться...»

Но в тот период, когда происходила агония, в физическом отношении Высоцкий уже превратился в развалину.

Самой трагичной и страшной была последняя неделя жизни Высоцкого. Оксана описала ее так:

«Я только не помню, как ходила в институт, как экзамены сдавала. А все остальное помню. Такого прежде с ним не случалось. Ощущение безысходности. Страшно. Он кричал, как раненый зверь...»

В то же время она утверждает, что никто из окружения Высоцкого не верил всерьез, что Высоцкий может умереть в самые ближайшие дни: «Я даже предположить такого не могла. Странно, что это вообще произошло, все были ошарашены. Если бы допускали мысль, что такое случится, наверное, не думали бы ни о какой законности, о репутации. Просто уложили бы его в больницу, несмотря ни на что. Предполагали, что все не настолько серьезно: мы же никогда не сталкивались с этим. Здоровый молодой мужчина взял и умер. Он здоровый, он пересилит это – думали так. А он действительно был очень сильный, спортивный. Занимался боксом, акробатикой, был такой накачанный. Поэтому все и думали, что пересилит, переборет, переживет.

А Володя все предчувствовал. Днем он сказал: «Сегодня я умру». – «Володя, не говори глупости». – «Нет, это вы говорите глупости». Он был спокойный. Я ведь и заснула только потому, что наступила какая-то странная тишина и Володя перестал кричать. Он мне сказал: «Я нормально себя чувствую, иди поспи». – «Да? Ты уверен?» И вот буквально за три часа, что я спала, он, очевидно, умер...

Есть вещи, которые знаю только я и о которых я никогда никому не скажу. Я была счастлива, а если ты любишь человека, то что бы с ним ни происходило, все равно – счастье. Кто знает, как бы все сложилось, если смоделировать нашу жизнь: он бы оставил Марину, женился бы на мне, мы бы родили ребенка. Володя, наверное, так же бы пил, заглядывался бы на других женщин, и, наверное, это было бы для меня трагедией...

Наверное, я какая-то избранница – мне в жизни повезло дважды. У меня был Володя. А потом у меня появился Леня, и я никогда не думала, что такое может повториться. У меня и Леня появился благодаря тому, что в моей жизни был Владимир Семенович... Через два года после Володиной смерти я пришла в театр, и у той же самой администраторской, где познакомилась с Володей, увидела Леню. Попросила прикурить. И для меня было важно то, что он работает в этом же самом театре, что он знал Володю, а тот его очень ценил. Я помню, когда вышел фильм «Тот самый Мюнхгаузен», мы с Володей смотрели его вместе. «Господи, какой потрясающий актер, – говорю я. – Какой-нибудь прибалт?» – «Почему прибалт? Это наш, Ермолай». Леня по своим жизненным принципам похож на него».

Можно сказать, что все ожидали смерти Высоцкого в ближайшем будущем, но его смерть в данный конкретный момент оказалась для всех неожиданностью.

Валерий Янклович признавался: «Ведь все же знали, что Володя должен умереть... Несколько врачей говорили, что это – вопрос времени. Они знали, а Федотов помогал... Это единственный человек, которому Володя доверял полностью. А кому еще он мог позвонить в 4 утра? И Толя вставал, мчался... А у него же семья, дети...»

Вину за то, что окружение Высоцкого было чересчур благодушно настроено по поводу состояния его здоровья, Оксана возлагает на Федотова: «Кто такой Толя? Это человек, который в любых ситуациях пытался достать наркотик. И доставал. В такие моменты Володя ему доверял полностью.

Пытался лечить Володю. Толя был так уверен в себе, что эта уверенность передавалась другим».

В последние годы жизни наркомания фактически изолировала Высоцкого от прежнего круга друзей. Теперь он дружил почти исключительно с врачами и театральными и концертными администраторами, т. е. с людьми, которые могли достать наркотики или помогли заработать деньги на их приобретение или, на худой конец, могли в любое время дня и ночи предоставить в неограниченном количестве водку, коньяк и шампанское, на которые Высоцкий теперь смотрел только как на не слишком удачный заместитель наркотиков.

16 июля состоялся концерт Высоцкого в Подлипках, что в подмосковном Калининграде (ныне Королеве). Именно там располагается знаменитый ЦУП – Центр управления космическими полетами. Вероятно, во время этого концерта Высоцкий пообещал участвовать в сеансе прямой связи с космонавтами, назначенном на 24 июля. Он еще не знал, что концерт в Подлипках станет его последним концертом.

Люди, близко знавшие Высоцкого, в 1980 году уже понимали, что развязка близка, что счет уже пошел не на годы, а на месяцы. Поэтому, когда Ивана Бортника спросили: «А вы считаете, можно было бы уберечь его от беды, что-то могло помочь?» – он с грустью признался: «Нет. Там уже никто помочь не мог...»

В 1980 году Высоцкий написал песню «Грусть моя», которую успел исполнить только однажды – на концерте в Московском НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Габричевского 14 июля. Там были такие строки:

...подобно вредному клещу,
Впился сам в себя, трясущ за плечи,
Сам себя бичую я и сам себя хлещу,
Так что – никаких противоречий.

Наверное, в глубине души бард уже осознавал, что губит себя сам, но перебороть недуг не мог. И перед этим концертом на предложение одного из врачей полечиться Высоцкий бодро ответил: «Нет уж, или лечиться, или петь и плясать!»

18 июля Высоцкий последний раз вышел на сцену Таганки. Он играл Гамлета, свою лучшую театральную роль. Этот день оказался насыщен событиями.

Утром Высоцкий сказал Шевцову, что не будет снимать «Зеленый фургон». Тот вспоминал: «Он открыл дверь, улыбнулся – очень характерная ироническая полуулыбка-полуусмешка.

– Заходи. А ты похудел.

– Да ты что-то тоже осунулся, Володя...

– Не буду я снимать это кино, – сказал он мне на кухне. – Все равно не дадут снимать то, что мы хотели. Если уж сценарий так мурыжат, то будут смотреть каждый метр материала.

Сказать по правде, я уже был готов к такому разговору.

– Володя, ты уверен, что твердо решил?

– Что ж я – мальчик? – снова повторил он. – Они, суки, почти год резину тянут. Я ушел из театра, договорился...

– Да обычная история в кино, Володя...

– А мне что с того, что – обычная? Так дела не делают!

– Да. Ты, наверное, прав. – Я предпочел не настаивать. Это было бесполезно.

– Нам надо искать режиссера, – успокоился он. – Может, Юра Хилькевич?

– Да он начинает что-то делать сейчас. Ладно, Володя, о режиссере потом. Уговаривать тебя я не могу и не буду, но мне жалко. Могло быть хорошее кино.

Он подумал и вдруг сказал:

– А вообще-то, мне нужно снимать картину. Вот Вайнеры напишут продолжение для меня... Может быть, мне и ставить?..

– Ты все продумай. Если ты сейчас безмотивно отказываешься – все! Больше у них никогда ничего не получишь. Скажут: «Высоцкий? – Несерьезно!»

– Да? Ты прав... В общем, поедешь в Одессу, про меня пока определенно не говори.

– И не собираюсь. Это уж твое дело. Только ты подумай все же...

– Не хочу сейчас кино. Хочу попробовать писать прозу. Потом – Любимов говорит о «Борисе Годунове».

– Пушкинском?

– Пушкин, Карамзин – монтаж такой...

...Презрительно отозвался о врачах:

– Советы их один другого стоят! Они же не лечат меня, падлы, а только – чтоб потом сказать: «Я лечил Высоцкого».

Хвалился, что сделал две песни для картины, которую снимает Гена Полока, а потом вдруг сказал:

– Я откажусь у него сниматься.

– С чего?

– Не нужно мне.

– Не отказывайся. У Полоки тяжелое положение – недавно умерла мать...

– Я знаю.

– Он давно не снимал, ему обязательно надо выкарабкаться, а ты его отказом – топишь.

Он помрачнел, сказал:

– Да? Ладно, посмотрим.

Так мы пили чай на кухне, болтали. Он был тих, улыбался, все потирал правую сторону груди, как бы массировал, а потом стал нетерпеливо поглядывать на дверь.

– Ну, я пойду наверх, – наконец поднялся он, – вечером спектакль, а сейчас – туда... Пойдешь?

Я отказался.

– Ладно. – Он не настаивал. – В общем, как договорились. Я возвращаюсь из Парижа, ты – из Одессы. Звони – расскажешь, что и как...»

Как видим, в последние дни жизни Высоцкий был полон самых разнообразных творческих планов, но ни на чем конкретном не мог остановиться. Он легко отказывался от прежних планов, подводя тем самым друзей, но когда ему объясняли последствия, начинал задумываться. Боюсь, что в тот момент Владимир Семенович уже не мог сколько-нибудь плодотворно играть на сцене, писать сценарии, концерттировать и тем более ставить фильмы. Ему требовалась срочная госпитализация. Но друзья все медлили.

Генрих Падва встретился с Высоцким днем перед последним «Гамлетом». По его словам, Высоцкий был «в очень тяжелом состоянии... Я уехал, мы с Валерой Янкловичем перезванивались:

– Я не знаю, сможет ли он сегодня играть... Ладно, приезжай в театр».

По свидетельству Янкловича, «Володя приехал в театр, ему было плохо... Он же перед началом «Гамлета» сидит на сцене... А тут ушел со сцены и прибежал ко мне в кабинет:

– Федотов не приехал?..

Я вызвал Годяева, он приехал. У него наркотика не было, Игорь решил обмануть Володю – сделать ему витамины...»

Витамины существенной перемены не внесли. По свидетельству Янкловича, после укола «на пять минут ему стало легче, а потом – еще хуже».

Хотя тот же Падва, увидев Высоцкого вечером, был потрясен: «Собранный, подтянутый, он спускался по лестнице, которая около буфета... А всего несколько часов тому назад... Володя немного смутился, потому что мы были не настолько близки...»

– Генрих, ты понимаешь, у меня было такое состояние...»

– Да ерунда...»

Высоцкий в этот раз почти что умирал на сцене. Вот как это описала Алла Демидова: «Он очень плохо себя чувствовал. У него было предынфарктное состояние. В сцене «мышеловка» у него было какое-то время – он выбежал, хотя и должен был быть на сцене. Он выбежал за кулисы, там был врач, который сделал укол. Он вбежал абсолютно бледный, а потом, когда играл, становился красный, возбужденный, красные глаза...»

Леонид Филатов тоже заметил неладное: «Мы все время за кулисами готовились к выходу вдвоем, потому что много проходов всяких... Я говорю:

– Как, Володя?

– Ой, плохо! Ой, не могу...»

И врачи были...»

Наталья Сайко тоже поняла, что Высоцкий играл из последних сил: «Последний спектакль... Когда занавес развернулся и отгородил нас от зала, Володя сказал:

– Я так устал... Не могу больше, не могу!

– Володенька, миленький, потерпи, ну еще немножечко».

Вот это «потерпи еще немножечко» можно отнести не только к последнему спектаклю Высоцкого, но и к последним дням его жизни. Боюсь, что смерть он уже ждал как избавление от невыносимых мук наркотической ломки.

Помогло Высоцкому доиграть в последний раз то, что ближе к финалу «Гамлета» ему сделали еще один укол – настоящим наркотиком. Янклович вспоминал: «Наконец приехал Федотов. Володя еще раз убежал со сцены, Толя сделал укол... Он еле-еле доиграл... А если бы Толя не приехал? Все могло бы произойти...»

Я уж не знаю, какой Федотов профессионал, но по-человечески – он ведь тащил Володю все последние годы».

По словам одного из присутствовавших, на последнем «Гамлете» «Володя был со стеклянными глазами». На этот раз глаза остекленели не от пьянства, а от наркотиков.

Валерий Янклович вспоминал: «Когда Володя приехал домой после «Гамлета», то сказал:

– Да что ж это такое? Почему они со мной не здороваются?! Я сказал: «Здравствуйте!», а они не ответили...

Мы ждали, что хоть кто-нибудь из театра приедет к нему в эти дни...»

Но многие знакомые, присутствовавшие на последнем «Гамлете», вспоминали, что Высоцкий был в совершенно невменяемом состоянии и не узнавал людей, которых он давно и хорошо знал. Так что он вполне мог не заметить, что актеры с ним поздоровались, и подумать, что они бойкотируют его из зависти.

18 июля в Москву ненадолго прилетел Всеволод Абдулов, гастролировавший в Днепропетровске. Высоцкого он застал уже после спектакля, у Нисанова: «Володя очень плохо себя чувствует, поэтому обстановка тяжелая... Там находятся Валера Янклович, Володя Шехтман, Валера Нисанов...

Володя сидеть не мог, пытался выпить – не получилось... Потом сказал:

– Ладно, я пошел.

Пошел вниз, к себе, наверное, чтобы попытаться лечь спать... Мы остались у Нисанова. Закрылась дверь, и нависла страшная пауза. Я сказал:

– Неужели непонятно, что Володя может умереть каждую минуту? Когда Володя говорит: «Да ладно, все будет в порядке», – мы ему верим и успокаиваемся...

Но ведь Володя действительно может умереть! Что будем делать? Я сам не знаю, что надо делать, но что-то делать надо...

На следующий день я улетел в Днепропетровск и прилетел в следующий раз 24 июля».

Янклович признался: «Федотов 18-го достал наркотик в последний раз, Олимпиада закрыла все каналы... И за эти дни Володя ни разу не попросил... Видно было, как его ломало, – давали ему успокаивающее. И все эти дни я – там, все эти дни...

После «Гамлета» Володя резко переходит на водку. Началась Олимпиада – все больницы и аптеки на строгом учете».

По словам Федотова, «Володя вошел в такой запой, что ему было не до этого... Водка – это была замена. Многие ребята так делают – когда хотят соскочить с иглы, входят в запой. Но водка – неадекватная замена, она действует грубее...»

Оксана вспоминала: «Да, с наркотиками было сложно... Но вот одна девушка, которая много раз вырвала Володю, мне говорила потом, что у нее было...

– У меня дома все было... Почему мне никто не позвонил?! Я бы приехала и привезла...

Хотя, конечно, это не спасение... При тех дозах, при том образе жизни, который он вел, Володя все равно бы умер...»

Встает вопрос, действительно ли Высоцкий не просил наркотиков в последние дни своей жизни и действительно ли ему не могли их достать из-за строгостей, связанных с Олимпиадой?

Янклович настаивает: «Ведь он действительно не просил наркотиков в последние дни... Он это для себя решил. А если бы он взмолился, мы бы, конечно, нашли... Может, так он решил покончить с болезнью?»

Оксана придерживается того же мнения: «Володя прекрасно понимал, что превратился в зависимо-

го человека. Он очень переживал, что приходилось просить, унижаться... Самым большим желанием его в последний год было – завязать с наркотиками. И это было самое главное, потому что дальше так он жить уже не мог».

Шехтман, правда, насчет стремления Высоцкого завязать с наркотиками был настроен довольно скептически: «Володя хотел как? – у него же все сразу получалось, абсолютно все! И тут он хотел так же... Вот сегодня я начинаю лечиться, а завтра встану здоровым! А с этой болезнью так не бывает».

Я склонен здесь согласиться с Шехтманом. Высоцкий попробовал лечиться, но когда увидел, что не медленного эффекта лечение не дает, опустил руки.

19 июля в Москву прилетел Туманов. Он передал Высоцкому гимнастический комплекс через Шехтмана, но сам с ним встречаться не стал.

Вот последнее стихотворение Высоцкого, которое должно было стать песней к фильму его давнего друга, режиссера Геннадия Полоки, «Наше призвание», где он собирался играть одну из главных ролей – секретаря комячейки Сыроегина, по словам Полоки, «этакого партийного работника с гитарой». 19 июля Высоцкий позвонил Полоке и пропел свою последнюю песню:

Из класса в класс мы вверх пойдем, как по ступеням,
И самым главным будет здесь рабочий класс,
И первым долгом мы, естественно, отменим
Эксплуатацию учителями нас!
Да здравствует новая школа!
Учитель уронит, а ты подними!
Здесь дети обоего пола
Огромными станут людьми!
Мы строим школу, чтобы грызть науку дерзко,
Мы все разрушим изнутри и оживим,
Мы серость выбелим и выскоблим до блеска,
Все теневое мы перекроем световым!

Так возрасти же нам школу, строитель, –
Для душ наших детских теплицу, парник, –
Где учатся – все, где учитель –
Сам в чем-то еще ученик!

В этой песне отразилась определенная ирония Высоцкого по отношению к советским экспериментам 20-х годов, в том числе и в сфере школьного образования. В этом он вполне совпадал с режиссером фильма, одним из основоположников иронического жанра в советском кино. Отсюда – слова насчет отмены эксплуатации учителями учеников. Кстати сказать, этот лозунг не выдуман Высоцким. В школе 20-х годов на полном серьезе проводились лозунги о равенстве педагогов и школьников и были отменены традиционные уроки, поскольку они, дескать, позволяли первым диктовать свою волю вторым. Но вот об учителе, который «сам в чем-то еще ученик» – глубоко автобиографичны. Высоцкий, с одной стороны, ощущал себя учителем-пророком, а с другой стороны, – все время сомневался как в масштабе своего таланта, так и в том, правильно ли его воспринимают читатели, зрители и слушатели. Можно сказать, что он не только воспитывал аудиторию, но и учился у нее.

20 июля Высоцкого навестил его сын Аркадий. Он в те дни поступал на физтех, у него неудачно складывались экзамены (две четверки), и он приходил попросить помощи у отца. Вот что он рассказывал об этом: «В середине дня отец проснулся... Я сразу понял, что он действительно сейчас не в состоянии разговаривать. Но, поскольку я уже пришел, решил подождать, пока не придет Валерий Павлович.

Пытался завести какой-то разговор, стал спрашивать:

– Вот я слышал, что ты из театра уходишь?

Но отец был явно не в настроении разговаривать... Через некоторое время он стал говорить, что ему

надо уйти, говорил что-то про Дом кино... Я, естественно, считал, что он пойдет искать, где выпить... И даже порывался сам сходить, потому что не хотел, чтобы отец выходил из дома... На нем была рубашка с коротким рукавом, и, в общем, было видно, что дело там не только в алкоголе (очевидно, сын заметил многочисленные следы уколов. – Б. С.)... А мама мне уже говорила, что с отцом происходит что-то странное, но я сам таким его ни разу не видел... Он прилег. Потом стал делать себе какие-то уколы – на коробках было написано что-то вроде седуксена... Он не мог попасть... Все это было ужасно... Ужасно. И настолько отец был тяжелый, что я стал звонить всем, чтобы хоть кто-то пришел! Взял телефонную книжку и звонил. Не помню, что сказали Смахов и Золотухин, но приехать они отказались.

Нина Максимовна сказала:

– Почему ты там находишься?! Тебе надо оттуда уйти!

И тут позвонил Янклович и сказал, что сейчас приедет.

Приехал он через час с сыном и кое-что привез... Это «кое-что» было завернуто в бумажку. Отец сделал такую трубочку и стал это нюхать. При этом половину рассыпал. Валерий мне честно сказал, что это такое, когда стал уходить...

Когда отец понюхал эту штуку, ему стало немного лучше. Он стал дарить мне какие-то вещи. Я делал вид, что очень этого не хочу, но брал, конечно... Потом он взял тетрадь и пытался что-то спеть. Текст он читал, а играть не мог, пальцы были нескоординированы. Но он пытался петь, одну песню он спел полностью, а другую не закончил. Я мало что разобрал, потому что была нарушена и артикуляция.

Я попросил его спеть какие-то другие песни, – просто чтобы его отвлечь, и было такое «сражение» в

течение трех часов... Примерно в три уехал Янклович, а в шесть приехал Туманов. Да, я дозвонился до Туманова, а посоветовала это мне сделать Нина Максимовна: «Это очень хороший друг, позвони ему, он поможет».

Я позвонил, сказал, что очень прошу приехать, что не могу удержать отца, – он хочет уйти.

– Хорошо, – сказал Туманов, – я сейчас приеду. Только ни в коем случае не давай ему выпить! Не выпускай и не давай выпить. Если очень будет рваться – отведи к соседям.

Он назвал квартиру Нисанова.

Некоторое время мы еще спорили: идти – не идти... Пришлось идти. На десятый этаж я не поехал – боялся, что в лифте отец может спуститься вниз. И повел его направо – по-моему, к Гладкову. Я завел его, уже был вечер, потому что, когда я уезжал, было шесть часов. Мы зашли, Гладков сказал: «О, Володя!» – они начали что-то говорить... Потом отец пошел на кухню, а я задержал Гладкова и сказал:

– Пожалуйста, не давайте ему выпить. Не давайте, пока не приедет его друг.

– Да не волнуйтесь, все будет в порядке...

Потом я все-таки побежал на кухню и увидел, как отец допивает из рюмки спирт... Хотя нет, я сначала позвонил из комнаты Туманову. Кто-то был дома, и мне сказали:

– Все в порядке, он уже выехал.

Я, радостный, что Туманов уже едет, пошел на кухню и увидел, что он уже выпил. Его сразу расслабило. Гладковы пытались его оставить...

– Нет-нет... Я хочу домой. Аркаша, пошли домой.

Я, конечно, страшно на Гладковых обиделся. Мы пошли домой, отец лег на диван и заснул. И тут приехал Вадим Иванович. Видимо, он выехал сразу, как только я ему позвонил. Он приехал очень быстро, но все-таки не успел.

Я еще посидел минут сорок с Тумановым, мы поговорили о том, что же делать. Я стал просить, чтобы отца положили в больницу. Сказал, конечно, что жена Гладкова дала отцу выпить. Туманов сказал все, что он об этом думает... После этого я спросил:

– Почему отца не кладут в больницу, ведь явно видно, что человек больной?

Он ответил, что они так и сделают. Что он еще раньше хотел это сделать, но уехал, а отец сбежал... А теперь он приехал и сам этим займется. Да, еще он сказал, что только-только приехал.

А еще Туманов меня наставлял:

– Вот видишь, какая это гадость... Эта водка...

В общем, говорил со мной, как с ребенком.

После этого я сразу же уехал, потому что очень перенервничал и страшно устал. Вадим Иванович говорит:

– Ну теперь иди и не волнуйся.

И тут же кому-то начал звонить...

Да, самое последнее: когда отец это принял – по моему, это был кокаин, – он много говорил... В частности, он звал маму (Л.В. Абрамову. – Б. С.)...»

Свидетельство Аркадия Высоцкого подрывает утверждения Янкловича, что в последние дни наркотики Высоцкому не доставали. Валерий Павлович приносил Высоцкому кокаин. Можно предположить, что из-за более строгого контроля медикаментозные наркотики приходилось заменять «чистыми», вроде кокаина или героина, которые издавна являлись предметом контрабанды и основой богатства мировой наркомафии. Естественно, упоминать про кокаин было совсем не с руки.

21 июля, по словам Шехтмана, произошло примирение Высоцкого со Станиславом Говорухиным, с которым они были в ссоре после скандального неприхода барда на запись интервью на «Кинопанораме»:

«Володя зашел с Говорухиным к Нисанову, хлопнул подряд два фужера водки... Слава еще говорит:

– Ну, Володя, ты даешь...

Да, он появился за несколько дней до смерти. Что-то по делу... По-моему, они с Володей спустились...»

Говорухин так описал их последнюю встречу: «В последний раз я видел Высоцкого за несколько дней до смерти. Мы с ним были в небольшой ссоре. Я ему позвонил, мы встретились. Я хотел помириться, и он был счастлив поговорить. Разговор был у него дома, потом посидели у Валеры Нисанова. Это было 22 или 21 июля...»

Вечером 21 июля Высоцкий отправился в театр, где должен был играть в «Преступлении и наказании», но уговорил Любимова его заменить, так как чувствовал, что играть уже не в силах. Очевидцы рассказывают, в тот день только и твердил, что скоро умрет. Хотел вернуть долги людям, у которых что-то брал. Из театра заехал к Ивану Бортнику. Тот так написал в воспоминаниях: «Володя зашел в шикарном вельветовом костюме с ключами от «Мерседеса». Увидел у меня бутылку водки «Зверобой» и сразу: «Давай, наливай!» Я говорю тихо жене Тане: «Спрячь ключи от машины». Выпили, он захорошел. «Поехали, – говорит, – ко мне продолжать! Возьмем у Нисанова спирту». Потом спохватился: «Где ключи-то от машины?» Я говорю: «Спрятали, лучше возьмем такси». Отправились к его девушке Оксане на Грузинскую. Там Володя достал спирт, выпили, говорили допоздна.

Утром он меня будит: «Ванятка, надо похмелиться». Я сбежал в магазин, принес две бутылки «Столичной» по 0,75. Оксана устроила скандал и одну разбила в раковине на кухне. Но мы все-таки похмелились из оставшейся бутылки. Я попрощался с Володей, взял такси, уехал домой, отключил телефон и лег спать, потому что через день у меня был важный спектакль...»

В другом интервью Иван Бортник утверждал, что в последнее время Высоцкому для опьянения «совсем немного надо было»... Это противоречит другим свидетельствам, согласно которым даже в последние дни он выпивал залпом одну-две бутылки водки.

Оксане так запомнилась последняя встреча Высоцкого с Бортником: «Это же продолжалось всю ночь – с вечера до утра. Ваня пел какие-то песни... А – лето, все окна открыты. Вот тогда я и напилась, только не димедрола, а элениума. А Ване сказала:

– Убирайся отсюда!

Ваня Бортник... Ваня – человек и эрудированный, и интересный, и действительно талантливый актер – в общем, личность. И когда Бортника не было, Володе чего-то не хватало. Не знаю почему... Может быть, он давал Володе какой-то заряд?

Но Иван часто провоцировал Володю на то, что ему нельзя было делать. Зная Володю, он говорил ему обидные вещи. Он знал, на каких струнах играть, и делал это... А после этого случая я с Ваней не здороваюсь, более того, мы стали врагами...

Это было ужасно... Я сказала:

– Все! Я ухожу. Или пусть он уйдет.

– Нет, останьтесь оба. Если ты уйдешь, я выброшусь с балкона!

Я оделась, выскочила на улицу... Смотрю – Володя висит на руках, держится за прутья решетки...

Не помню, как я взлетела на восьмой этаж, как мы с Ваней вытащили Володю...»

Это была еще одна демонстрационная попытка суицида, рассчитанная на то, чтобы удержать любимую и достать наркотики или выпивку.

Оксана Афанасьева признавала, что такого рода демонстрации окружающих уже изрядно достали: «Попытки самоубийства... Не то чтобы Володя этим давил – последнее время это было элементарным из-

девательством над ближними. Все уже так устали, что я понимаю людей, которые побудут с ним немного, а потом едут домой и говорят себе:

– Господи! Да пропади оно все пропадом!»

В сугубо демонстративном характере попыток самоубийства Высоцкого не сомневается и Янклович: «Да он бы ни за что в жизни сам не разжал руки! Все эти «попытки самоубийства», по-моему, просто театр. «Не достанете наркотик, выброшусь из окна», – да сколько раз он это говорил.

Когда я приехал утром 22 июля и зашел в квартиру, Володя был одет и в довольно приличном состоянии... Двадцать второго ему позвонили из ОВИРа:

– Владимир Семенович, зайдите за паспортом.

Перед ОВИРОм он заехал к сестрам в аптеку и умолял их дать «лекарство»... Потом поехал в ОВИР, получил паспорт и купил билет в Париж на 29 июля. Поехал он вместе с Оксаной... Еще он заехал в аптеку, где у него работали знакомые, и выпросил у них несколько ампул «лекарства». Только на них и держался».

Здесь Валерий Павлович сам себя опровергает. Получается, что и после 18 июля Высоцкий активно требовал наркотики, в том числе с угрозой самоубийства, и получал требуемое. Помогали главным образом медики. Им было очень неудобно отказывать народному кумиру, да и, надо полагать, давали они наркотики вовсе не бесплатно. А о том, что они губят «шансонье всея Руси», предпочитали не задумываться, наивно убеждая себя, что только он (она) и достает наркотики для Высоцкого, и одна-две ампулы в день погоды не сделают. А на самом деле у певца были десятки поставщиков, не знавших о существовании друг друга.

Янклович признавал: «Но он действительно был невыносим в последнее время... А мы все были просто

люди... И Оксана – тоже человек... Когда она забрала его на два дня, уже на второй позвонила:

– Валера, я больше не могу. Умоляю, заберите Володю.

И мы с Федотовым поехали и забрали».

О том же свидетельствовал врач Олег Филатов, знакомый Вадима Туманова. Он вспоминал: «Я видел Володю в возбуждении... Он метался, рвался – просто ревел от боли и бешенства:

– Ну сделайте что-нибудь!

Кто мог справиться с ним в таком состоянии?!»

И Оксана Афанасьева вспоминала, сколь ужасен был ее возлюбленный в последние недели жизни: «Володя не мог найти себе места – то рвался ко мне, то он должен немедленно лететь к Туманову, то к Марине, то в Америку... Он все время куда-то рвался: он хотел сам от себя убежать. Он же понимал, что это была уже не ЕГО жизнь и что это был не ОН.

После укола были какие-то светлые мысли, но это было так недолго. Одной ампулы хватало на полтора-два часа, не больше».

22 июля состоялся последний разговор Высоцкого с Мариной Влади. Она приводит его в своей книге:

«– Я завязал. У меня билет и виза на двадцать девятое. Скажи, ты еще примешь меня?

– Приезжай. Ты же знаешь, я всегда тебя жду.

– Спасибо, любимая моя.

Как часто я слышала эти слова раньше... Как долго ты не повторял их мне. Я верю. Я чувствую твою искренность. Два дня я радуюсь, готовлю целую программу, как встретить тебя, успокоить, отвлечь. Я прибираю в доме, покупаю продукты, приношу цветы, прихорашиваюсь...»

Искренен ли Высоцкий в этом разговоре? Или привычно врет, чтобы его в очередной раз приняли? А, может, все-таки надеется во Франции вылечиться

от наркомании? Марина же в очередной раз готова обманываться...

Как рассказывал поэт и режиссер Анатолий Бальчев, находившийся в те дни в Москве, 23 июля «Володя был в плохой форме. Он приехал около одиннадцати. Мы сели за один столик (в ресторане ВТО. – Б. С.), начали что-то есть... Наш столик сразу окружили какие-то люди. Все хотели выпить с Володей. Я разгонял народ как мог. Когда мы вышли на улицу, Высоцкий был уже изрядно подвыпивший и попросил меня довезти его до дома. С нами поехали тогда актер Владимир Дружников и Оксана Афанасьева. Из ресторана я прихватил с собой бутылку водки. Володя буквально вырвал ее из моих рук: «Я должен угостить Дружникова, сам пить не буду». Еще я хорошо запомнил, что у него с собой было много денег – целая пачка. И мне показалось, что он от них хотел избавиться, пытался их отдать.

Как будто предчувствовал...»

Шаповалов утверждал: «Моя жена видела Володю у ресторана ВТО – совершенно отрешенное лицо... Он ее не узнал».

Валерий Нисанов рассказал, чем кончилась история с Дружниковым: «...Он однажды ездил в ВТО. Привез актера Дружникова и поднялся ко мне. На кухне посадил его напротив себя:

– Давай, рассказывай про всех наших ушедших друзей... Как жили...

Дружников рассказывал по мере своих сил...

А потом спросил:

– Володя, а правда, что у тебя два «Мерседеса»? А правда, что у тебя квартира 120 метров?

– Да, правда...

Обыкновенная зависть... И это не понравилось Володе...

– Ну, я пошел. Валера, ты его проводишь...

И ушел к себе...»

В тот же день с Высоцким встречался Штурмин, которого он даже сразу не узнал. Когда они обнялись, Штурмин почувствовал «напряженное, твердое, как камень, тело» барда. Знаменитый каратист отметил, что Высоцкий был в ужасном состоянии, а присутствовавшие в квартире «все время хотели вывести Володю из этого состояния – шампанским... А Володя все время показывал пальцем – шприц! шприц! А они говорят:

– Ничего, ничего... Еще один день, и он выскочит!»

Значит, серьезность положения не сознавалась Федотовым и Янкловичем вплоть до 24 июля. Они надеялись, что терапия Федотова даст свой результат.

Барбара Немчик в этот день Высоцкого не видела, только позвонила на Малую Грузинскую и убедилась, что дела – хуже некуда: «К трубке подошел Валера Янклович.

– Как у вас там дела?

Валера ответил:

– Сама не слышишь? (Было слышно, как Володя стонал: «А-а! А-а!»)

– И так все время?

– Все время...»

Оксана Афанасьева подтверждает слова Барбары: «Я приехала днем...

А Володя стал падать... А все сидели за столом и говорили:

– Это при тебе он так выкаблучивается... О-о... Смотри, опять упал... А тебя не было – нормально...

А вечером приехали эти врачи... Федотов все время делал уколы... Седуксен и что-то такое, что делают перед операцией.

Я Федотову говорила:

– Толя, ты мне объясни: как может реагировать организм на два совершенно противоположных препарата?!

С одной стороны, он колол успокаивающее, снотворное, а с другой – вводил тонизирующие препараты. Он делал настолько странные вещи, что даже я удивлялась:

– По-моему, происходит разлад нервной системы – ведь ей непонятно, какую команду выполнять: не то отдыхать, не то бодрствовать...

– Да нет, – говорил Толя, – это специально так... Он как бы отдыхает и в то же время в тонусе...

А Володя уже никак не реагировал».

Состояние Высоцкого стало всерьез беспокоить Янкловича и Федотова. Они попытались что-то сделать. Янклович вспоминал: «Мы поехали в Склиф, я разговаривал с Сульповаром и со Стасом Щербакковым... С этого дня, я думаю, в квартире была Нина Максимовна, Володя был уже совсем плох. Он стоял, кричал все время... Все время накачивал себя шампанским...»

Про шампанское говорит и Федотов: «Бутылки две-три в день выпивал... Шампанское на наркоманов лучше действует...»

Леонид Сульповар вспоминал: «Утром 23-го в Институт Склифосовского приехали Янклович и Федотов. Федотов попросил у меня хлоралгидрат – есть такое средство, которое мы назначаем при перевозбуждениях. Но даем только с помощью клизмы. Этот хлоралгидрат в таких больших ампулах – 400 миллилитров.

Федотов попросил... Янклович сказал мне, что он – реаниматолог. А я слышал от Володи, что у него есть такой надежный человек, который часто его сопровождает... Хлоралгидрат я дал...»

Хлоралгидрат – это успокаивающее, снотворное и анальгезирующее средство; в больших дозах, близких к токсическим, обладающее наркотическими свойствами. Оно может вызвать сон продолжительностью

до восьми часов. При приеме внутрь всасывается быстро, обладая раздражающим действием. Хлоралгидрат также угнетает процесс возбуждения, в больших дозах снижает артериальное давление. В сочетании со снотворными, седативными, противосудорожными нейролептическими средствами эффект усиливается. Очевидно, Федотов использовал хлоралгидрат в сочетании с седативными средствами просто как сильное снотворное.

Сам Федотов так объясняет происходившее в тот день: «23 июля при мне приезжала бригада реаниматоров из Склифосовского. Они хотели провести его на искусственном аппаратном дыхании. Был план, чтобы этот аппарат привезти к нему на дачу. Наверное, около часа ребята были в квартире – решили забрать через день, когда освобождался отдельный бокс. Я остался с Володей один – он уже спал. Потом меня сменил Валера Янклович».

Сульповар в целом подтверждает его слова: «23 июля я дежурил. Ко мне приехали Янклович и Федотов. И говорят, что Володя совсем плохой. Что дальше это невозможно терпеть и надо что-то делать».

Мы поехали туда. Состояние Володи было ужасным! У него уже были элементы цианоза – такая синюшность кожи. Запрокинутая голова, знаете, как у глубоко спящего человека, особенно выпившего, западает язык.. Мы положили его на бок, придали правильное положение голове, чтобы язык не западал.. Прямо при нас он немного порозовел. Стало ясно, что или надо предпринимать более активные действия, пытаться любыми способами спасти, или вообще отказаться от всякой помощи..

Мы посоветовались (вместе со мной был Стас Щербаков, он тоже работал в реанимации и хорошо знал Володю) и решили: надо его брать в больницу. На что нам ответили, что это большая ответственность и что

без согласия родителей этого делать нельзя... Договорились, что заберем Володю 25 июля».

Оказывается, роковая задержка с госпитализацией была связана с тем, что на принудительную госпитализацию нужно было согласие родителей. Очевидно, речь опять-таки шла о госпитализации в наркологическое отделение. Но ведь, принимая во внимание состояние Высоцкого, речь могла идти об экстренной госпитализации по жизненным показателям посредством «Скорой помощи». Для этого никакого согласия родителей не требовалось. И ни Янклович, ни Федотов ничего не говорят о том, что 23 или 24 июля они каким-либо образом смогли получить согласие на госпитализацию их сына у Семена Владимировича и Нины Максимовны.

Станислав Щербаков вспоминал: «Наша последняя встреча, если ее можно так назвать, – вечером 23 июля. Почему мы его не взяли тогда?»

Приезжаем, открывает дверь какая-то девушка. На диване под одеялом лежит человек и вроде слегка похрапывает. Это был Федотов – тогда я в первый раз с ним столкнулся. Спрашиваю:

– А где Высоцкий?

– Там, в спальне.

Проходим туда и видим: Высоцкий, как говорят медики, в асфиксии – Федотов накачал его большими дозами всяких седативов. Он лежит практически без рефлексов.. У него уже заваливается язык! То есть он сам может себя задушить. Мы с Леной придали ему положение, которое и положено наркотизированному больному, рефлексы чуть-чуть появились. Мы с Леной анестезиологи, но и реаниматологи тоже, видим, что дело очень плохо. Но ведь и Федотов – реаниматолог-профессионал! Я даже не знаю, как это назвать, это не просто халатность или безграмотность!.. Да если у меня в зале лежит больной и я знаю, что он

умрет, – ну нечего ловить! Но когда я слышу храп за-
павшего языка, я спокойно сидеть не могу.

Ну а дальше пошел весь этот сыр-бор: что делать?»

Почему Сульповар и Щербаков поддались угово-
рам Федотова и Янкловича и не забрали Высоцкого
в больницу немедленно? Наверное, если бы они так
сделали, то агонию Высоцкого удалось бы продлить
еще на несколько месяцев. Вероятно, окружение Вы-
соцкого до последнего не хотело, чтобы ему офици-
ально диагностировали состояние наркотического
опьянения и надеялось обойтись домашним лечени-
ем. Более того, его, как кажется, собирались всерьез
поставить на ноги к очередному «Гамлету» 27 июля
и к вылету в Париж 29 июля. Неужели надеялись, что
госпитализация продлится всего два-три дня?

Врачи Склифософского утверждают, что, по
крайней мере, мать Высоцкого не возражала против
госпитализации. Сульповар предложил следующую
методику: «Взять человека на искусственную вен-
тиляцию легких... Держать его в медикаментозном
сне несколько дней и вывести из организма все, что
возможно. Но дело в том, что отключение организ-
ма идет с препаратами наркотического ряда. Тем не
менее хотелось пойти и на это. Но были и другие
опасности.

Первое: Володю надо было «интубировать» – то
есть вставить трубку через рот. А это могло повредить
голосовые связки. Второе: при искусственной вен-
тиляции легких очень часто появляется пневмония, как
осложнение... В общем, все это довольно опасно, но
другого выхода не было».

Щербаков был еще более категоричен: «Я одно-
значно настаивал, чтобы немедленно забрать Высоц-
кого. И не только потому, что тяжелое состояние, но
и потому, что Высоцкому здесь просто нельзя быть.
Нельзя!

Федотов сказал, что это нужно согласовать с роди-
телями – хотя зачем в такой ситуации согласовывать
с родителями?! Сульповар позвонил. По-моему, он го-
ворил с Ниной Максимовной, она сказала:

– Ребята, если нужно, конечно, забирайте!..

Но дальше все уперлось в то, что у него через не-
делю самолет.

Тогда стали думать, что делать сейчас? Забрать к
себе (в Институт Склифосовского. – Б. С.) – это прак-
тически исключалось. Потому что к Высоцкому не
только в реанимации, но и в институте тоже относи-
лись уже очень негативно. Особенно – руководство,
потому что они понимали, что институт «курируют»
сверху. Да еще совсем недавно была целая «наркоман-
ная эпопея» – по этому делу несколько наших сотру-
дников попали за решетку. Так что на неделю никак не
получалось, но дня на три мы могли бы его взять...

Два-три дня подержать на аппарате, немного под-
лечить... Интубирование создает угрозу голосовым
связкам, – но что говорить о потере голоса, если воп-
рос стоит о жизни и смерти?! А пневмония как ослож-
нение при лечении на аппарате, во-первых, бывает
не так уж часто, а во-вторых, ее можно избежать... Ко-
нечно, отдельный бокс – это идеальный вариант, но
какой бокс?! Вот я вспоминаю нашу старую реанима-
цию... У нас был один большой зал – наш «централь-
ный цех», как мы его называли. Там было пять или
шесть коек. Потом – ожоговый зал, чуть поменьше. И
была проходная комната, где стояла одна койка, – ну
какой это бокс? Бокс – это что-то отдельное, с отдель-
ным входом...

Так что вопрос стоял, главным образом, о длитель-
ности... Мы же видели, в каком он состоянии: в глубо-
ком наркозе плюс асфиксия... Это однозначно – надо
забирать. Если бы шла речь о любом другом – даже о
пьянчужке на улице, – забрали бы, да и все! А тут все

уперлись: по-моему, каждый хотел сохранить свою репутацию».

Репутацию, к несчастью, пытались сохранить и Сульповар с Щербаковым. Они боялись, что начальство устроит скандал в связи с наркоманией Высоцкого, скрыть которую было уже практически невозможно, и может выявить врачей и медсестер, которые поставляли ему наркотики. Хотя прекрасно понимали, что ни три дня, ни даже неделя Высоцкого не спасут, и в действительности лишь длительное лечение может дать ему хоть какой-то шанс на спасение.

Вот как эта борьба мнений администратора и врача, с одной стороны, и двух врачей – с другой, отражена в интервью, которые все четверо героев этой грустной истории дали биографу Высоцкого журналисту Валерии Перевозчикову. Станислав Щербаков утверждал: «Федотов вел себя почему-то очень агрессивно – он вообще не хотел госпитализации. Вначале ссылался на родителей, а потом говорил, что справится сам... Я говорю:

– Да как же ты справишься! Практически ухайдокал мужика!

Я тогда сказал все и, по-моему, в достаточно грубой форме. Леня Сульповар... Мне тогда не очень понравилась его позиция – он немного пошел на поводу у Федотова... А Валера Янклович, кстати, это единственный человек, который, по-моему, знает все и о жизни, и о болезни, – или Валера доверял нам, или еще что, – но я не помню каких-то его вставок... И я тогда понял, что от меня мало что зависит. Немного сдался, что ли...»

Янклович, естественно, старался доказать, что от него в данной ситуации ничего не зависело, что это был всего лишь спор трех медиков-специалистов, а он в этой ситуации лишь умывал руки: «Стас Щербаков считал, что надо немедленно везти Володю в

реанимацию. Федотов – что этого делать не надо. Леня Сульповар склонялся то в одну, то в другую сторону...»

Федотов критиковал методику коллег из Склифа: «Вопрос был такой... Они хотели провести его на искусственном аппаратном дыхании, чтобы перебить дипсоманию. (Этим хитрым термином называют склонность к пьянству и запоям на фоне подавленного эмоционального состояния. При этом в советское время под дипсоманией понимали как собственно алкоголизм, так и бытовое пьянство, которые не различались между собой. Алкоголизм тогда считался исключительно социальным злом, а не генетически обусловленным заболеванием. – Б. С.) Чтобы Володя прекратил пить... Ну снимем мы физическую зависимость, но мы не можем устранить психическую зависимость... Был план, чтобы этот аппарат привезти к нему на дачу. Наверное, около часа ребята были в квартире, решили забрать через день, когда освобожденный отдельный бокс. Я остался с Володей один – он уже спал. Потом меня сменил Валера Янклович».

Анатолий Павлович здесь, мягко говоря, лукавит. Он-то прекрасно знал, что Высоцкого собирались лечить совсем не от алкоголизма (тут в крайнем случае можно было вшить «торпеду»), а от наркомании. И как раз относительно наркомании его замечания имели смысл. Физическую зависимость от наркотиков предлагаемые методики позволяли устранить. Федотову удавалось делать это и в случае Высоцкого. Но психическая зависимость, как он убедился, не исчезает, а потому все лечение обречено на провал.

Щербаков, предложивший несколько экзотический вариант лечения на даче, настаивал, что задержка с госпитализацией была связана совсем не с ожиданием отдельного бокса: «Потом говорили о самом оптимальном, на мой взгляд, варианте – пролечить

Высоцкого у него на даче. Эту тему мы с Леной обсуждали, когда еще ехали в такси... Ведь ситуация из рассказа Валеры была достаточно ясной. Не афишируя, пролечить Высоцкого на даче, и пролечить на достаточно высоком уровне. Но в случае чего – юридически мы бы отвечали сами, – ну а что было делать?! Ведь практически все наши контакты были на грани дозволенного и недозволенного. И в Скилфе мы всегда его проводили под каким-то другим диагнозом (но тогда речь шла об алкоголизме, который легко маскировался сердечной недостаточностью, и о гемосорбции (чистке крови), которая применяется не только при наркомании. К тому же наркомания до 1980 года у Высоцкого была не слишком заметна окружающим – Б. С.)...

Как лечить на даче? Есть такой метод, – обычно мы его применяем при суицидальных попытках, – когда человек пытался повеситься... Таких больных, и наркотизированных тоже, мы ведем на аппарате (искусственного дыхания. – Б. С.) и на релаксантах. Причем используются препараты типа кураре. Вы знаете, что стрелы с ядом кураре обездвиживают животных. Так и здесь: все мышцы обездвиживаются, кроме сердечной. И я предложил – провести Высоцкого на аппарате, на фоне абсолютной кураризации. Разумеется, с какой-то терапией: что-то наладить, подлечить, подкормить...»

В. Янклович: «Они предлагали еще какую-то совершенно новую методику с применением кураре... Такого еще никто в Союзе не делал. Они предлагали привезти аппарат на дачу... И все должны были около Володи дежурить – разговаривать с ним...»

С. Щербаков: «Какие тут сложности? Очень трудно уловить момент, когда больной приходит в сознание... И, естественно, начинается возбуждение. Ну, представьте себе – к вам возвращается сознание, и вдруг

вы видите, что у вас изо рта торчит трубка?! Человек не знает – жив он или мертв... Иногда спрашиваешь такого больного:

– Вы знаете – на этом вы свете или на том?...

Вторая сложность: психическое состояние больного, когда он уже придет в сознание. Нужно постоянно его настраивать, то есть кто-то постоянно должен быть рядом.

Так вот, мы хотели привезти аппарат на дачу – и особых проблем не было, взяли бы и привезли. Аппаратов тогда уже было много – никто бы и не заметил. Хотели набрать бригаду опытных ребят – я, Леня, еще несколько человек... Конечно, это не положено, но... Люди же должны когда-то отдавать и рисковать ради этого.

Но все это поломал Федотов:

– Да вы что! На даче! Нас же всех посадят, если что...

Короче говоря, все время чувствовалось, что он не хочет, чтобы забирали Высоцкого. Не хочет! И даже непонятно – почему?.. Что, он считал себя профессиональнее нас? Об этом и речи не могло быть, после того, что мы увидели в спальне. Мы пытались у него узнать: что он делает, по какой схеме... Федотов не очень-то распространялся, но мы поняли, что от промедола он хочет перейти к седативным препаратам – седуксен, реланиум, хлоралгидрат... В общем, через всю «седативу», минуя наркотики. Но это неправильная позиция! И теперь абсолютно ясно, что Высоцкого просто «проспали», как мы говорим... Да Федотов и сам рассказал об этом...»

Л. Сульповар: «И мы договорились, что заберем Володю 25 июля. Мы со Стасом дежурили через день».

В. Янклович: «Они не взяли Володю в этот день... Боялись сделать ошибку, а Федотов все брал на себя – и делал... Его методика, какая бы она ни была, но она

работала. Я не знаю, какие препараты использовал Федотов, но ведь Володя спал, и это хоть как-то привело его в норму.

Было решено, что Сульповар и Щербаков заберут Володю в больницу 25 июля. А когда человек в больнице, всегда есть какая-то надежда...»

С. Щербаков: «В общем, исходя из того, что Высоцкого надо подготовить к 1 августа (в действительности – к 29 июля, к самолету в Париж. – Б. С.) и что его можно взять только на два-три дня, мы решили забрать его через день – то есть 25 июля».

Оксана: «Врачи не взяли. По-моему, они испугались. Они же прекрасно все понимали. Представьте, Высоцкий умирает у них в отделении или у них на руках...»

Хотя это действительно были хорошие врачи».

Да, врачи были хорошие, только временами забывали о клятве Гиппократата и больше опасались за свою шкуру, чем за здоровье Высоцкого. А еще они боялись войти в историю в качестве доктора, который «упустил» такого великого человека, как Высоцкий. Поэтому и перекадывали ответственность друг на друга. В итоге сомнительная честь «упустить» Высоцкого выпала Федотову. А уж идея лечить Высоцкого на даче, как предлагали Щербаков с Сульповаром, по здравом размышлении выглядит полной авантюрой. Ведь Высоцкому в любой момент могла потребоваться реанимация, и одно дело – осуществлять ее в условиях Института Склифосовского, и совсем другое – на подмосковной даче. Пусть даже рядом будут опытные врачи, но у них уж точно не будет всей аппаратуры, которая есть в Склифе. В таких условиях Высоцкий запросто мог умереть, и тогда бы всю бригаду гарантированно и заслуженно посадили бы. Так что Федотов в своих возражениях был совершенно прав. Но он не хотел отпускать Высоцкого в Склиф, так как там

могли усомниться в правильности применяемой им методики лечения и тоже привлечь его к ответственности, хотя бы за незаконную врачебную практику, раз он такие рискованные процедуры осуществляет не в больничных условиях.

Здесь сыграло злую шутку то, что наркомании в СССР как бы не существовало. Ранее в советских больницах Высоцкий лечился только от алкоголизма, а в период своей наркомании в них еще ни разу не попадал. С этим и были связаны опасения врачей. Ведь официально наличие наркомании в СССР не признавалось. И если бы у Высоцкого наркоманию обнаружили (а не заметить ее уже было трудно), сразу же встал бы неприятный для лечивших Высоцкого врачей вопрос, откуда он получал наркотики.

Между тем безудержная пьянка на Малой Грузинской продолжалась и в последний день жизни Высоцкого. И сам бард, по всей видимости, и в этот день кололся наркотиками. Вот от этого всего хотел избавиться Высоцкого Щербаков, но не успел. Юрий Емельяненко, моряк, друг Высоцкого и Туманова, после вынужденного ухода с морской службы ставший представителем Туманова в Москве, вспоминал: «В тот день я был у него до часу ночи... А в четыре часа с минутами Володя умер».

Был там Толя Федотов, Валерка Янклович, был Сева, Вадим был, но он ушел вместе со мной.

Ну, какие слухи! Я вам говорю о том, чему был свидетель, какие слухи?!

Во-первых, мы приехали все поддатые, веселые... Володя спел пару песен. Знаете, мы его никогда не просили петь, он не любил, чтобы его просили. Он вдруг сам, ни с того ни с сего, брал гитару и пел. Это возникало спонтанно... Он сам высовывался со своими предложениями по этому поводу и не принимал чужих рекомендаций и просьб. А вот когда подходи-

ло у него, припирало, он говорил: «Так, спою чего-то новое сейчас или прокатаю новую песню...» А мы уже знали все эти механизмы у него и сами не просили петь.

Так вот, он спел пару песен, сейчас уже не помню какие. Еще Вадим говорил: «Володя, ну что ты орешь, как сумасшедший, как резаный, мы же здесь рядом все?!»

– А я иначе не могу... – и пошел... Орет, а мы рядом кружком сидим возле дивана, у нас перепонки лопаются... Спел он пару песен и еще в кайф вошел, он до этого укололся, видимо... Потом после песен он стал требовать выпить. Схитрил. Он действительно был парень с хитрецей. Сходил на кухню, потом скользнул мимо нас сразу в дверь и наверх. А там, по-моему, художник Налбандян жил или кто-то другой, где он всегда водку добывал, но уже и там не оказалось. Он говорит:

– Ну, могут друзья мои съездить, достать мне водки, мне хочется выпить.

Никто не смог достать... Володя вроде бы затих. Затих, смирившись с обстановкой, что нигде ничего не достанешь, ну куда же – час ночи... Я поднялся, мне было неудобно, пора уже было уходить. Вадим – со мной, мы взяли машину и уехали...

Состояние Володи осталось какое-то непонятное, вроде бы он смирился. Но это было какое-то как бы временное затишье перед невозможностью выполнить то, что хочешь... Он затих и, как был в костюме, так и прилег на тахту...»

И еще, по словам Емельяненко, за неделю до смерти Высоцкий «надрывно говорил: «Эх, мамочка, помру я, помру вот-вот, я чувствую...» – «Да брось ты, Володя!» – испугались мы. «Помру, ребята, я знаю...»

Анатолий Федотов так запомнил последнюю ночь: «Эта ночь для Володи была очень тяжелой. Я сделал

укол снотворного. Он все маялся. Потом затих. Уснул на маленькой тахте в большой комнате.

А я был со смены – уставший, измотанный. Прилет и уснул, наверное, часа в три. Проснулся от какой-то зловещей тишины – как будто меня кто-то дернул. И к Володе! Зрачки расширены, реакции на свет нет. Я давай дышать, а губы уже холодные. Поздно... До сих пор не могу себе простить, что заснул тогда... Прозевал, наверное, минут сорок...»

А Емельяненко Федотов говорил о последней ночи несколько патетичнее и, вероятно, недостовернее: «Я подошел к Володе, что-то ему дурно было, взял пульс – бешеный. Я сел на пол рядом с ним и, держа его руку в своей, так вот и уснул...» Трудно себе представить, что врач заснул, буквально держа руку на пульсе Высоцкого.

Янклович и другие друзья оценили усилия врачей, сумевших оперативно обменять заграничный паспорт Высоцкого (он ведь собирался в Париж) на общегражданский, необходимый для получения справки о смерти и отцу поэта, категорически восставшему против патолого-анатомического вскрытия тела. Валерий Янклович свидетельствует: «Игорь сыграл большую роль именно в посмертном периоде, особенно сразу после смерти. Ведь главным было – скрыть про наркотики. Если бы власти узнали про наркотики, то это во многом могло решить всю посмертную судьбу. А-а, Высоцкий – наркоман?! Зачем хоронить его на Ваганьковском? Зачем потом его издавать?! Времена-то были еще те. Игорь Годяев с Федотовым поехали в поликлинику и «сделали» справку о смерти. Это очень важно. Потом Годяев едет в ОВИР и меняет заграничный паспорт на общегражданский...» Через четыре года на почве несчастной любви Игорь Годяев покончил с собой. А в 1992 году от последствий

наркомании умер кандидат медицинских наук Анатолий Федотов, бывший личный врач Высоцкого и его ровесник.

Оксана Афанасьева так описала конец Высоцкого: «Эти последние дни... В принципе, можно сказать, что Володя находился в состоянии агонии. Последние два дня он вообще не выходил из квартиры. По-моему, он знал, что умрет...»

Федотов утверждал: «Я его наколол седуксеном. Он был в отрубе. Я дал ему поспать. Я еще говорю:

– Да его хоть сейчас бери и уноси...

Я ему абстинентный синдром снял...»

Янклович свидетельствует, сколь ужасно было состояние Высоцкого 24 июля: «Володя задремлет на минутку – и снова бегаёт по комнате... Попросил Оксану посидеть около себя при Нине Максимовне – она приехала рано утром...»

Оксана вспоминала: «На следующее утро приехала мама... Я приехала или ночевала? Валера, все эти дни и ночи – как один кошмарный сон, у меня все это слилось, спеклось в один комок...

Наверное, ночевала... Каждый час Володя просыпался, ходил по квартире... Я или ходила вместе с ним, или делала теплую ванну... Уже не знаешь, что делать, чем помочь?»

Янклович рассказал, как они по очереди сменялись возле терзаемого жуткой ломкой Высоцкого: «Утром я уехал на работу, Оксана осталась... А меня сменила мать, она пришла... Володя все время ходил по комнате, метался, стонал... Рвался куда-то... Мы поставили кресло у двери...»

Высоцкий уже почти ничего не ел. Оксана сходила на рынок, купила клубники и немного дала ему со сливками... Кажется, это была последняя трапеза поэта. И в тот день Оксана впервые осталась на квартире Высоцкого в присутствии его матери.

По словам Янкловича, когда это произошло, «Володя посмотрел на меня совершенно ясными глазами и сказал:

– Вот, а ты говорил, что мать ее никогда не примет...

Я говорю:

– Нет, Володя, этого не может быть...»

Оксана рассказывала: «Кто-то пришел, надо было сделать чай... А Нина Максимовна говорит:

– Нет-нет... Я сама сделаю... Вы идите к Володе...

Володя ходил, стонал, кричал... И я ходила вместе с ним...

Потом я сделала теплую ванну – это снимает ломку... Его же ломало, он все время метался, он места себе не находил...

Володя рвался, пытался выскочить на площадку... Мы ему наливали в рюмку чай, а края мазали коньяком...»

Потом Оксана очень обижалась, что после смерти Высоцкого Нина Максимовна опять перестала ее узнавать: «Я ведь еще и маму встречала – никто не захотел. Она вышла из такси, я подошла к ней:

– Что, Володя?!

– Да, Нина Максимовна.

И она стала оседать, падать... Мы подхватили ее под руки.

А на похоронах она даже не посмотрела в мою сторону».

Янклович грустно заметил: «За эти дни он находился, наверное, много десятков километров... А в день накануне смерти Володя задыхался, стонал, все рвался куда-то... Практически в полубессознательном состоянии... И вдруг подходит ко мне, смотрит на меня совершенно ясными глазами и говорит:

– Ты знаешь, я, наверное, сегодня умру...

Тут я не выдержал...

– Как тебе не стыдно! Посмотри, сколько людей крутится вокруг тебя! Как тебе не стыдно бросаться такими фразами. Успокойся, приляг... Ведь у всех – силы уже на исходе...

А я действительно был на исходе сил. Ведь все остальные более или менее менялись, а я практически круглые сутки был с ним...»

Оксана тоже почувствовала, что «Володя знал, что он умрет... У него болело сердце. Я сказала Федотову:

– Толя, у него болит сердце.

– С чего ты взяла?

– Но он же все время хватается за сердце. Я же вижу, что оно на самом деле у него болит.

– Да ладно, он такой здоровый – еще нас с тобой переживет.

А Володя сел в кресло и говорит:

– Я сегодня умру.

– Володя, что ты всякую ерунду говоришь?!

– Да нет. Это вы всякую ерунду говорите, а я сегодня – умру.

То есть Володя все предчувствовал, все точно знал...

Когда Володя умер, у меня еще неделю вот здесь, на руках, были синяки. Он все время держал меня за руку».

А вот что запомнилось Всеволоду Абдулову: «24 июля я снова прилетел. Была прекрасная погода, а я метался по Днепропетровску, пытаясь достать билет... Все-таки достаю билет в олимпийскую Москву, что было очень сложно...

Прилетел еще в первой половине дня, сразу поехал к Володе. Он нормально ходил... Ну, нормально для его состояния. Но все время хватался за сердце. Я говорю:

– Ну, Володя, уж сердце у тебя было самым крепким органом, – и ты видишь, что творится!

– Ну, хорошо... 27-го у меня последний «Гамлет», после этого сразу поедem в Одессу – и все будет в порядке...

Там начинались съемки «Зеленого фургона», мы уже говорили, что будем снимать в любимых местах, вспоминали Санжейку...

(На самом деле в тот момент Высоцкий ни в какую Одессу не собирался, ибо имел на руках заграничный паспорт и авиабилет на 29-е до Парижа. Он вообще сильно сомневался, будет ли снимать «Зеленый фургон». Возможно, Высоцкий сознательно сказал другу неправду, чтобы не расстраивать его вестью, что съемок фильма, в котором Абдулов так мечтал сняться, скорее всего, не будет. – Б. С.)

Потом приезжали люди от космонавтов... Я вышел на улицу, встретил их... Сказал, что Володя плохо себя чувствует, что он сегодня не сможет...»

А они говорят:

– Как? Мы же договорились! Там люди ждут! Это же прямая связь с космосом и ребята на орбите ждут!

Я говорю:

– Вы поймите, Володя сам переживает по этому поводу... Он очень хотел. Но это просто невозможно!»

Как мы помним, Высоцкий обещал 24 июля приехать в ЦУП и поучаствовать в сеансе прямой связи с находящимися на орбите космонавтами, но сил на этот сеанс у него уже не оказалось. Он не мог ни петь, ни говорить.

В это время на орбите работали космонавты Леонид Попов и Валерий Рюмин, а 24 июля был произведен запуск корабля «Союз-37» с дважды Героем Советского Союза Виктором Горбатко и вьетнамским космонавтом Фам Туаном.

Однако люди из Звездного городка проявили настойчивость. По утверждению Янкловича, им сначала сказали, что Высоцкий в больнице. Но представители

космонавтов этому не поверили и спустя некоторое время вернулись и поднялись на восьмой этаж. Дверь им открыла Нина Максимовна и подтвердила, что сына нет дома. К счастью, Высоцкий в этот момент не стонал, иначе мог бы случиться грандиозный скандал. Представляете, если бы люди из Звездного увидели великого барда в ломке? Впрочем, кто его знает, может быть, они бы как раз и сумели бы в этом случае настоять на немедленной госпитализации и, возможно, хоть немного продлили бы жизнь Высоцкого.

Визит представителей космонавтов встревожил обитателей квартиры на Малой Грузинской. Янклович вспоминал: «После этого сидим мы все... Я караулю у дверей, чтобы Володя не выскочил, Сева сидит на диване...

– Давайте что-то решать! Может быть, его все-таки положить в больницу?!

Я все время – к матери:

– Ну что, Нина Максимовна, будем сдавать в больницу?!

Я тогда говорил, что не надо ждать завтрашнего дня... А Володя же мне сказал:

– Не дай Бог! Не дай Бог, если ты меня отправишь в больницу. Все – между нами все кончено!

Поэтому и просили Нину Максимовну, чтобы она взяла это на себя...

И к Севе:

– А ты-то что молчишь?

Но Сева был тогда после аварии – немного заторможенный...»

Вечером после дежурства приехал Федотов. Он вспоминал: «Была Нина Максимовна... Я взялся за пульс – это было часов в шесть... Ну, думаю, надо «лекарство» привезти...»

Вечером Абдулов ушел на репетицию. Уехала и мать Высоцкого. Последним ушел Янклович. Оста-

лись Федотов и Оксана. Этажом ниже жил известный хирург-уролог профессор Евсей Борисович Мазо. Крики Высоцкого, продолжавшиеся весь вечер и ночь, его изрядно достали. Он несколько раз звонил в квартиру Высоцкого по телефону, просил что-нибудь сделать, чтобы утихомирить барда, говорил, что у него завтра с утра важная операция.

Оксана жаловалась: «Меня больше всего поражало и обижало – никто не оставался! Приехали, посидели, поели, попили чайку – и пошли домой. И все прекрасно! Никому не хотелось сидеть с Володией и не спать ночами... Все устали от этого – ведь у всех были свои проблемы, своя жизнь...

Главное было – чтобы Володя не кричал... Люди уже осатанели от этого... А операция? Могло и не быть у Мазо никакой операции... Все замечательно, когда Володя здоровый, можно пригласить его в гости...

«Вот. Сам Высоцкий...»

А когда Володя умирает?

«Или пусть замолчит, или увези его к себе!»

Они же постоянно звонили: то шубу зальют им, то еще что...

– Прекратите орать! Дайте нам выспаться! Ты что, ничего не можешь сделать?»

От него все действительно устали... Они взяли и привязали его простынями... Ну как привязали... Прибинтовали простынями к этой узкой тахте, чтобы он не рвался. То есть простыни обвязали вокруг кровати. Потом сели на кухне, выпили по рюмочке, вздохнули грустно. И когда все ушли, бутылка осталась на кухне – недопитая.

Я сижу, плачу над ним. Володя успокоился, я его развязываю... И вдруг он открывает глаза – абсолютно нормальные, ясные...

– Оксана, да не плачь ты. Пошли они все...

А потом:

– Вот я умру, что ты будешь тогда делать?

– Я тогда тоже умру...

– Ну тогда – ладно... Тогда – хорошо...»

24-го вечером на Малую Грузинскую опять приехал Аркадий Высоцкий. Он вспоминал: «Прошло три-четыре дня, и я решил возобновить попытку... Я знал, что отец болен, но не думал, конечно, что это кончится так трагически... В этот момент я уже четко понимал, что не поступил, – надо было что-то решать с институтом... И только вмешательство отца могло помочь. Это было двадцать четвертое число, у меня уже было собеседование, и мне сказали, что я не прошел. Я поехал к нему поздно, часов, наверное, в десять.

Мне было страшно неудобно... Я долго стоял в подъезде, видел, что все время выходят какие-то люди – явно знакомые лица, но они, конечно, меня не замечали. Минут сорок я простоял в таком состоянии, потом решил подняться. Звонил по телефону каждые пять минут, никто не брал трубку...

Я поднялся. Дверь открыл Янклович. В квартире был Нисанов – это я видел точно. И у меня такое впечатление, что был Игорь Годяев, потому что я видел из двери весь коридор... Когда Валерий Павлович увидел меня, он начал потихонечку оттеснять меня от двери... Но я увидел, что за его спиной прошел отец, спрашивая:

– Кто там?

И было видно, что он чувствует себя еще хуже, чем в прошлый раз... А меня обозлило, что все они тогда отца бросили, и я сделал попытку зайти в квартиру. Обозлило и то, что Туманов сказал, что они не хотят класть его в больницу... Так я понял, что не хотят... И я хотел зайти и как-то поучаствовать, но Янклович довольно настойчиво – без грубостей, конечно, – вытеснил меня на площадку... Закрыл за собой дверь и

стал говорить, что сейчас они повезут его в больницу... Что все это очень тяжело...

Янклович откровенно говорил, что отец колется, он не считал нужным от меня это скрывать... Минут десять мы постояли... Он сказал, чтобы я не волновался... Чтобы спокойно ехал домой, а утром позвонил... Это было, наверное, уже ночью – часа за четыре до смерти отца...

Оксаны в тот момент не было – по крайней мере, не было в поле моего зрения. А если бы она была, то она была бы с отцом... В тот момент там не пили, – по крайней мере, никакого буйного веселья там не было...

Но там уже была какая-то истерика, произошел какой-то скандал... У Валерия Павловича прыгала челюсть.

Конечно, я понимаю, что все они очень по-разному относились к отцу в эти дни. Одно было общим – все от него смертельно устали... Но кто-то продолжал хладнокровно тянуть деньги... А кто-то искренне переживал... Вот что я точно знаю: Игорь Годяев переживал по-настоящему – я это видел потом. Валерий Павлович тоже переживал по-своему – он рыдал 25-го возле отца...»

Оксана настаивает, что она в этот момент в квартире была, а вот скандала не было: «Никакого скандала там не было. Может быть, приходил Мазо, а я куда-то вышла? Но скандала точно не было. И уж никакого буйного веселья в эти дни и быть не могло».

Затем Федотов, по его словам, «поехал на Бауманскую – к своей знакомой... Пробыл там часа два, а потом вернулся на своей тачке...»

Абдулов свидетельствует: «После репетиции я поехал на Варшавку. Позвонил на Малую Грузинскую примерно в час ночи... Валера сказал:

– Володя успокоился, я сейчас поеду домой.

Я говорю:

– Хорошо. Я вот по этому телефону – звони в любой момент».

Последним уехал домой во втором часу ночи Янкович. Он так объяснил свой отъезд: «Мне надо было отдохнуть, привести себя в порядок – у меня уже сил не было... Все это длилось почти неделю... Я все время ждал Федотова...»

Перед отъездом мы с Федотовым перенесли Володю из кабинета в гостиную, поставили тахту перед телевизором...»

Федотов так описал последние часы: «Валера уехал... А Володя как всегда: «А-а... О-о...» Ладно, думаю, может, перебесится... Но ночь у него была очень хреновая – надо было взять и увезти в больницу... Почти всю ночь не спал... Потом он попросил водочки, я, честно говоря, тоже с ним засадила... Рюмочку. Но я же измотанный, уставший – слабость... Час, два... Володя все маялся...»

Валерий Нисанов утверждает, что Федотов попросил у него не водку, а шампанское: «Примерно в два часа ночи мне позвонил Федотов:

– Принеси немного шампанского. Володе нужно.

Я принес шампанское и ушел спать».

Впрочем, нельзя исключить, что в эту последнюю ночь были и водка, и шампанское, – этакий коктейль «белый медведь».

Оксана вспоминала: «Не знаю почему, но Толя Володину кровать, на которой его и прибинтовали – нет, я уже все развязала... Эту кровать он перенес из маленькой комнаты в большую. Один перенес, и Володю перенес туда – и положил туда... По-видимому, он что-то такое успокоительное колол... Или дал выпить? Я не знаю, но Володя все время стонал... Все время какие-то звуки. А тут очень быстро прекратились всякие звуки... А перед этим у него было абсолютно ясное сознание. Он говорит:

– Ну чего ты плачешь? Не плачь, все будет нормально...»

– Володя, я пойду посплю!

– Ну иди поспи...»

А перед этим Толя говорит:

– Я сегодня останусь, ты сегодня отдохни.

А я же все эти ночи не спала! И какие это были ночи! То я с балкона его вытаскивала – сейчас он бросится... То в туалет водила, то в ванную... То бегала к таксистам шампанское покупать, если ему нужно было...»

И вот я пошла спать, говорю Толе:

– Толя, ты не будешь спать?

– Я посижу, ты иди поспи...»

И я пошла... А тут прекратились всякие звуки – поэтому я и заснула. Потому что мертвая тишина! Ну, думаю, – Володя заснул, и я могу поспать...»

Федотов рассказывал о том, как умер Высоцкий: «Час, два, три... Володя все маялся. Я уснул, может быть, часа в три... Прилег и, видимо, уснул... Где-то с трех до половины пятого – в этом промежутке умер... Меня как будто подбросило... Руки еще теплые, пульса нет, зрачки не реагируют... Во сне – инфаркт... Судя по клинике – инфаркт...»

Есть и немного другой вариант федотовского рассказа о смерти Высоцкого: «Я сделал укол снотворного... Час, два... Володя все маялся... Потом затих. Ну, думаю, уснул... Он уснул на маленькой тахте, которая тогда стояла в большой комнате...»

А я был со смены – уставший, измотанный. Прилег и уснул – наверное, часа в три.

Проснулся от какой-то зловещей тишины – как будто меня кто-то дернул. И к Володе! Зрачки расширены, реакции на свет нет. Я давай дышать (делать искусственное дыхание. – Б. С.), а губы уже холодные... Поздно...»

Между тремя и половиной пятого наступила остановка сердца на фоне инфаркта. Судя по клинике – был острый инфаркт миокарда... Я – будить Оксану! Сам растерялся, конечно. А она – в истерику! Раза три в обморок падала. Я совладал с собой – по щекам ее... Водой отливал... Я понимал, что лишних людей тут не должно быть:

– Ну-ка, давай – собирайся быстренько!

Отправил ее...»

Оксана, как и Федотов, не застала сам момент смерти: «И вот я пошла спать. Легла... И как мне показалось – прошло одно мгновение! Как бывает, когда глаза закрыл, сразу заснул, а тебя тут же разбудили. Вот такое состояние... Но, наверное, прошло часа два или час... Ну очень мало времени, потому что я ушла спать часа в два... Я заснула, потому что наступила мертвая тишина...

Мне кажется, что, как только я заснула, влетел Толя:

– Оксана! Володя умер!

Я ничего не понимаю, вскакиваю и бегу туда, вижу – лежит Володя.

– Толя! Давай делать искусственное дыхание!

– Все! Ему уже поздно!

То есть он дал ему это лекарство – и заснул! И здесь, на диване в большой комнате, и уснул. А когда проснулся – увидел, что Володя уже мертвый. Значит, минут сорок прошло.

А может быть, все это было и не так – это я сейчас анализирую...

Так... Когда я ушла, Володя еще не спал, он мне сам сказал: «Пойди отдохни...»

Толя тут же перенес кровать из кабинета, маленькая кровать такая – тахта. Он ее поставил в большой комнате, перевел Володю. Он поставил ее от телевизора – ногами к двери. А сам лег на диван. Уснул. И, видимо, Володя быстро умер...

И когда я влетела в комнату, я взяла Володю за руку. А когда я отняла свою руку, остались отпечатки моих пальцев. То есть на его руке остался след. Он уже не был теплый, он был холодный! Все! Уже покойник!

И у него были открыты глаза! То есть Володя не спал, когда умер. Значит, он умер не во сне... Вот так...

Конечно, Володя умер от скопления всего – тут масса причин... А то, что Толя дал это лекарство, – может быть, только толчок...»

Заметим, что какое именно лекарство вколол Федотов Высоцкому в последний раз, так навсегда и останется тайной.

Есть и другой, более поздний, рассказ Оксаны Афанасьевой о последних часах Высоцкого: «Вот что я вспомнила! Ведь наш последний разговор был в кабинете! Володя остался лежать там, на этой маленькой кровати...

«Ну как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Ты иди поспи».

А почему Володя оказался в большой комнате? Может быть, он его раньше перенес?

В столовой оставалась недопитая бутылка водки... А в большой комнате она стояла уже пустая. Толя ее допил. И может быть, он хотел посмотреть телевизор? А может быть, в шоке – после смерти перенес его туда... Но зачем? Он же ко мне не сразу прибежал...

«Толя, надо делать искусственное дыхание!

– Поздно! Я уже пробовал. Я уже пытался все сделать».

Володя был уже холодный. И даже чувствовался легкий сладковатый запах. Значит, прошло часа полтора-два...

Толя все это выдумал. Я никуда не уезжала, я осталась. Толя ведь – истерик. Я была собранна, как никогда. Он ничего не мог делать. Я позвонила Боровским...»

Федотов, однако, настаивал, что он взял инициативу на себя: «Тут же я позвонил Янкловичу, Туманову... Вызвал ментов, чтобы не было слухов... Есть протокол – «ненасильственная смерть»... Пока Вадим и Валера ехали, пришли менты... Когда? Я кинулся к Володе в полпятого... Пока обзванивал... Еще вызвал «Скорую» – для очистки совести... Да... Бросился я к нему, к Высоцкому... А он – труп! Что делать?..»

Я до сих пор себе не прощу... Валера передал его мне с рук на руки... А надо было... Во-первых, надо было его забрать в больницу – 23-го... А днем надо было сесть на машину и ехать за наркотиками... Заснул я, наверное, на час, задремал...

Смог ли бы я ему помочь? Трудно сказать, но я бы постарался сделать все. До сих пор не могу себе простить, что заснул тогда. Прозевал, наверное, минут сорок».

То, что Федотов всю оставшуюся жизнь тяжело переживал, что «упустил» Высоцкого, подтверждают его друзья. Валерий Янклович свидетельствует: «Толя потом этим так мучился... Он же попробовал на себе – сам стал употреблять наркотики, чтобы найти выход. Однажды прибежал ко мне такой радостный:

– Все! Я нашел способ! Теперь бы я его спас!

Но и он не смог победить эту болезнь – от нее и умер».

Как вспоминал Юрий Емельяненко: «...Толя Федотов пил беспробудно и на похоронах, и на девять дней, и на сорок. Он считал себя виновным в смерти Володи: вроде как он заснул... Ведь Володя настолько верил в него, настолько демонстрировал это и говорил всем, что это его личный врач... Толя Федотов кидался с балкона, и его задержал кто-то. Вроде Валерка Янклович мне говорил, что Федотов был уже на той стороне и что он его за штанину или за пиджак задержал и перетянул...

Никто из ребят не считал его виновным, нет, Боже упаси, никто и никогда, что вы! Никто этого не показывал, наоборот, его подбадривали, поддерживали, как могли. А он растаял, расплылся полностью... совершенно... все время пытался оправдываться, вешался на всех, плакал беспрерывно. Как только кто чего спросит, так и... Все сорок дней так...»

Врач Олег Филатов также не склонен винить Федотова в смерти Высоцкого: «... Зря он себя так казнил. Володя сам себя износил: и свой организм, и свой мозг...

Хотя, если у меня на операционном столе умирает совершенно безнадежный больной, тоже возникает чувство вины. Думаешь, может быть, надо было сделать не так, а по-другому... В общем, такое «самобичевание врача...»

Сразу после смерти друга Высоцкого озаботились тем, чтобы скрыть следы наркомании Высоцкого. Ведь в квартире должны были побывать сотрудники «Скорой помощи» и милиции. Янклович вспоминал: «...У меня все время мысль: будет обыск, будет обыск... В кабинете был такой плафон – Володя туда прятал пустые ампулы... Я говорю:

– Давайте их уберем!

К этому времени я уже пришел в себя... И мы выгребли из люстры пустые ампулы...»

Федотову пришлось потрудиться побольше, чем Янкловичу. И он с гордостью вспоминал: «Я ездил в поликлинику... Мы это проделали гениально... Я говорю, что наблюдал... Что кандидат наук... Она – раз! И подписала...

Свидетельство о смерти... Мы там написали... «Смерть наступила во сне... В результате абстинентного синдрома и острой сердечной недостаточности... Склероз венечных сосудов сердца...»

Как без вскрытия? Я же долго лечил его... Наблюдал агонию... А было бы вскрытие – увидели бы следы уколов...

А в карточке я написал: «Страдал хроническим алкоголизмом... Развилась миокардиодистрофия». Да, когда я оформлял свидетельство о смерти, заметил, что в карточке всего одна запись – один раз обращался в поликлинику... Флегмона – подкожное заражение... Запись сделана примерно за месяц до смерти».

Очевидно, обращался к врачам по поводу нарыва на ноге, который был следствием того, что он неудачно вколол себе наркотик.

Но без содействия отца Высоцкого для того, чтобы не допустить вскрытия, обойтись не удалось. Янклович рассказал, как тайное чуть было не стало явным: «Неожиданно дежурный по городу – генерал милиции – присылает людей и требует везти тело на вскрытие. И тут надо отдать должное Семену Владимировичу – он действовал решительно. Категорически запретил вскрытие. А было бы вскрытие, может быть, обнаружили бы побочные явления, узнали бы о болезни... Последовала бы отмена диагноза...»

Свою лепту в сокрытие истинных обстоятельств смерти Высоцкого внес и Леонид Сульповар, впоследствии не раз высказывавший сожаление, что вскрытия не было. Он вспоминал: «Вскрытия не было... Ну, это целая эпопея... Этим я и занимался в институте... У нас работает патологоанатом академик Пермяков. Он очень хорошо относился к Володе, и удалось договориться, что вскрытия не будет. А там уже приехали забирать...»

Да, в общем, все сразу не хотели вскрытия... Ведь что означало вскрытие в той ситуации? Во-первых, судебно-медицинская экспертиза. Вскрывается и описывается каждый кусочек тканей. А значит, были бы отмечены и уколы, и рубцовые изменения. Все это

сразу же стало бы известным – начались бы никому не нужные разговоры о наркомании.

Вот почему я позвонил Пермякову и попросил его отменить вскрытие. Вначале говорили, что это невозможно, но Пермяков сумел настоять. Он знал и ценил Володю».

Надо сказать, что врачи «Скорой помощи» Станислав Щербаков и Леонид Сульповар выдвинули версию смерти Высоцкого, отличную от той, которую отстаивал Федотов и которая в итоге была записана в свидетельстве о смерти.

Щербаков утверждал: «Ведь этот диагноз – якобы инфаркт миокарда – он всех устроил. Все с радостью за него ухватились. А ведь все это делается очень просто: берется одна кардиограмма... Я могу вам показать с десяток кардиограмм с инфарктом... Все дело в том, чтобы убрать предыдущие, – тогда не с чем сравнивать. О том, что подсунули кардиограмму, мне говорили Годяев, Сульповар и еще кто-то из фельдшеров наших...»

А 25-го я прихожу на работу, а мне говорят фельдшера:

– Станислав Алексеевич, Высоцкий умер.

Я разозлился страшно. Ведь почему мы с Леной взорвались 23-го? Это была кома! Медикаментозная кома.

И если 25-го был аналог ситуации 23-го – а судя по всему, аналог был полный, – Высоцкий умер от асфиксии. Запал язык, и он просто не смог дышать. Ведь он был полностью релаксирован – расслаблен – за счет больших доз седативных препаратов... А ведь Федотов его «лечил» этим методом не день и не два – по крайней мере, две недели...

Да, вскрытия не было... Но оно могло и не установиться точной причины... Кстати, утром 25-го я думал, что Высоцкого привезут на вскрытие в

Склиф. И совершенно озверевший, я позвонил своим судмедэкспертам (хотя, конечно, этого делать не следовало)... И говорю Инессе Васильевне Вороновой:

– Сейчас привезут Высоцкого – посмотрите, чтобы кровь взяли на все яды...

Но Высоцкого не привезли».

Сульповар в целом согласен с Щербаковым, но менее категоричен в выводах: «В общем, напоили его хлоралгидратом, он вроде и уснул. Но, понимаете, есть такое понятие – врачебная этика: я ничего не могу утверждать окончательно, у меня могут быть только соображения по этому поводу. А являются ли эти соображения абсолютно достоверными в данной ситуации, сказать очень сложно...

А по идее, там может быть сочетание причин. И отравление хлоралгидратом – самое банальное. Ведь его давали пить! – неизвестно сколько и неизвестно с чем... Но скорее всего – это сугубо мое мнение, – Высоцкий умер в результате западения языка и асфиксии.

Не думаю, что после вскрытия было бы заведено дело... На хлоралгидрат анализов не брали... Да и хлоралгидрат – наверное, только одна из причин смерти».

Работник МВД Павел Павлович Н-ев, бывший участковый Высоцкого, давший интервью Валерию Перевозчикову, говорил, что о наркомании Высоцкого знал еще до смерти. Это совпадает и с признаниями калининградских милиционеров, приведенными выше. Раз о наркомании Высоцкого знали в МВД, КГБ, скорее всего, тоже был в курсе. В последние месяцы жизни наркотические ломки Высоцкого было уже очень трудно скрыть от знающих людей. Но никаких мер правоохранные органы не предпринимали. Вероятно, просто потому, что толком не знали,

что делать. Публично заявить, что самый знаменитый советский бард – законченный наркоман, значило спровоцировать новый международный скандал. Официально, повторю, наркомании в СССР не существовало. А тут вдруг выяснится, что Высоцкий погибает от наркомании, как какая-нибудь звезда западного шоу-бизнеса. Но те-то живут при «проклятом капитализме» и губят себя наркотиками то ли от безысходности, то ли от пресыщенности «обществом потребления». А с чего вдруг должен был стать наркоманом советский актер и певец? Пресытиться плодами «общества потребления» в нашей стране ему никак не грозило, и даже с учетом его постоянных поездок по миру и широких возможностей по приобретению дефицитных вещей Высоцкий по своему уровню потребления далеко отставал от западных звезд, хотя значительно превосходил своих друзей-актеров, что часто вызывало у последних зависть. Прямо же говорить, что Высоцкий стал наркоманом оттого, что его стихи не печатали, а его песни не получали официального признания, было и вовсе неудобно. Так что, узнав о наркомании Высоцкого, правоохранные органы решили шума не поднимать, а отдалиться на волю судьбы. Выкарабкается Высоцкий – и слава богу. Ну а загнется – так тому и быть. Хотя, конечно, многие милиционеры и чекисты, особенно среднего звена, творчество Высоцкого любили и искренне горевали после его смерти.

Павел Павлович Н-ев, очевидно, разделял версию Сульповара и Щербакова о том, что Высоцкий умер по вине Федотова от асфиксии, вызванной западением языка. Он рассказывал Перевозчикову, как пытался возбудить уголовное дело по факту убийства: «И вот наступил момент, когда надо дать заключение: либо рапорт на возбуждение уголовного дела, либо – нет, тогда материал сдается в ар-

хив... А мало кто знает, что в таких ситуациях приходится осуществлять и дознание, и следственные действия... Я собрал всю информацию, сведения, полученные от врачей: слабые сосуды, заболевание сердца... И поставил перед судмедэкспертом несколько вопросов:

– Отчего могла произойти смерть?

– Роль связывания простынями...

Он дал заключение: связывание могло привести к смерти. И я решил возбудить уголовное дело о неосторожном убийстве... Послал повестки Федотову и Янкловичу – они сразу же приехали. Приехали с таким гонором: мы будем с вами разговаривать в другом месте!

Тут я и говорю:

– Вы совершили неосторожное убийство.

Лоск сразу спал. Я говорю, что умысла, конечно, не было, но имело место неосторожное убийство... Умысел – это в голове, а я в мозг залезть не могу. Для них это был шок. Я же видел их бледность, растерянность. Я задаю вопрос, они начинают юлить... В общем, я их испугал. И я же вижу, что что-то не то. Наверняка знают правду, а сказать не хотят.

Потом они начали звонить по своим каналам... И на меня пошли звонки: «Надо встретиться, поговорить...»

А время шло, меня вызывало руководство:

– Что ты тянешь!

Я брал отсрочку – 2–3 недели... Потому что чувствовал – привлекать надо, а суд бы уж решил... Даже если он сам задохнулся – запал язык, – а почему? Все равно кто-то должен был отвечать. Неосторожность просто «висела» там... Даже если «передозировка», как у наркоманов, – тоже неосторожное убийство... И вскрытие – это совершенно нормальный ход вещей... А тут – все концы в могилу.

В общем, в конце октября 1980 года я собрал материал о передаче дела в следственные органы. По моему, аргументов «за» было больше.

Меня снова вызывают... На столе лежат две стопки листов. Одна стопка – для отказа в возбуждении уголовного дела, другая – за возбуждение. Стопка для отказа – раза в два толще. Вот и все...

Да, существует определенная практика прохождения такого материала: проверка прокуратурой, руководством... Это – неделя, две... А этот материал был проверен за один день. И списан в архив. А хранятся такие дела недолго – в первое же уничтожение оно было сожжено. А что остается от отказанного материала по факту смерти? В лучшем случае листок, что было такое дело и тогда-то оно было уничтожено. Вот такой листок в папке, а потом уничтожается и папка...»

Несомненно, начальство Павла Павловича тоже знало о наркомании барда и предпочло скандала не поднимать. Ведь в случае возбуждения уголовного дела наверняка всплыла бы тема наркотиков, да и тело артиста пришлось бы эксгумировать, поскольку вскрытия не проводилось. А факт эксгумации наверняка получил бы широкую огласку и породил бы толки, что на самом деле Высоцкого убили.

Строго говоря, можно выдвинуть три версии гибели Высоцкого, но ни одну из них из-за того, что не было проведено вскрытие, нельзя ни однозначно доказать, ни опровергнуть, и ни одна из них не подпадает под определение умышленного убийства. Во-первых, Высоцкий мог умереть от инфаркта миокарда, как и гласит официальная версия. Она в тот момент в наибольшей степени устраивала всех: лечащего врача Федотова – потому, что снимала с него вину за смерть барда, а власти и родных и близких Высоцкого – потому, что позволяла избежать толков

о его наркомании. Однако тот факт, что данная версия всех устраивала, не означает, что сфальсифицирована и не имеет ничего общего с действительностью. Нет, она столь же вероятна, как и две другие. И некоторые из показаний свидетелей говорят в ее пользу. Вспомним, что Оксана Афанасьева вспоминала, что в последний день своей жизни Высоцкий жаловался на сердце, что она сказала об этом Федотову, а тот не обратил на это внимания. Оксана с Федотовым не была в сколько-нибудь близких отношениях. Скорее, наоборот, в ее воспоминаниях проскальзывает определенная неприязнь к нему за то, что он не сумел спасти Высоцкого. Вряд ли бы Оксана стала выдумывать про боли в сердце, чтобы подкрепить федотовскую версию. А то, что у Высоцкого сердце могло прихватить от постоянной выпивки в условиях абстинентного синдрома, сомнений не вызывает. Как и то, что Высоцкий выпивал даже за несколько часов до смерти. Вину Федотова и других лиц, окружавших барда в последний день его жизни, можно усмотреть в том, что они не предотвратили употребление Высоцким алкоголя. Однако, как мы помним, никому и никогда не удавалось остановить Владимира Семеновича ни в выпивке, ни в употреблении наркотиков. Небольшая вина Федотова, возможно, заключается в том, что он не прислушался к предупреждению Оксаны о том, что у Высоцкого болит сердце, и не дал ему каких-либо сердечных препаратов. Но у Владимира Семеновича в тот момент болело почти все, и Федотов мог счесть боли в сердце невротическими или просто не придать им значения.

Вторая версия, отстаиваемая Щербаковым и Сульповаром, заключается в том, что роковым для Высоцкого стало то обстоятельство, что Федотов, применив хлоралгидрат, оказался не в состоянии постоянно наблюдать больного, заснул, и в результате Высоцкий

умер от асфиксии вследствие западения языка. В этом случае Федотов оказывается главным виновником смерти поэта. Его вина усугубляется тем, что он незадолго до этого принял алкоголь, который и мог спровоцировать внезапный сон. В то же время Щербаков и Сульповар признают, что даже в случае проведения вскрытия доказать их версию было бы очень трудно, поскольку маловероятно, что сделали бы экспертизу на наличие в организме хлоралгидрата.

Наконец, третья версия сводится к тому, что Федотов ввел Высоцкому наркотик, и он умер от передозировки. Как мы убедились, судя по воспоминаниям Анатолия Павловича, в последний день жизни Высоцкого у него не раз возникала мысль достать для него «лекарство». Не исключено, что последняя поездка Федотова в район «Варшавской» была как раз за наркотиками. В этом случае тоже виноват оказывается Федотов, поскольку именно он ввел роковую дозу. Однако даже если вторая и третья версия верны, то речь, очевидно, может идти лишь о халатности, повлекшей за собой смерть человека.

Иван Бортник так запомнил обстоятельства, при которых узнал о смерти Высоцкого: «Вечером спектакль – готовлюсь. И вдруг открывается дверь, Таня входит: «Володя умер». Поехал в театр – там уже висит траурная надпись. И тут со мной началась истерика. Как доиграл – не помню. После спектакля мы с Любимовым поехали на квартиру к Володе. Я вошел в комнату, где он лежал, – снова истерика. Подошла мать, Евгения (Нина. – Б. С.) Максимовна: «Ваня, Ванечка, поплачь», – гладила она меня по голове. Мне вдруг почему-то пришла в голову мысль позвать знакомого священника. Стал звонить. Так Семен Владимирович, отец Володи, закричал на меня: «Прекрати! Я коммунист, никаких священников здесь не будет!»

Валерий Золотухин 25 июля 1980 года записал в дневнике, как он узнал о смерти Высоцкого: «В кассе театра мне сообщили, что умер Володя Высоцкий. Бейдерман (художник-декоратор. – Б. С.) некролог пишет.

А вчера я позвонил к нему домой, к телефону подошел:

– Это Дима, врач. Вы меня не знаете. Володя спит.

– Как вы думаете, сколько он будет спать?

Тот засмеялся:

– Думаю, что целый день.

– Передайте ему, как он проснется, текст телефоннограммы следующего примерно содержания: Геннадий Полока и Валерий Золотухин просят его очень вспомнить молодость и, как встарь, под единое знамя соединиться в общей работе (над фильмом Полоки «Наше призвание». – Б. С.).

– Хорошо, я ему это обязательно передам.

Так вот: эскулап ошибся. Володя не проснулся, а в 4 часа утра заснул навеки... обширный инфаркт... атеросклероз... аорты сердечной... и т. д.

Зинка Славина затащила меня в гримерную: «Ты следующий!» Спыхватилась: «И Бортник... Кто тебя дома окружает, кроме жены? Кто тебе подносит... первую рюмку? Я видела сон... страшный. Я Ирке сказала. Не веришь – позвони ей...» – «Зина! Володя умер!!! За чем мне разгадывать твои сны?»

Каждый, вспоминая свои последние встречи с умершим, обязательно вспомнит нечто предвещающее и только именно ему открывшееся: один его глаза остановившиеся вспоминает, и не был ли он косоват от природы, другой – его ледяные пальцы, кровь не проталкивается, не циркулирует, третий – что он говорил, что «так плохо, так плохо... просто конец...» и т. д.

Я вышел на первый зонг с гармошкой и не мог удержать слез. – «Не скулите обо мне, ради Бога».

Шеф, когда села публика:

– У нас большое горе... Умер Высоцкий... Прошу почтить...

Зал встал.

На следующий день Золотухин подвел в дневнике итоги своей дружбы с Высоцким: «И не поехал я ни в какой Чернигов, а поеду сейчас к моему товарищу, к великому человеку – Владимиру Семеновичу Высоцкому. Родители не отдали его в морг, не разрешили делать вскрытие. Он умер во сне, умер смертью праведника.

У театра парни собирают подписи, чтобы Театр на Таганке назвать Театром имени Высоцкого...

– Кто это допустит? О чем вы говорите?

– Кто бы ни допустил, а соберем... Мы хоть попробуем, как у Формана... (в фильме «Пролетая над гнездом кукушки. – Б. С.)

Вчера с самого утра милиция самых больших чинов в театре, ответственные бедняги за проведение похорон...»

Далее Золотухин процитировал официальный некролог, опубликованный в «Вечерней Москве» и «Советской культуре»: «Министерство культуры СССР, Госкино СССР, Министерство культуры РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, Всероссийское театральное общество, Главное управление культуры исполкома Моссовета, Московский театр драмы и комедии на Таганке с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной кончине артиста театра Владимира Семеновича ВЫСОЦКОГО и выражают соболезнование родным и близким покойного».

Актер с возмущением прокомментировал его: «Все, что они могли сказать о нем... в двух газетах. Страна еще не знает, что умер один из самых чистых и честных голосов России.

В Серпухове нас спрашивают: «А правда ли?..», и уже ходят слухи, что его отравили».

31 июля Валерий Сергеевич передал в дневнике свои впечатления накануне похорон Высоцкого: «Последние часы этого страшного месяца, унесшего от нас двух товарищей наших. Господи, Господи, Господи! Это ужасно, что мне предстоит все это описать, потому что я не могу этого не записать, память стала треснутым сосудом, в котором удерживается в основном грязь.

Что я сказал Володе. Кстати, мысль, ответственность и волнение, подбор слов – испортили мне прощальные минуты с Володей. Я больше думал о себе, как и что скажу и что будут говорить о том, что я говорил. Вот ведь какая фигня.

– Дорогой товарищ наш, дорогой Володя. Мне выпала горькая участь сказать слова прощания от лица твоих товарищей, от лица театра, артистов, постановочной части, от лица всего коллектива.

С первого твоего появления на этой сцене, с первых шагов твоих на этих подмостках до последнего слова твоих сочинений мы, товарищи твои по театру, с любовью, восторгом, любопытством, болью и надеждой наблюдали за твоей азартной траекторией. Ты был душой нашей, ты есть счастливая частица наших биографий, биографий всех тех людей, которые хоть на малое время сталкивались с тобой в работе. Ты стал биографией времени.

Мы бесконечно скорбим о твоей утрате. Мы донесем детям своим, внукам нашим благодарение за то, что нам выпала счастливая доля работать с тобой, слышать, и видеть, и любить тебя живого. Для твоих многочисленных партнеров ты был братом, братом любимым, потому что в глазах твоих всегда было желание удачи и добра другому. Жизнь, которую суждено прожить Театру на Таганке без тебя, мы, твои товарищи, постараемся на этих подмостках прожить с такой ответственностью к России, к слову, к делу, с

такой ответственностью, которая была свойственна лучшим, праведнейшим сынам нашего Отечества, одним из которых, безусловно, являешься ты, наш друг.

И ты как будто предчувствовал свою кончину, когда написал свои предсмертные стихи, в которых звучали такие слова:

Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.

Дорогая Нина Максимовна, дорогой Семен Владимирович, Марина, уважаемые родственники, близкие Володи. Театр бесконечно скорбит, и не только театр – здесь такое удивительное количество народа – бесконечно скорбит о кончине вашего гениального сына, нашего замечательного товарища.

Вечная память.

Вот то дословное слово, которое я произнес в последний путь Володе Высоцкому от своего имени и имени театра.

Маска была снята художником Юрием Вас. Васильевым 26 июля 1980 г. в 14 часов 10 мин. Слепок левой руки также. Все это я пишу, чтоб не затерялись сведения, чтоб история, начатая давно, с рождения Высоцкого, не искажалась, а очистилась от лишнего и предстала перед потомками в том ответственном качестве, о котором я говорил перед гробом.

Катя Любимова крепко, по-мужски, сжала мне кисть, когда я отходил от микрофона.

На панихиде, доставая вилок краба, Семен Владимирович, активно жуя, сказал мне: «Между прочим, дорогой Валерка, я с наслаждением слушал сегодня тебя, молодец, умница...»

Еще в более высоких выражениях, на поминках, хвалил меня Высоковский. Мне очень хочется знать, что думают по этому поводу мои коллеги по театру.

Вот и не стало Владимира Семеновича. Вражеское радио ежедневно делает о нем часовые передачи, звучат его песни. Говорят и о нашей с ним дружбе, и звучала моя песня «Ой, мороз, мороз...», и наша сцена из «Хозяина тайги». У нас же даже приличного некролога, даже того, что мы редактировали у гроба, не поместили. Господи! Да куда же ты смотришь?!

Марина просила его сердце с собой во Францию... Любопытно, а вдруг вырезала и увезла?! Ведь врач-то был всегда при ней... Но и родители смотрели в оба».

По свидетельству Николая Дупака, директора Театра на Таганке, во время прощания с Высоцким 28 июля «Таганская площадь была переполнена, а Верхняя Радищевская улица заполнена до Солянки! Такого я не видел ни до, ни после».

Мы никогда не узнаем точную причину смерти Высоцкого. Но по большому счету был прав Валерий Янклович, когда в фильме Эльдара Рязанова «Четыре встречи с Владимиром Высоцким» заявил: «То, что он совершил, и было самоубийством».

Содержание

Владимир Высоцкий – запрограммированное самоубийство	5
Любовь Высоцкого	12
Алкоголизм Высоцкого	40
Высоцкий и наркотики	62
Доходы и долги Высоцкого	151
Агония Высоцкого	195

НОВАЯ ВЕРСИЯ трагедии Владимира Высоцкого. Сенсационное расследование гибели великого актера и поэта. Шокирующий ответ на самые «неудобные» и «скандальные» вопросы: что сгубило «Шансонье всея Руси» – отсутствие официального признания, чрезмерное народное обожание, водка, героин? Из какого житейского сора росли его последние стихи и песни, кем была его последняя любовь, как рождались последние кинороли, в том числе и незабываемый образ Глеба Жеглова? Что заставляло Высоцкого жить «на разрыв аорты» и годами «стоять на краю», заглядывая в бездну, играя со смертью? Почему его поведение так похоже на самоуничтожение, самосожжение, суицид? И правда ли, что поэт сам себя свел в могилу, а его трагический уход – не что иное, как **САМОУБИЙСТВО**? Недаром же В. Смехов сказал: «ОН УМЕР ОТ СЕБЯ...»

